

ДЖЕК

ЛОНДОН

Лунная долина

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Джек Лондон
Лунная долина

«АСТ»

1913

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Лондон Д.

Лунная долина / Д. Лондон — «АСТ», 1913

Роман известного американского писателя Дж. Лондона (1876–1916) «Лунная долина» – это история молодого рабочего, побежденного «железной пятой» промышленного города-спрута и обретающего покой и радость в близкой к природе жизни на калифорнийском ранчо.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Лондон Д., 1913

© АСТ, 1913

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	19
Глава пятая	27
Глава шестая	29
Глава седьмая	34
Глава восьмая	39
Глава девятая	43
Глава десятая	47
Глава одиннадцатая	53
Глава двенадцатая	60
Глава тринадцатая	63
Глава четырнадцатая	66
Глава пятнадцатая	70
Часть вторая	73
Глава первая	73
Глава вторая	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Джек Лондон

Лунная долина

© Перевод. В.О. Станевич, наследники, 2011

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Часть первая

Глава первая

– Слушай, Саксон, пойдём со мной. А если бы и в «Клуб каменщиков»? Чем плохо? У меня там найдутся знакомые кавалеры, у тебя тоже. И потом оркестр Ола Виста... Ты же знаешь, он чудно играет. А ты любишь потанцевать...

Девушку прервала грузная пожилая женщина, работавшая поодаль. Она стояла спиной к подругам, и эта спина, рыхлая, сутулая и неуклюжая, начала вдруг судорожно вздрагивать.

– Господи! – простонала женщина. – О Го-осподи!

Как затравленный зверь, бросала она вокруг себя яростные взгляды.

В большой комнате, где было жарко, как в пекле, работало несколько десятков гладильщиц, и пар от шипевшего под их утюгами влажного белья густым слоем сырости оседал на выбеленных стенах. Девушки и женщины, работавшие с нею рядом, безостановочно и быстро водили утюгами; услышав крик, они стали озира́ться, невольно нарушая равномерный ритм своих ловких и быстрых движений, а это не могло не отразиться на их работе, так как гладильщицы тонкого крахмального белья были на сдельщине.

Женщина, наконец овладев собой, схватила утюг и стала машинально водить им по воздушной блузке с рюшами, лежащей на доске.

– Я уж думала, с ней опять начинается... – сказала девушка.

– Слышанное ли дело! Женщина в ее возрасте, с этакой семьей... – отозвалась Саксон, разглаживая горячим утюгом для плойки кружевную оборку. Трудно было не залюбоваться ее бережными, уверенными и быстрыми движениями. Хотя ее лицо побледнело от усталости и невыносимой жары, движения оставались точными и быстрыми.

– У бедняжки семеро детей, двое из них в исправительной школе, – сочувственно заметила ее подруга. – Но только ты, Саксон, непременно приходи завтра в Визел-парк, – вернулась она к прежнему разговору. – У «Каменщиков» всегда бывает весело: перетягивание каната, бег толстяков, настоящая ирландская джигга и... многое другое. И танцевальный зал там отличный.

Однако пожилая женщина снова ее прервала: утюг выскользнул у нее из рук прямо на блузку, женщина попробовала было ухватиться за доску, но колени ее ослабели, и она, как мешок, упала на пол. Протяжный крик раздался в душевной комнате, и тут же едко запахло спаленной тканью. Соседки бросились прежде всего к горячему утюгу, чтобы спасти блузку, а затем уже к упавшей. В проходе показалась старшая мастерица, она с грозным видом спешила к месту происшествия. Женщины, стоявшие подалее, продолжали работать, но в их движениях чувствовалась неуверенность. В общей сложности они, должно быть, потеряли не меньше минуты.

– От такой жизни собака околеет, – пробормотала первая гладильщица, решительно ставя свой утюг на подставку. – А девушке – впору удавиться. Брошу я это, вот и все.

– Мери! – Саксон произнесла имя приятельницы с такой глубокой укоризной, что и ей самой пришлось поставить утюг и потерять еще с десятков движений.

Мери испуганно покосилась на нее.

– Я не то хотела сказать, Саксон, – прошептала она. – Даю честное слово, я бы никогда не пошла по дурной дорожке. Но сама посуди, разве человеческие нервы могут выдержать хотя бы такой день, как сегодня! Нет, ты послушай!

Упавшая женщина, лежа на спине, колотила ногами по полу и выла однообразно и непрерывно, точно заводская сирена. Две работницы, подхватив товарку под руки, поволокли ее вдоль прохода, но она не переставала колотить ногами и кричать. Дверь открылась, ворвав-

шийся рев и грохот машин заглушили шум и крики еще до того, как она захлопнулась. В комнате от всего этого происшествия остался только едкий запах сожженной ткани.

– Дышать нечем, – сказала Мери.

Потом утюги снова заходили вперед-назад, гладильщицы уже не замедляли темпа, а старшая мастерица прогуливалась между досками и грозно следила, не рухнет ли опять кто-нибудь на пол, не сделается ли еще с кем-нибудь истерика. Иногда то одна, то другая гладильщица останавливалась, чтобы утереть пот и перевести дыхание, затем снова с отчаянной решимостью бралась за утюг, стараясь наверстать потерянное время.

Длинный летний день кончался, но жара не спадала, и работа продолжалась при ослепительном электрическом свете.

Только около девяти часов работницы начали расходиться по домам. Гора крахмального кружевного белья почти исчезла, осталось всего несколько штук на досках, у которых гладильщицы еще заканчивали работу.

Саксон освободилась раньше Мери и перед уходом задержалась у ее доски.

– Вот и суббота, еще одна неделя прошла, – сказала печально Мери; ее бледные щеки впали, усталые черные глаза были обведены синими кругами. – Сколько ты, Саксон, по-твоему, заработала?

– Двенадцать с четвертью, – ответила Саксон не без гордости. – И я бы заработала еще больше, если бы не эти чертовки крахмальщицы.

– Молодчина! Поздравляю, – отозвалась Мери. – За тобой не угонишься, у тебя работа прямо кипит в руках. Я заработала всего десять с половиной, а ведь неделя была очень тяжелая... Ну, приходи к поезду в девять сорок. Да не опоздай. Мы еще успеем погулять до танцев. К вечеру там соберется пропасть знакомой молодежи.

Пройдя два квартала, Саксон увидела на углу под электрическим фонарем группу хулиганов и ускорила шаг. Когда она проходила мимо них, ее лицо невольно приняло суровое выражение. Она не разобрала слов, сказанных ей вслед, но догадалась об их смысле по наглому смеху, которым они сопровождались; кровь хлынула ей в лицо, и щеки разгорелись от гнева. Миновав еще три квартала, она свернула сначала налево, потом направо. Ночь становилась холоднее. По обе стороны улицы тянулись дома, где жили рабочие, – ветхие деревянные хибарки с облупившейся штукатуркой. Дома эти отличались своим убожеством и относительной дешевизной квартир.

Было очень темно. Саксон сразу нашла знакомые покосившиеся ворота, и их укоризненный скрип, как обычно, приветствовал ее. Она прошла по узкой дорожке к заднему крыльцу, машинально перешагнула через недостающую ступеньку и вошла в кухню, где слабо мерцал одинокий газовый рожок. Саксон насколько возможно прибавила света. Комнатка была маленькая, но в ней царил порядок, ибо для беспорядка здесь стояло слишком мало предметов. Штукатурка позеленела от частых стирок и вся потрескалась – результат сильного землетрясения, случившегося прошлой весной. Пол был неровный, с широкими трещинами, перед печкой он прогорел, и на этом месте был прибит расплющенный пятигалонный бидон из-под керосина, сложенный вдвое. Ушат, грязное полотенце на ролике, несколько стульев, деревянный стол – вот и вся обстановка.

Огрызок яблока хрустнул у нее под ногой, когда она поставила стул к столу. На протертой клеенке ждал ужин. Саксон попробовала холодную фасоль с застывшим салом, но отодвинула ее и намазала маслом ломтик хлеба.

Шаткий пол затрясся от тяжелых медленных шагов, и из внутренней двери вошла в кухню Сара, женщина средних лет, растрепанная, с отвисшей грудью и сердитым лицом, которое постоянные заботы избороздили морщинами.

– А, это ты... – пробурчала она вместо приветов. – Ужин остыл, ничего не поделаешь. Ну и денек! Я чуть не умерла от жары. К тому же Гарри ужасно порезал себе губу. Доктор наложил ему четыре шва.

Сара подошла ближе и грузно навалилась на стол.

– Почему это ты не ешь фасоль? – вызывающе спросила она.

– Ничего, просто... – Саксон смолкла, удерживая подступившие рыдания, – просто есть не хочется. Весь день стояла такая жара; в прачечной положительно дышать было нечем.

Саксон храбро отхлебнула холодного чая, успевшего уже прокиснуть, и, чувствуя на себе взгляд невестки, сделала отчаянное усилие и выпила всю чашку. Она вытерла рот носовым платком, затем поднялась.

– Я, кажется, лягу спать.

– Удивляюсь, как это ты не пошла на танцы, – язвительно заметила Сара. – Странно, ты каждый день приходишь домой полумертвая от усталости – и все-таки готова танцевать все ночи напролет.

Саксон хотела было ответить, но передумала и крепко сжала губы; затем не удержалась и вдруг выпалила:

– Ты, видно, никогда молодой не была!

Не дожидаясь ответа, она пошла в свою спальню, смежную с кухней. Это была тесная комнатенка – пять метров в длину и три в ширину; землетрясение и здесь оставило следы на штукатурке. Вся обстановка состояла из дешевой сосновой кровати, стула и старого-престарого комода. Этот комод Саксон помнила с раннего детства, с ним были связаны самые далекие воспоминания. Он еще путешествовал в повозке по прериям вместе с ее родными. Комод был из цельного красного дерева, один его угол треснул, когда повозка опрокинулась в Рок-Кэньон; отверстие от пули в верхнем ящике осталось после стычки с индейцами возле Литтл-Мэдоу. Обо всех этих приключениях ей рассказывала мать; она рассказала ей также, что этот комод был вывезен их предками из Англии очень давно – еще до того, как родился Джордж Вашингтон.

Над комодом висело небольшое зеркальце. За его раму были засунуты фотографии молодых людей и девушек, группы, снятые на пикниках; молодые люди, залихватски сдвинув шляпы на затылок, обнимали своих дам. Рядом висели иллюстрированный календарь и множество цветных реклам и картинок, вырезанных из журналов. На большей части картинок были изображены лошади. Целая коллекция густо исписанных каракулями бальных карточек висела на газовом рожке.

Саксон начала было снимать шляпу, но вдруг опустила на кровать. Она тихонько заплакала, стараясь, чтобы ее всхлипываний не было слышно. Однако дощатая дверь вдруг бесшумно распахнулась, и девушку испугал голос невестки:

– Ну, чего еще? Если тебе не нравится фасоль...

– Нет, нет, – заверила ее Саксон. – Я очень устала, вот и все; и ноги у меня болят. Я не голодна, Сара, я ужасно устала.

– Пришлось бы тебе возиться с хозяйством, – резко ответила Сара, – да печь, да варить, да стирать – словом, делать все, что я делаю, ты бы знала, что такое усталость. А то живешь как барыня. Но подожди, – Сара злорадно засмеялась, – тебе тоже заморочат голову, как и всем девушкам, ты выйдешь замуж, и пойдут у тебя ребята, ребята, ребята, и уже не будет ни танцев, ни шелковых чулок, ни трех пар туфель зараз. Теперь какие у тебя заботы? Только и думаешь о своей драгоценной особе да о молодых лодырях, которые пялят на тебя глаза и напевают тебе про твои прекрасные глазки. Но погоди! В один прекрасный день свяжешься с кем-нибудь из них, и он тебя для разнообразия так разукрасит синяками, что мое почтение!

– Зачем ты это говоришь, Сара? – упрекнула ее Саксон. – Мой брат никогда тебя пальцем не тронул. Ты отлично знаешь!

– Еще бы! Где уж ему! Но во всяком случае, он лучше тех лодырей, с которыми ты шляешься, хоть и не может купить жене три пары башмаков сразу; да, получше твоих хулиганов, – порядочной женщине на них плевка жалко. Не понимаю, как ты до сих пор не попала с ними в беду. Может, молодое поколение умнее нас в этих делах, не знаю. Знаю только, что если у молодой девицы три пары башмаков – значит, она ни о чем не думает, кроме своего удовольствия, и допляшется до беды, уж поверь мне. Когда я была девушкой, мы не позволяли себе этого. Мать шкуру бы с меня спустила, кабы я вела себя так, как ты! И она была права. А теперь все идет шиворот-навыворот. Взять хотя бы твоего брата: бегаёт по митингам социалистов, горячится, болтает там всякий вздор, платит взносы в этот их забастовочный фонд и вырывает у своих детей изо рта последний кусок хлеба, вместо того чтобы поладить с хозяином. Да на эти взносы я могла бы себе купить семнадцать пар башмаков! Но только я не такая дура, чтобы форсить. И, помяни мое слово, добром это не кончится. А что тогда будет с нами? Что я буду делать, если у меня пять ртов и некому их кормить?

Она замолчала, чтобы перевести дыхание, но все в ней кипело, и она готова была разразиться новой тирадой.

– Сара, прошу тебя, закрой дверь, – попросила Саксон.

Дверь с шумом захлопнулась, и Саксон, перед тем как снова расплакаться, услышала, что Сара гремит чем-то на кухне и сама с собой разговаривает вслух.

Глава вторая

Обе девушки купили себе билеты у входа в Визел-парк, и каждая, выкладывая свои пол-доллара, ясно представляла себе, сколько штук крахмального белья надо выгладить, чтобы добыть эту сумму.

Было еще рано, но каменщики, нагруженные объемистыми корзинами с завтраком и неся детей на руках, уже гуляли по парку, – всё дюжие молодцы, сытые, с хорошим заработком. Подле них семенили дедушки и бабушки, поменьше ростом и потоньше; несмотря на приличную американскую одежду, было видно, что высохли они не от старости, но от недоедания в молодые годы, от ранних трудов и лишений: большинство из них родилось еще в Ирландии. И сейчас их лица сияли удовольствием и гордостью, когда они ковлялись вслед за своим потомством, выросшим на более сытных хлебах и питавшимся несравненно лучше.

Мери и Саксон чувствовали себя чужими среди этих людей, не знали их, не были ни с кем знакомы. Девушкам было все равно, кто празднует— ирландцы, немцы или словаки, кто устраивает это гулянье – каменщики, конюхи или кузнецы. Подруги принадлежали к тем любительницам потанцевать, благодаря которым на всяких празднествах сборы с входных билетов повышаются на несколько процентов.

Девушки побродили между палатками, где продавцы жарили кукурузные зерна и земляные орехи, затем наведались в павильон для танцев. Саксон, как будто прижимаясь к воображаемому кавалеру, сделала несколько плавных туров вальса. Мери захлопала в ладоши.

– Здорово! – воскликнула она. – Ты чудо как хороша! А чулки твои прямо прелесть!

Саксон поблагодарила ее улыбкой, выставила ногу, обутую в бархатную туфлю на высоком французском каблуке, и слегка приподняла узкую черную юбку, открывая красивую лодыжку и изящную линию икр; ее белая нога просвечивала сквозь самый тонкий и прозрачный черный шелковый чулок, какой можно купить по пятьдесят центов пара. В очертаниях ее стройной, хоть и невысокой фигуры была женственная мягкость. На белой блузке красовалось плиссированное жабо из дешевых кружев, приколотое огромной брошкой из поддельного коралла. Поверх блузки была надета ловко сидящая жакетка с короткими рукавами. Перчатки из поддельной замши доходили до локтя. Зато волосы у нее не были завиты щипцами, а вились от природы, и несколько непокорных локонов выбивалось из-под задорной черной бархатной шляпки, низко надвинутой на лоб.

Черные глаза Мери заблестели от восхищения; подбежав к подруге, она схватила ее в объятия, стиснула что есть силы и поцеловала, а потом тут же отпустила, краснея за свой порыв.

– Мне ты очень нравишься! – воскликнула она, как бы оправдываясь. – Будь я мужчиной, я не могла бы от тебя оторваться. Я бы съела тебя, честное слово!

Подруги вышли из павильона и стали гулять по солнечным дорожкам, взявшись за руки и весело раскачивая их, наслаждаясь отдыхом после целой недели изнурительного труда. Они постояли около «медвежьей ямы» и, перегнувшись через барьер, с содроганием смотрели на ее огромного одинокого обитателя, а оттуда прошли к клетке с обезьянами и хохотали там добрых десять минут. Обойдя весь парк, они поглядели сверху на беговую дорожку у подножия естественного амфитеатра, где после полудня должны были начаться игры; потом пошли бродить по рощам, по бесчисленным тропинкам, неожиданно приводившим в укромные тенистые уголки с зелеными столами и скамейками, многие из которых уже были заняты гуляющими и их семьями. В конце концов они выбрали заросший деревьями склон, разложили газету и сели на коротко подстриженную траву, уже порывшую под лучами калифорнийского солнца. Им хотелось лениво понежиться после недели напряженной работы и сберечь силы для предстоящих танцев.

– Берг Уонхоп наверняка будет, – болтала Мери. – И он сказал, что непременно приведет Билла Робертса – «Большого Билла», как его зовут товарищи. Это огромный взрослый мальчуган, но с фанаберией. Он боксер, и все девушки бегают за ним. Я прямо боюсь его. Не слишком боек на язык, – скорее вроде того огромного медведя, которого мы только что видели. Брр! – возьмет да и откусит тебе голову. На самом деле он не боксер, а возчик, и состоит в союзе. Служит у Корберли и Моррисона. Но когда клубы устраивают боксерские матчи, он иногда участвует в них. Все перед ним трепещут: у него отвратительный характер – его хлебом не корми, а дай кого-нибудь поколотить. Тебе он не понравится, но он отлично танцует. Такой здоровенный, а танцует очень легко – прямо как будто летает. Тебе непременно надо потанцевать с ним хоть разок. И щедрый, не скаред. Но характер – Боже упаси!

Разговор, скорее монолог, Мери перешел, как всегда, на Берта Уонхопа.

– Вы, как видно, очень дружите? – осторожно заметила Саксон.

– Да я бы за него хоть завтра пошла, – горячо выпалила та; на мгновение лицо ее померкло и стало почти суровым в своей откровенной печали, – но он молчит. Он... – И Мери продолжала с внезапно вспыхнувшей страстью: – Остерегайся его, Саксон, если он вздумает ухаживать за тобой! Берг человек легкомысленный... И все-таки я бы за него вышла хоть завтра. А иначе он меня не получит. – Губы ее приоткрылись, но она ничего не сказала, а только вздохнула. – Чудной этот мир, не правда ли? – неожиданно добавила она. – И какой бестолковый! И звезды – это тоже миры. Хотела бы я знать, где же Бог? Берг Уонхоп уверяет, что никакого Бога нет. Но он ужасный человек и говорит ужасные вещи. Я верю в Бога. А ты? Что ты на этот счет думаешь, Саксон?

Саксон пожала плечами и засмеялась.

– Ведь если мы поступаем дурно, мы будем наказаны, верно? – настаивала Мери. – Так говорят все, кроме Берга. А он говорит, что ему наплевать, как он себя ведет, потому что мертвому все трын-трава. «Уж коли, говорит, я мертвый, хотел бы я посмотреть, каким наказанием меня можно разбудить!» Ну, не ужасный ли человек? Но все это так страшно... Мне иногда становится жутко, когда вспомню, что Бог все время видит меня. Как ты думаешь, он слышит, что я сейчас говорю тебе? Ну хоть как он, по-твоему, выглядит?

– Не знаю, – ответила Саксон. – По-моему, Бога нарочно выдумывают, каждый выдумывает по-своему.

– Ой! – ахнула Мери.

– Но, судя по тому, что все говорят о нем, – он все-таки существует, – решительно продолжала Саксон. – Мой брат считает, что он похож на Авраама Линкольна. Сара говорит, что у него баки.

– А я никак не могу себе представить, что у Бога пробор, – призналась Мери, вздрагивая оттого, что осмелилась высказать вслух столь дерзостную мысль. – Он не может носить пробор, это было бы странно.

– Ты знаешь такого низенького сморщенного мексиканца, который продает игрушки-головоломки? – спросила Саксон. – Так вот Бог, по-моему, чем-то похож на него.

Мери расхохоталась.

– Вот уж ты действительно говоришь странные вещи. Мне никогда ничего подобного в голову не приходило. Чем же он похож?

– Ну, мне кажется, что он, подобно тому коротышке-мексиканцу, каждому задает мудреную головоломку, а люди всю свою жизнь стараются разрешить ее. Но никто с ней не справляется. И я не могу разрешить свою головоломку. Не знаю, с чего и начать. Посмотри, какую головоломку он задал Саре. А сама Сара составляет часть головоломки Тома и только мешает ему. И все они – все, кого я знаю, и ты тоже, – вы все составляете часть моей головоломки.

– Может быть, насчет головоломок и правильно, – согласилась Мери. – Но только Бог не похож на этого старичка мексиканца. Тут я не согласна. Бог ни на кого не похож. Помнишь, на стене в помещении Армии спасения была надпись: «Бог есть дух»?

– А это тоже одна из его загадок: ведь никто не знает, как выглядит дух.

– И это верно... – Мери вздрогнула от ужасного воспоминания. – Когда я пытаюсь представить себе, что Бог есть дух, я вспоминаю Хэна Миллера. Он как-то завернулся в белую простыню и побежал прямо на нас, девушек. Мы не знали, что это он, и до смерти перепугались. Маленькой Мэгги Мэрфи сделалось дурно, а Беатриса Перальта упала и разбила себе лицо. Когда я думаю о духе, то все, что я могу вообразить, – это белая простыня, бегущая в темноте. Но во всяком случае, Бог не похож на мексиканца, и нет у него пробора.

Музыка, донесшаяся из танцевального зала, заставила обеих девушек проворно вскочить на ноги.

– Мы можем до обеда протанцевать несколько танцев, – предложила Мери. – А после полудня соберутся все кавалеры. Большинство из них жаднюги и приходят попозже, чтобы не приглашать барышень к обеду. Но Берт не такой, и Билл тоже. Они пригласят нас в ресторан, если им кто-нибудь не подвернется раньше. Пойдем скорее, Саксон.

Когда девушки вошли в павильон, там кружилось только несколько пар, и первый вальс они танцевали друг с другом.

– А вот и Берт, – прошептала Саксон, когда они заканчивали второй тур.

– Не смотри на них, – прошептала Мери в ответ. – Будем танцевать, как и раньше. Пусть не думают, будто мы гоняемся за ними.

Но Саксон заметила, что ее подруга покраснела, и услышала ее учащенное дыхание.

– А ты обратила внимание на его товарища? – спросила Мери, увлекая Саксон в фигуру вальса на другой конец зала. – Это и есть Билл Робертс. Берт сказал, что приведет его. Он пригласит обедать тебя, а Берт – меня. Сегодня будет здорово, вот увидишь. Только бы музыка не перестала играть, пока мы вернемся на тот конец.

И обе девушки продолжали кружиться в вальсе, мечтая о кавалерах и об обеде. Молоденькие и хорошенькие, они танцевали с увлечением; когда музыка оборвалась и они очутились в опасной близости от обоих молодых людей, обе сделали вид, будто приятно удивлены.

Берт и Мери звали друг друга по имени, но Саксон величала Берта: «Мистер Уонхоп», хотя он и называл ее просто Саксон. Оставалось только познакомить ее с Биллом Робертсом. Мери представила их друг другу с напускной небрежностью:

– Мистер Робертс – мисс Браун! Это мой лучший друг. Ее зовут Саксон. Не правда ли, странное имя?

– А мне очень нравится, – ответил Билл, снимая шляпу и протягивая руку. – Рад познакомиться с вами, мисс Браун!

Саксон тоже протянула руку и ощутила мозоли на ладони возчика; впрочем, за одно мгновение она успела рассмотреть еще очень многое. Он же видел только ее глаза; и сначала ему показалось, что они голубые, лишь много позже он разобрал, что они серые. Она-то сразу разглядела цвет его глаз – темно-синие, большие, красивые, а выражение мальчишески-упрямое.

Ей понравился его открытый взгляд, понравилось прикосновение и пожатие его руки. Она разглядела также – правда, не так отчетливо – его короткий прямой нос, здоровый румянец на щеках и решительно вздернутую верхнюю губу; с особенным удовольствием она остановила свой взгляд на красивой линии четко очерченного, хотя довольно большого рта, улыбавшегося алыми губами, за которыми блестели ослепительно белые зубы.

«Мальчуган, огромный, взрослый мальчуган», – подумала она. Они улыбнулись друг другу, и, когда их руки разомкнулись, девушка про себя удивилась цвету его волос – коротких, вьющихся и отливающих золотом, хотя они были светлые, как лен.

Он был так белокур, что напомнил ей виденные на сцене образы какого-нибудь Оле Ольсона или Иона Ионсона; но на том сходство и кончалось. Брови и ресницы его были темнее, взгляд отнюдь не ребяческий, а по-мужски твердый и выразительный. Костюм из хорошего темного сукна явно был сшит у портного. Саксон тотчас одобрила его и решила, что он стоит уж никак не меньше пятидесяти долларов. Кроме того, в Билле не было и тени той неуклюжести, которая присуща выходцам из скандинавских стран. Напротив, он принадлежал к числу тех немногих, в ком грация мощного телосложения чувствуется, несмотря даже на современный неуклюжий мужской костюм. Каждое его движение было гибким, уверенным, неторопливым. Конечно, всего этого Саксон не могла ни заметить сразу, ни осознать. Она видела перед собой лишь хорошо одетого человека, его плавные, гибкие движения и статную фигуру, улавливала спокойную и уверенную игру всех его мышц; чувствовала также, что с ним она обретет покой и отдых, которых так жаждала после целой недели непрерывного и неистового глаженья тонкого крахмального белья. И, так же как прикосновением руки, он действовал на нее благотворно всем своим существом – телом и душой.

Когда Билл взял у нее карточку и, как все молодые люди, принялся шутить и перебрасываться с нею остротами, она сразу поняла, как сильно он ей понравился. Никогда еще за всю свою жизнь Саксон не была в таком восхищении от мужчины, и девушка удивленно спрашивала себя: «Неужели это *он?*»

Билл танцевал превосходно, и она почувствовала то удовольствие, какое испытывают хорошие танцоры, найдя подходящего партнера. Его плавные, красивые движения в совершенстве гармонировали с музыкой. Ни колебаний, ни заминок. Она поглядывала на Берта: тот лихо отплясывал с Мери, то и дело налетая на другие пары, число которых все увеличивалось. Берг – высокий, стройный, гибкий – тоже считался хорошим танцором, но Саксон не помнила, чтобы, танцуя с ним, она когда-нибудь испытывала особенное удовольствие. Мешала какая-то его порывистость, – она сказывалась далеко не всегда, но могла проявиться в любую минуту. В натуре Берта чувствовалось что-то судорожное, торопливое. Он был слишком неуравновешен, и всегда можно было ожидать от него какого-нибудь резкого движения. Казалось, он вечно боится куда-то опоздать. Своим постоянным беспокойством он действовал на нервы.

– Вы замечательно танцуете, – сказал Билл Робертс. – Я это уже от многих слышал.

– Я люблю танцевать, – ответила Саксон.

Но по тому, как она это сказала, он почувствовал, что она предпочитает не разговаривать во время танцев, и продолжал танцевать молча, а у нее стало тепло на душе, – она оценила его внимание. В той жизни, которая ее окружала, редко можно было встретить бережное и чуткое отношение к женщине. «Неужели это действительно *он?*» Саксон вспомнила слова Мери относительно Берта: «Я завтра же вышла бы за него» – и поймала себя на мысли, что и сама готова была бы выйти за Билла Робертса хоть завтра, сделай он ей предложение.

Его сильные, властные руки кружили ее в танце, и ей хотелось, грезя, сомкнуть глаза. Боксер! Представив себе, что сказала бы Сара, если бы могла сейчас увидеть ее, Саксон позлорадствовала в душе. Но ведь он не профессиональный боксер, а возчик...

Внезапно движения танцующих стали более плавными, объятия Билла более настойчивыми, и Саксон показалось, что ее подняли и понесли, хотя ее ножки в бархатных туфельках и не отрывались от пола. Затем ритм танца опять изменился, партнер Саксон слегка отпустил ее, и, глядя друг другу в глаза, они рассмеялись над тем, как ловко это у них выходит.

В конце, на последних тактах, оркестр замедлил темп, и они, словно замирая вместе с музыкой, стали медленно скользить по залу и остановились только с последним звуком.

Пробираясь с ней сквозь толпу в поисках Мери и Берта, он сказал:

– Что касается танцев, то мы с вами неплохая парочка!..

– Это был сон, – отвечала она.

Она сказала это так тихо, что ему пришлось наклониться, чтобы расслышать, и он увидел, как пылают ее щеки и этот пламень словно отражается в ее глазах мягким чувственным блеском. Он взял у нее из рук карточку и торжественно написал на ней свое имя огромными буквами через весь листок.

– А теперь, – сказал он задорно, – ее можно бросить. Она уже не нужна.

И он разорвал бумажку.

– Следующий вальс со мной, Саксон, – заявил Берт, когда они встретились. – А ты, Билл, поверти Мери.

– Никак нельзя, Берт, – ответил тот. – Мы с Саксон сговорились танцевать вместе весь день.

– Смотри, Саксон, – лукаво предупредила ее Мери, – он еще влюбится в тебя!

– Что ж, мне кажется, я умею ценить хорошее с первого взгляда, – галантно отвечал Билл.

– И я тоже, – поддержала его Саксон.

– Я бы даже с закрытыми глазами узнал вас, – добавил Билл.

Мери посмотрела на них с притворным ужасом, а Берт добродушно заявил:

– Одним словом, я вижу, вы времени не теряете. Но если вы все-таки можете пожертвовать нам несколько минут после танцев – Мери и я будем очень рады вместе пообедать.

– Совершенно верно! – подтвердила Мери.

– Сами хороши! – отшутился Билл и, обернувшись, заглянул Саксон в глаза. – Не слушайте их. Они злятся, что им приходится танцевать друг с другом. Берт – никудышный танцор, да и Мери не так чтобы очень. Ну, пошли. Слышите, музыка заиграла. Увидимся через два танца.

Глава третья

Они обедали на открытом воздухе, в ресторане, где стенами служили деревья, и Саксон заметила, что по счету за всех четверых платит Билл. Среди молодых людей и женщин, сидевших за другими столиками, у них оказалось много знакомых, и обе пары оживленно перебрывались с ними приветствиями и шутками. Берт настойчиво и даже грубо подчеркивал свое право на Мери, ловил и сжимал ее руку, клал на нее свою и даже, завладев ее двумя кольцами, долго не хотел отдавать их. Время от времени он обнимал ее за талию, и Мери то порывисто отталкивала его, то с притворной рассеянностью, которая никого, однако, не могла обмануть, делала вид, что не замечает его маневра.

Саксон, говорившая мало, но очень внимательно изучавшая своего спутника, с удовлетворением решила, что Билл стал бы, наверное, делать все это совсем иначе – если бы вообще стал вести себя так. Во всяком случае, он никогда бы не облапил девушку, как это позволяет себе Берт, да и многие другие парни. Она невольно остановила взгляд на могучих плечах своего кавалера.

– Почему вас зовут «Большой Билл»? – спросила она. – Вы ведь не такой уж высокий.

– Пожалуй, – согласился он. – Во мне росту только пять футов восемь и три четверти дюйма. Должно быть, из-за моего веса.

– На ринге его вес считается за сто восемьдесят фунтов, – вмешался Берт.

– Ну, хватит, – резко прервал приятеля Билл, и его глаза потемнели. – Я вовсе не боксер. Вот уже полгода, как я не выступаю. Надоело. Игра не стоит свеч.

– Однако за тот вечер, когда ты сокрушил Слэшера из Фриско, ты получил двести долларов, – с гордостью заявил Берт.

– Сказал – хватит! Замолчи! Знаете, Саксон, ведь и вы не бог весть какая громадная, а? Как раз в точку: кругленькая и стройная. Держу пари, что я отгадаю ваш вес.

– Вряд ли. Многие старались, да ничего не вышло, – ответила Саксон; она не знала – радоваться, что он бросил бокс, или жалеть об этом.

– Только не я, – отвечал он, – я на этом собаку съел. Вот погодите. – Билл окинул ее критическим взглядом, и было ясно, что он не просто оценивает ее сложение, но и восхищается ею. – Подождите минутку!

Он перегнулся к ней и пощупал ее бицепс. Девушка почувствовала, что рука, сжавшая ее мышцы, – крепкая и честная рука. И она вздрогнула. В этом полумужчине-полумальчике было что-то обаятельное и влекущее. Если бы ей так сжал руку Берт или другой парень, она бы только рассердилась. Но Билл!.. «Может быть, он и есть тот *самый*?» — спрашивала она себя. Но тут он прервал ее мысли, высказав свое заключение:

– Ваша одежда весит не больше семи фунтов, а отнять семь от... ну, скажем, от ста двадцати трех, – словом, ваш вес сто шестнадцать фунтов без одежды.

Мери воскликнула с упреком:

– Слушайте, Билл Робертс! О таких вещах не говорят, это не прилично.

Он посмотрел на нее с возрастающим недоумением.

– О каких вещах? – спросил он наконец.

– Ну вот опять! Бессовестный! Посмотрите, вы заставили Саксон покраснеть.

– Во все нет! – возразила Саксон с негодованием.

– А если вы, Мери, будете продолжать в том же духе, – проворчал Билл, – я, пожалуй, покраснею. Мне кажется, я знаю, что хорошо и что дурно! Дело не в том, какие слова мужчина говорит, а что он при этом думает. А я не думаю ни о чем дурном, и Саксон это знает. Ни у нее, ни у меня и в мыслях нет того, о чем думаете вы.

– Ой-ой! – воскликнула Мери. – Час от часу не легче! Я никогда не думаю о гадостях.

– Стой, Мери! Замолчи! – решительно остановил ее Берг. – Зачем говорить зря? Билл себе никогда подобных вещей не позволит.

– Тогда не надо так грубо выражаться, – настаивала она.

– Ну ладно, Мери, перестаньте, не сердитесь, и довольно об этом, – отрезал Билл и повернулся к Саксон. – Ну что, угадал?

– Сто двадцать два, – отвечала она, задумчиво глядя на Мери. – Сто двадцать два с одеждой.

Билл расхохотался, Берг тоже.

– Как хотите, – запротестовала Мери, – но вы ужасны! Вы оба, да и ты тоже, Саксон. Вот уж никогда бы про тебя не подумала.

– Послушай, детка, – вкрадчиво начал Берг, и его рука обвилась вокруг ее талии.

В своем притворном возмущении Мери резко оттолкнула его, но затем, боясь, что ее поклонник обидится, принялась подтрунивать над ним и дразнить его. Она снова пришла в хорошее настроение, его рука вернулась на прежнее место, и, склонившись друг к другу, они зашептались.

Билл степенно продолжал разговаривать с Саксон:

– А знаете, у вас все-таки чудное имя. Я никогда не слышал, чтобы кого-нибудь так звали. Но оно хорошее. Мне нравится.

– Меня мать так назвала. Она была образованная и каких только мудреных слов не знала. И вечно сидела с книгой, чуть не до самой смерти. А сколько она писала! Я нашла ее стихи, напечатанные очень давно в газете, которая издавалась в Сан-Хосе. Саксы – это был такой народ, – она мне все рассказала про них, когда я была маленькой. Они были дикие, как индейцы, только белые. У них были голубые глаза и белокурые волосы, и они были страшно воинственные.

Пока девушка говорила, Билл сосредоточенно слушал, и глаза его не отрывались от ее глаз.

– Никогда про них не слышал, – сознался он. – Они, что же, жили где-нибудь тут в окрестностях?

Она рассмеялась.

– Нет. Они жили в Англии. Это были первые англичане, а вы ведь знаете, что американцы произошли от англичан. Мы ведь все саксы – вы, я, Мери, Берг. Словом, каждый, если только он настоящий американец, а не какой-нибудь *даго*¹ или японец.

– Мои предки издавна жили в Америке, – начал Билл, медленно обдумывая все то новое, что она ему о себе рассказала. – По крайней мере предки моей матери. Они высадились в Мэне сотни лет тому назад.

– Мой отец тоже из Мэна, – радостно прервала его Саксон. – А мать родилась в Огайо, вернее – там, где теперь находится Огайо. Она обычно звала это место Великой Западной Резервацией. А кто был ваш отец?

– Не знаю. – Билл пожал плечами. – Он и сам не знал, да и никто не знал, хотя отец был чистокровный американец.

– У вас настоящая староамериканская фамилия, – сказала Саксон. – И сейчас в Англии есть известный генерал по фамилии Робертс. Я в газете читала.

– Но ведь фамилия моего отца не Робертс. Он не знал своих родителей. Робертс – фамилия золотоискателя, который усыновил его. Вот как было дело. Во время войны с индейским племенем модоков очень многие из золотоискателей и поселенцев приняли в ней участие. Робертс командовал таким отрядом. И вот после одного сражения было взято очень много пленных, среди них оказались женщины, дети и даже грудные младенцы. Один из этих малы-

¹ Так называют в Америке итальянцев, испанцев, португальцев.

шей и был мой отец. Ему было тогда, вероятно, около пяти лет, и он умел говорить только по-индейски.

Саксон всплеснула руками, и ее глаза заблестели.

– Индейцы держали его в плену!

– Так предполагают. Потом многие припомнили, что это племя за четыре года до того перебило целую партию орегонских поселенцев. Робертс усыновил мальчика, и вот почему я не знаю настоящей фамилии отца. Но уж через прерии-то он прошел, можете быть уверены!

– Мой отец тоже, – сказала Саксон с гордостью.

– И моя мать, – добавил Билл дрогнувшим голосом. – Во всяком случае, она родилась в повозке, возле реки Платт, когда ее родители миновали прерии.

– А моей матери, – сказала Саксон, – было восемь лет. Волы выбились из сил, и ей пришлось большую часть дороги идти пешком.

Билл протянул ей руку.

– Давайте вашу лапку, детка, – сказал он. – В судьбе наших родителей очень много сходного, и мы все равно что старые друзья.

Глаза Саксон засияли, она протянула ему руку, и они обменялись торжественным рукопожатием.

– Разве это не чудесно? – пробормотала она. – Мы оба от того же старого американского корня, и если уж вы – с вашими глазами, цветом волос и кожи и так далее – не сакс, то не знаю, кого и назвать саксом! И к тому же вы герой!

– Уж если на то пошло, я думаю, что наши предки были закаленный народ. И это естественно: они, черт побери, были вынуждены бороться, а не то погибли бы!

– О чем это вы так оживленно беседуете? – вмешалась Мери в их разговор.

– Успели уже подружиться, – поддразнил их Берт. – Можно подумать, они знакомы по крайней мере неделю.

– О, мы знали друг друга гораздо раньше, – возразила Саксон. – Нас еще на свете не было, а наши предки уже совершили переход через прерии.

– А ваши, чтобы отправиться в Калифорнию, ждали, пока им построят железную дорогу да перебьют всех индейцев, – словно желая подчеркнуть свою близость к Саксон, заявил Билл, обращаясь к Мери. – Нет! Мы – Саксон и я – коренные жители здесь; так и скажите, если кто-нибудь спросит.

– Ну, не знаю, – надменно и с тайным раздражением возразила Мери. – Мой отец предпочел остаться в Восточных штатах, он хотел принять участие в Гражданской войне. Он был барабанщиком. Вот отчего он только потом попал в Калифорнию.

– А мой отец вернулся, чтобы участвовать в Гражданской войне, – сказала Саксон.

– И мой, – подхватил Билл.

Они радостно взглянули друг на друга: еще и это их сближало.

– Ну, хорошо, но ведь они все умерли, верно? – желчно заявил Берт. – Все равно, где умереть, – в бою или в богадельне. Суть-то в том, что их уже нет. А мне вот наплевать, хоть бы моего отца повесили. Кто об этом спросит через тысячу лет? Довольно вам хвастаться своими предками, надоело! Да мой отец и не мог бы тогда сражаться: он родился спустя два года после войны. Зато двое моих дядей были убиты при Геттисберге. Кажется, хватит с нас!

– Еще бы, – поддержала его Мери.

Берт снова обнял ее.

– Зато мы живы. Верно? А это главное. Мертвые – мертвы, и – голову даю на отсечение! – мертвыми и останутся.

Мери зажала ему рот рукой и начала бранить за то, что он говорит такие ужасные вещи, а он поцеловал ее ладонь и придвинулся к ней.

По мере того как ресторан наполнялся публикой, веселый стук тарелок становился все громче. Там и сям сквозь гул голосов прорывалась песня, слышался пронзительный визг и восклицания женщин, взрывы басовитого мужского хохота. Это молодые люди, как всегда, шутили со своими приятельницами. Многие мужчины были заметно навеселе. Какие-то девушки, сидевшие за одним из соседних столиков, стали звать Билла, и Саксон с новым проснувшимся в ней ревнивым чувством отметила, что он всеобщий любимец и эти девушки очень хотели бы его заполучить.

– Какой ужас! – неодобрительно сказала Мери. – Экие нахалки! Ни одна уважающая себя девушка этого себе не позволит! Нет, вы послушайте!

– Билл! Билл! – звала одна из них, пухленькая молоденькая брюнетка. – Надеюсь, ты узнаешь меня, Билл?

– Конечно, цыпленок, – галантно отозвался он.

Но Саксон заметила с радостью, что он морщится, и почувствовала к брюнетке решительную неприязнь.

– Потанцуем? – крикнула брюнетка.

– Может быть, – отвечал он и тут же круто повернулся к Саксон.

– Мы, старые американцы, должны держаться друг друга, правда? Как вы думаете? Ведь нас осталось так мало. К нам сюда валом валят всякие иностранцы...

Он говорил спокойно, вполголоса, в тоне интимной доверчивости, склонив к ней голову и как бы давая этим понять той девушке, что он занят.

Молодой человек, сидевший за столиком напротив, обратил внимание на Саксон. Одет он был неряшливо и казался грубым, его спутники – мужчина и женщина – тоже. Лицо у него побагровело, глаза дико сверкали.

– Эй, вы! – крикнул он. – Вы там, бархатные туфельки, наше вам!

Девушка, сидевшая рядом с ним, обняла его за шею и пыталась успокоить, но он бормотал из-под ее руки:

– Вот это краля так краля. Увидишь... я пойду туда и отобью ее у этих обормотов!

– Хулиганы из мясных рядов, – презрительно фыркнула Мери.

Саксон встретила взгляд девушки, с ненавистью смотревшей на нее. Потом она посмотрела на Билла и увидела гневные искорки в его зоре. Теперь его голубые глаза были особенно красивы и задумчивы, они то темнели и затуманивались, то вспыхивали, то снова меркли. Ей стало в конце концов казаться, что они таят в себе какую-то бездонную глубину. Он смолк, видимо, ему не хотелось говорить.

– Не затевай скандала! – заметил Берт. – Они с того берега и не знают тебя, вот и все.

Вдруг Берт поднялся, подошел к соседнему столику, что-то шепнул сидевшим и вернулся. Все трое сразу же повернулись и посмотрели на Билла. Парень, пристававший к Саксон, поднялся, стряхнул с себя руку девушки, пытавшейся удержать его, и, пошатываясь, подошел к Биллу. Это был широкоплечий малый с жестким, злым лицом и колючим взглядом. Он, видимо, утихомирился.

– Так это вы, Большой Билл Робертс? – спросил он заплетающимся языком и, покачнувшись, уцепился за стол. – В таком случае отступаю... Страшно извиняюсь... Восхищен вашим вкусом по женской части... А уж я в этом деле знаток! Я же не представлял, кто вы, а то бы и глазом не мигнул в вашу сторону... Поняли? Еще раз прошу извинить... Дайте мне вашу руку...

– Ну ладно, – сказал Билл мрачно. – Все в порядке. Забудем это недоразумение. – Он, насупившись, пожал парню руку и медленным мощным толчком пихнул его обратно к столу.

Щеки Саксон пылали. Вот это мужчина, это защитник, на него можно положиться! Достаточно было назвать его имя – и даже такой хулиган оробел!

Глава четвертая

После обеда оркестр сыграл еще два танца, затем музыканты перекочевали на спортивное поле.

Танцоры и вся публика, сидевшая за столиками, а также гулявшая в парке, последовали за ними. Пять тысяч человек разместились на поросших травой склонах естественного амфитеатра, а часть зрителей хлынула на спортивное поле. Первым номером было объявлено перетягивание каната. Состязание происходило между каменщиками Окленда и Сан-Франциско, и участники игры, плечистые, грузные, уже занимали места вдоль каната. Они каблуками вырывали ямки в земле для опоры, натирали землей руки, шутили и балагурили.

Судьи и наблюдатели напрасно старались удержать напивавшую толпу родственников и друзей – кельтская кровь взыграла, и кельтский дух соревнования жаждал победы. Стоял невероятный шум: крики, подбадривания, советы, угрозы. Некоторые из участников одной команды подходили к другой, чтобы предупредить нечестную игру. Среди разгоряченных зрителей было не меньше женщин, чем мужчин. От шаркающих, топающих ног стояла в воздухе неоседающая пыль. Мери кашляла, задыхалась и умоляла Берта увести ее. Но Берт, возбужденный, как подросток, предстоящей свалкой, старался протиснуться еще ближе. Саксон прижалась к Биллу, который медленно и настойчиво пробивал для нее локтями и плечами дорогу.

– Разве здесь место для девушки, – проворчал он, глядя на нее с высоты своего роста, и будто в рассеянности своим могучим локтем так дал под ребра какому-то верзиле ирландцу, что тот сейчас же попятился. – Как только начнут, страсти, конечно, разгорятся. Ребята слишком здорово выпили, а вы представляете, как в таких случаях могут разойтись этикие буяны.

Саксон чувствовала себя очень неуютно среди обступивших ее коренастых мужчин и женщин. Она казалась рядом с ними совсем девочкой, нежной и хрупкой, словно существо другой породы. Только сила и ловкость Билла спасали ее. Его взгляд то и дело скользил по лицам женщин, затем неизменно возвращался к ней, – и она не могла не заметить, в чью пользу было сравнение.

В нескольких шагах от них произошла какая-то заминка, раздалась возмущенные восклицания, посыпались удары. Толпа тревожно всколыхнулась. Какой-то огромный мужчина в толкотне боком налетел на Саксон и притиснул ее к Биллу, тот схватил его за плечо и отшвырнул гораздо решительнее, чем действовал обычно. У жертвы невольно вырвалось рычание, мужчина повернул голову; он оказался загорелым блондином с сердитыми, бесспорно ирландскими глазами.

– Эк тебя, черт... – огрызнулся он.

– Ты чего стоишь, я тебя не держу, – с презрительным спокойствием ответил Билл и толкнул ирландца еще решительнее.

Ирландец опять зарычал и сделал отчаянное усилие, чтобы повернуться, однако, зажатый с двух сторон теснившимися людьми, не смог пошевелиться.

– А вот я тебе сейчас морду набью! – заорал он с бешенством; но вдруг выражение его лица изменилось – губы распустились в улыбку, и в сердитых глазах засветилась радость. – Так это вот кто! – сказал он. – А я и не знал, что это вы так толкаетесь. Я видел, как вы тогда поколотили «Свирепого Шведа», хотя дело было решено в его пользу.

– Нет, не видели, приятель, – шутливо ответил Билл. – Вы видели, как здорово *меня* отлупили в тот вечер. И решение было совершенно правильное.

Ирландец совсем просиял. Он намеревался своей ложью польстить Биллу, но тот так горячо опроверг ее, что это только усилило его преклонение перед молодым боксером.

– Что верно, то верно, драка была жестокая, – согласился он, – но и вы в долгу не остались. Как только освобожу руку, я пожму вашу и постараюсь, чтобы вашей даме стало посвободнее.

Потеряв всякую надежду на то, что толпу удастся оттеснить, судья выстрелил в воздух из револьвера – это был сигнал. И тут начался суший ад. Саксон, защищенная двумя рослыми мужчинами, стояла достаточно близко, чтобы видеть играющих. Участники двух состязавшихся команд изо всех сил тянули канат, их лица побагровели, суставы затрещали. Канат был новый, руки по нему скользили, и жены и дочери, прорвавшись вперед, набирали полные горсти земли и посыпали канат землею, чтобы мужчины могли крепче за него ухватиться.

Какая-то толстуха средних лет в пылу азарта сама ухватилась за канат и стала тянуть вместе с мужем, ободряя его громкими выкриками. Наблюдатель из другой команды оттащил толстуху, несмотря на ее протестующие вопли, но, получив по уху от одного из ее соратников, упал, как бычок, от удара. Не удержался и его противник: сильные, мускулистые женщины поспешили на помощь к своим мужьям. Тщетно судьи и наблюдатели просили, уговаривали, кричали, грозили кулаками. Мужчины и женщины из публики бросались к канату и помогали тянуть. Это уже не команда состязалась с командой, а Окленд с Сан-Франциско, это была борьба всех против всех. Руки ложились на руки в три этажа, лишь бы где-нибудь уцепиться за канат. А те, кому никак не удавалось ухватиться, лупили по зубам наблюдателей, силившихся оторвать постороннюю публику от каната.

Берт визжал с упоением. Мери в ужасе прижималась к нему. Люди падали, и их топтали ногами. Пыль поднималась тучей, а над толпой стоял бешеный и бессильный рев и крик мужчин и женщин, тщетно рвавшихся к канату.

– Безобразия, форменное безобразие, – бормотал время от времени Билл и, хотя отлично видел, что творится вокруг, продолжал, поддерживаемый ирландцем, спокойно выбираться вместе с Саксон из толпы.

Наконец одна из команд победила. Побежденных вместе с канатом и добровольцами проволокли по земле, и они исчезли под обрушившейся на них лавиной зрителей.

Выведя Саксон из свалки и оставив ее в более безопасном месте и под защитой ирландца, Билл вновь нырнул в людское месиво. Через несколько минут он вынырнул оттуда с Бертом и Мери: Берт был в крови от удара по уху, хотя по-прежнему весел, а Мери, вся измятая, была, казалось, близка к истерике.

– Разве это спорт? – повторяла она. – Это стыд, стыд и позор!

– Давайте-ка скорей выбираться отсюда, – сказал Билл. – Потеха только начинается.

– Ах, подожди, – просил Берт, – я бы за такое зрелище не пожалел отдать восемь долларов! Да не только восемь, а что хочешь. Я давно не видел столько синяков и разбитых физиономий.

– Ну, лезь обратно и наслаждайся, – отозвался Билл. – Я поведу девочек вон в ту сторону, на холм, оттуда мы отлично все увидим. Только смотри, как бы эти черти тебя не разукрасили, если ты попадешься им в лапы.

Давка кончилась почти мгновенно: с трибуны, расположенной на краю спортивного поля, кто-то прокричал, что начинаются бега для мальчиков, и огорченный Берт присоединился к Биллу и обеим девушкам, расположившимся на склоне холма.

Состоялся бег для мальчиков и для девочек, для молодых женщин и для старых, для толстяков и для толстух, бег в мешках и бег на трех ногах². Бегуны мчались по беговой дорожке под рев аплодирующих зрителей. Недавняя свалка была уже забыта, и в толпе опять царилородушнейшее настроение.

Пять молодых людей присели на корточки, вцепившись кончиками пальцев в землю, и ожидали сигнального выстрела, чтобы сняться со старта. Трое из них были в носках, двое других – в подбитой шипами беговой обуви.

² В этом состязании участники бегут парами, причем две ноги партнеров связаны между собой.

– «Бег молодых людей, – прочел Берг в программе. – Всего один приз – двадцать пять долларов». Посмотрите на рыжего в башмаках с шипами, – вон тот, второй с краю. На него ставит Сан-Франциско. Это их фаворит, за него держит пропасть народу.

– А кто, по-вашему, выиграет? – спросила Мери, полагавшаяся на исключительные познания Билла в области атлетики и спорта.

– Откуда я знаю? Я их вижу первый раз. По-моему, все хороши. Пусть победит достойнейший, это главное.

Быстрел раздался, и пятеро бегунов ринулись вперед. Трое из них отстали с самого начала. Первым шел рыжий, а за ним, у самого его плеча, черноволосый, и вопрос мог идти только относительно этих двоих.

Но, сделав полкруга, черноволосый обошел рыжего и повел бег, причем было ясно, что он до конца удержит первое место. Он обогнал рыжего на десять шагов, и тому не удавалось ни на дюйм сократить это расстояние.

– Молодец! – обрадовался Билл. – Он еще совсем свеж, а рыжий уже выдыхается.

Держась неизменно на десять шагов впереди рыжего, черный пришел к финишу первым и под оглушительные приветствия коснулся грудью ленточки. Однако слышались и возмущенные возгласы.

Берг ликовал.

– Ага-а! – закричал он, пожирая победителя глазами. – Утерли нос Фриско? Теперь будет потеха! Смотрите! Ему хотят сделать отвод. Судьи не выдают деньги. А вон за ним идет вся его партия. Ого-го! Я уж давно так не веселился!

– Отчего же они ему не платят, Билл? – спросила Саксон.

– Партия Фриско обвиняет его в том, что он профессионал, – ответил Билл. – Вот они и спорят. Но это несправедливо. Каждый из них бежал ради денег – значит, все они профессионалы.

Толпа волновалась, спорила и шумела перед судейской трибуной. Это было ветхое двухэтажное сооружение, причем второй ярус не имел передней стены, и было видно, что находившиеся там судьи пререкаются между собой так же горячо, как и толпа внизу.

– Начинается! – закричал Берг. – Вот нахалы!

В сопровождении десятка приверженцев черноволосый взбирался по наружной лестнице на балкон трибуны.

– Они с казначеем приятели, – сказал Билл, – видимо, тот платит ему; некоторые из судей согласны, другие возражают. А вон идет и партия рыжего. – Он повернулся к Саксон с успокаивающей улыбкой. – На этот раз мы вовремя убрались оттуда. Там, внизу, через несколько минут будет жарко!

– Судьи хотят, чтобы он отдал деньги обратно, – пояснил Берг. – А если он не отдаст, «рыжие» отнимут их. Смотрите, они уже до него добираются.

Победитель держал бумажный сверток с двадцатью пятью долларами серебром, высоко подняв его над головой. Приверженцы, окружив его, отшвыривали тех, кто пытался вырвать у него деньги. Драка еще не началась, но возня все усиливалась, и шаткое сооружение наконец дрогнуло и покачнулось. Из толпы, окружавшей победителя, раздавались самые разнообразные восклицания:

– Верни деньги, пес!

– Держи их, Тим!

– Ты их честно выиграл, Тим!

– Верни, грязный вор!

Дружеские советы перемешались с непечатной бранью. Столкновение грозило перейти в свалку. Сторонники Тима совершенно запарились, приподнимая его так, чтобы тянувшиеся к нему жадные руки не могли достать до свертка. Один раз он на мгновение опустил руку, затем

поднял снова, но бумага все же разорвалась, и Тим последним отчаянным усилием вытряхнул из нее деньги, которые пролились серебряным дождем на головы стоявших внизу людей. Затем начались долгие и скучные споры.

– Скорее бы кончали, мы могли бы хоть разочек еще потанцевать. Тут совсем не весело, – сказала Мери.

Судейскую трибуну с трудом очистили от народа, распорядитель подошел к краю балкона, поднял руку и призвал к молчанию. Сердитый ропот внизу затих.

– Судьи постановили, – прокричал он, – пусть будет этот день днем товарищества и братства...

– Слушайте! Слушайте!

Более рассудительные зааплодировали:

– Вот это правильно!

– Долой драку!

– Долой грубость!

– ...и поэтому, – стал вновь слышен голос распорядителя, – судьи еще раз назначают приз в двадцать пять долларов, – будет перебежка.

– А Тим? – заревели десятки голосов. – А как же с Тимом? Его ограбили! Долой судей!

Снова распорядитель жестом успокоил толпу:

– Готовые идти навстречу желаниям публики, судьи решили: пусть Тимоти Мак-Манус тоже бежит. Победит – деньги его.

– Разве это справедливо? – проворчал Билл с негодованием. – Если Тим может быть допущен сейчас, он мог быть допущен и в первый раз. А если он мог быть допущен в первый раз, то, бесспорно, деньги его.

– Ну уж теперь рыжий из кожи будет лезть! – восторженно заявил Берт.

– И Тим тоже, – добавил Билл. – Он, наверное, взбешен и себя не пожалует.

Еще четверть часа ушло на то, чтобы очистить беговую дорожку от возбужденной толпы, и на этот раз у старта остались только Тим и рыжий. Остальные трое молодых людей выбыли из состязания.

– Я все-таки думаю – он профессионал, и хороший, очень хороший, – заметил Билл. – Вы только посмотрите, как он бежит!

Сделав полукруг, Тим пошел на пятьдесят шагов впереди и, сохраняя это расстояние, легко и красиво понесся по беговой дорожке к финишу. И тут-то, когда он поравнялся с нашей группой на склоне холма, случилось нечто неожиданное и немислимое. У внутренней стороны беговой дорожки стоял щегольски одетый молодой человек с тонкой, как хлыст, тросточкой. Он казался совершенно не на месте в этой толпе, и его вид говорил о том, что он не имеет никакого отношения к рабочему классу. Впоследствии Берт говорил, что он выглядел как шикарный учитель танцев, а Билл называл его хлюстом.

Но, поскольку дело касалось Тимоти Мак-Мануса, молодой человек сыграл роковую роль: как только Тим поравнялся с ним, хлюст с чрезвычайно независимым видом метнул свою трость Тиму в ноги. Тим перекувырнулся в воздухе и упал лицом вниз, подняв облако пыли.

На миг воцарилась мертвая тишина, у всех перехватило дыхание. Даже сам молодой человек, казалось, был поражен низостью своего поступка. Понадобилось немало времени для того, чтобы и он и зрители поняли, что произошло. Но вот они опомнились, и из тысячи глоток вырвался воинственный рев ирландцев.

Когда рыжий достиг финиша, не раздалось ни одного хлопка. Буря гнева обрушилась на молодого человека с тростью. Услышав рев, он с минуту колебался, затем повернулся и побежал по дорожке.

– Беги, парень! – кричал ему вслед Берт, махая шляпой. – Хорош! Дальше некуда! Что придумал! Нет, что придумал! Скажи, а? Скажи! – повторял он.

– Ну и ну! Такого ловкача поискать надо! – сказал Билл с насмешливым восхищением. – Только зачем это ему понадобилось? Он не каменщик.

Подгоняемый бешеным воем, молодой человек, точно затравленный кролик, несся по дорожке к открытому месту на склоне холма. Тут он вскарабкался наверх и исчез между деревьями. За ним гналась, запыхавшись, сотня жаждущих мести преследователей.

– Экая жалость, он так и не увидит, чем все кончится, – сказал Билл. – Посмотри на эту публику.

Берт был вне себя. Он подпрыгивал и все время кричал:

– Смотри! Смотри! Смотри!

Оклендская партия была оскорблена. Ее фаворита дважды лишили выигрыша. То, что произошло сейчас, – было, несомненно, тоже гнусными кознями партии Фриско. Поэтому Окленд грозил Сан-Франциско своими увесистыми кулаками и жаждал крови. И хотя совесть другой партии была чиста, она ничего не имела против того, чтобы помериться силами с противником: обвинение в подобном злодействе не менее чудовищно, чем само злодейство. Кроме того, ирландцы и так уже сдерживали себя в течение стольких утомительных часов, и теперь пять тысяч мужчин упоенно рвались в драку. К ним присоединились и женщины. Весь амфитеатр был вовлечен в эту потасовку. Шло наступление и отступление, люди бросались в атаку и контратаку. Более слабые отряды были оттеснены на склоны холма. Другие группы хитрили, рассыпались между деревьями, вели партизанскую войну, внезапно набрасываясь на зазевавшихся противников. Десятку полисменов, специально нанятых правлением Визел-парка, обе стороны надавали по загривку, не жалея сил.

– Разве кто любит полицию? – засмеялся Берт, прижимая платок к поврежденному уху, из которого все еще шла кровь.

В кустах за ним раздался треск, он отскочил в сторону, и мимо них под откос покатались двое сцепившихся парней – каждый, как только оказывался наверху, колотил того, кто лежал под ним, – а следом бежала женщина, вопя и осыпая ударами того из противников, который не принадлежал к ее клану.

Во время второй истории с призом судьи на своей вышке мужественно оказывали сопротивление бешеному натиску толпы, пока наконец шаткое сооружение не рухнуло.

– Что эта старуха собирается делать? – спросила Саксон, указывая мужчинам на пожилую женщину внизу на дорожке: она села наземь и начала стаскивать с ноги весьма почтенных размеров башмак на резинках.

– Верно, собирается купаться, – засмеялся Берт, когда за башмаком последовал и чулок.

Удивленные, они продолжали наблюдать за женщиной. Башмак был снова надет, но уже на босу ногу. Затем она засунула в снятый чулок камень величиной с кулак и, размахивая этим древним и ужасным оружием, неуклюже переваливаясь, ринулась в свалку.

– Ого! Ого! – вскрикивал Берт при каждом ее ударе. – Ах ты, чертова перечница! Держись! Берегись, а то как бы самой не нарваться! Ловко! Вот прелесть! Видали? Да здравствует старушка! Смотрите, как она взялась за них! Держись, мамаша!.. А... а... ах!..

Он огорченно смолк, когда другая амазонка, подбежав сзади, схватила женщину с чулком за волосы и завертела ее.

Напрасно Мери висла на его руке, трясла его и бранила.

– Неужели ты не уймешься? – кричала она. – Это же ужасно! Говорю тебе, ужасно!

Но Берт был неукротим.

– Так ее! Так, старушка! – поощрял он ту. – Ты победишь! Держу за тебя! Не зевай, теперь тебе повезло! О! Ловко! Прелесть! Прелесть!

– Я, кажется, такой зверской свалки еще не видел, – сказал Билл, обращаясь к Саксон. – На это способны только ирландцы. Но зачем понадобилось этому типу выкинуть сегодня такую штуку, вот чего я никак не пойму! Он, во всяком случае, не каменщик и даже не рабочий –

настоящий хлюст; у него тут в парке ни души знакомой не было. Но если он хотел вызвать драку, то добился своего. Посмотрите-ка, дерутся везде.

Вдруг он рассмеялся так искренне, что на глазах даже выступили слезы.

– Почему вы смеетесь? – спросила Саксон, боясь что-нибудь упустить.

– Да все этот хлюст! – объяснял Билл между приступами смеха. – Нет, зачем ему понадобилось бросать трость? Вот что мне не дает покоя! Зачем?

В кустах опять послышался треск, и оттуда вынырнули две женщины – одна убежала, другая ее преследовала.

Маленькая компания не успела опомниться, как была втянута в эту борьбу, которая охватила если и не весь мир, то, во всяком случае, все обозримые участки парка.

Огибая садовую скамью, убежавшая женщина споткнулась об нее и, наверное, была бы поймана, но, желая удержать равновесие, схватила Мери за руку и швырнула ее затем прямо в объятия своей преследовательницы; а та – коренастая пожилая женщина, потерявшая от гнева способность соображать, – одной рукой вцепилась Мери в волосы, другую занесла для удара. Однако он не успел обрушиться, так как Билл удержал женщину за руки.

– Хватит, бабушка, довольно, – сказал он рассудительно. – Вы ошиблись. Она тут ни при чем.

Тогда женщина повела себя очень странно. Не сопротивляясь, но и не выпуская волос Мери, она остановилась и преспокойно начала вопить. В этих воплях отвратительно сочетались и ее собственный страх и желание запугать. Однако ее лицо не выражало ни того ни другого. Она холодно рассматривала Билла, видимо, стараясь узнать, как он относится к этим спокойным крикам, которыми она призывала на помощь членов своего клана.

– Ах, да заткнись ты наконец! Развевалась! – заорал Берт, схватив ее за плечи и стараясь оттащить от Мери.

Следствием было то, что все четверо закачались на месте, а женщина продолжала кричать. И когда в кустах послышался треск, в ее воплях появились торжествующие нотки.

Вдруг Саксон увидела, что спокойные глаза Билла сверкнули стальным блеском, и он стиснул руки женщины. Женщина отпустила Мери и, отброшенная назад, оказалась на свободе. Но тут появился один из ее защитников. Он не стал расспрашивать и вникать в суть дела: для него было достаточно, что его знакомая, шатаясь, отступает от Билла и притом кричит от боли, скорее воображаемой.

– Это все ошибка, – поспешно крикнул Билл, – недоразумение, приятель!..

Ирландец тяжело замахнулся. Билл, сразу же оборвав свои объяснения, наклонился, – и в ту минуту, когда подобный молоту кулак пронесся над его головой, ударил противника левой рукой в челюсть. Огромный ирландец повалился на бок и упал на край откоса. Едва он попытался встать на ноги, как его настиг кулак Берта, и он покатился вниз по склону, хватаясь за короткую скользкую траву.

Берт был страшен.

– А это тебе, старая ведьма, получай! – крикнул он и спихнул женщину на предательский откос. Из кустов вынырнули еще трое.

Тем временем Билл поставил Саксон позади садового стола, который должен был ей служить прикрытием. Мери, близкая к обмороку, хотела было за него уцепиться, но он посадил ее на стол и толкнул к Саксон.

– Ну-ка, идите сюда, вы, мразь! – кричал Берт своим новым противникам. Он был в азарте. Его черные глаза сверкали, обычно смуглое лицо стало багровым, кровь так и кипела. – Подходите, мерзавцы! Плевать нам на всякие там Геттисберги! Мы вам покажем, что есть еще на свете американцы!

– Заткни глотку! Мы не можем драться, с нами девушки! – свирепо зарычал на него Билл, не покидая своих позиций перед столом. Он обернулся к трем защитникам, которые недоуме-

вали, не найдя никого, кто бы нуждался в их заступничестве. – Проваливайте отсюда, друзья. Мы не собираемся ссориться. Это недоразумение. Мы в драке не участвуем. Понимаете?

Они все еще колебались. И Биллу, может быть, удалось бы уговорить их, если бы именно в эту весьма неподходящую минуту скатившийся под откос ирландец не появился снова: он с трудом полз вверх на четвереньках, и по его лицу все еще текла кровь. Берт схватил его и снова швырнул вниз, а трое пришедших с яростным криком бросились на Билла, который ударил одного кулаком, затем переменял позицию, наклонился, ударил другого и снова переменял позицию, прежде чем сделать третий выпад.

Удары, которые он обрушивал на своих противников, были беспощадны, четки, метки, он наносил их по всем правилам искусства, усиливая их тяжестью всего своего тела.

Саксон, неотрывно следившая за ним, в эти минуты узнала его с какой-то новой стороны. Хотя сердце ее замирало от страха, но зрение оставалось зорким, и она была поражена: в его глазах уже не было никакой глубины, никакой светотени, они словно стали стеклянными – жесткие, блестящие, пустые, лишенные всякого выражения, кроме выражения суровой серьезности. У Берта глаза сверкали безумием. В глазах ирландцев была злость и тоже серьезность, но где-то светилась озорная радость по случаю лишней драки. В глазах Билла радости не было. Казалось, он выполняет какую-то трудную работу и твердо решил довести ее до конца, – ничего другого не выражало это лицо, совершенно непохожее на то, которое она видела перед собой в течение всего дня. Все мальчишеское исчезло. Это был вполне зрелый человек, но какой-то безвозрастной страшной зрелостью. Его лицо не было злобным, оно даже не было безжалостным, – на нем как бы застыло то же леденящее спокойствие, какое было и в глазах. Ей вспомнились захватывающие рассказы матери о древних саксах, и Билл показался ей одним из этих людей; где-то в глубине сознания промелькнула тень длинной темной лодки – нос ее напоминает клюв хищной птицы, а в лодке какие-то рослые полуобнаженные мужчины в крылатых шлемах, причем лицо одного удивительно напоминает лицо Билла. Она не выдумала, она ощутила, она действительно увидела эту картину при помощи какого-то непостижимого ясно-видения... и тут же удивилась, что бой уже кончен. Он продолжался всего несколько секунд. Берт приплясывал на самом краю скользкого откоса и издевался над побежденными, которые беспомощно катились вниз. Но Билл сразу призвал всех к порядку.

– Ну, девушки, пойдемте, – сказал он. – А ты, Берт, опомнись. Надо выбираться отсюда. Мы не можем биться с целым войском.

Держа Саксон под руку, Билл начал отступление; за ним следовали Берт, продолжавший ликовать и зубоскалить, и возмущенная Мери, которая тщетно изливала на него свое негодование.

Они пробежали между деревьями около ста ярдов, а потом, не обнаружив погони, пошли тише, с видом фланирующих людей. Но Берт, всегда жаждавший приключений, вдруг насторожился – из кустов доносились приглушенные удары и вздохи – и пошел посмотреть, в чем дело.

– О! Идите сюда скорее! – позвал он остальных.

Они догнали его на краю высохшего рва и заглянули вниз. Там, на дне, двое мужчин, видимо отбившихся от общей свалки, все еще крепко держали друг друга и боролись. По их лицам текли беспомощные слезы, и удары, которыми они время от времени обменивались, были вялыми и бессильными.

– Эй ты, приятель, кинь ему песку в глаза, – посоветовал Берт. – Он не будет видеть, и ты его обработаешь!

– Стой! – заорал Билл, увидев, что тот последовал совету Берта. – Или я слезу и сам тебя поколочу! Все уже кончено, и все помирились. Пожмите друг другу руку. Выпивка с обоих. Вот так! А теперь давайте я вас вытащу.

Когда они уходили, противники уже мирились и чистили друг другу платье.

– Все скоро кончится, – усмехаясь, обратился Билл к Саксон. – Я знаю их. Для них подраться – первое удовольствие. И благодаря свалке сегодняшний день будет считаться особенно удачным. Что я говорил? Посмотрите на тот вон стол.

Невдалеке кучка еще растрепанных, тяжело дышавших мужчин и женщин дружески пожимали друг другу руки.

– Пойдемте же, давайте потанцуем, – просила Мери, увлекая их к павильону.

Народ рассыпался по всему парку, недавние враги обменивались рукопожатиями, а вокруг баров, торговавших под открытым небом, толпились жаждающие выпить.

Саксон шла рядом с Биллом. Она гордилась им. Он умел драться, но умел и избегать драк. Во время всех сегодняшних событий он только об этом и заботился. И она понимала, что он вел себя так прежде всего ради нее и Мери.

– Вы храбрый, – сказала она ему.

– Какая там храбрость! Это все равно что отнять конфету у ребенка, – возразил он. – Они просто буйны. Никто из них понятия не имеет о боксе. Они не умеют защищаться, и остается только бить их. Это, знаете ли, не настоящая драка.

Печальным взглядом, совсем как мальчик, посмотрел он на свои в кровь разбитые суставы.

– А мне завтра вот этими руками править надо, – сказал он жалобно. – Очень невесело, доложу я вам, когда они распухают.

Глава пятая

В восемь часов оркестр заиграл «Дом мой, дом», и, следуя в сумерках за потоком гуляющих, которые спешили на дополнительный поезд, обоим парам удалось занять в вагоне места друг против друга. Когда площадки и проходы оказались набитыми публикой, поезд тронулся в свой недолгий путь – из предместья в Окленд. Пассажиры пели кто во что горазд, и Берг, лежа головой на груди у обнимавшей его Мери, затянул свою любимую «На берегах Уобэша» и допел ее до конца, нимало не смущаясь шумом драки, которая продолжалась на обеих площадках вагона до тех пор, пока сопровождавшие поезд полисмены, под крики женщин и звон разбитых стекол, не уняли буянов.

Билл спел печальную балладу о ковбое; она была очень длинная, и каждая строфа заканчивалась припевом: «Заройте меня в пустынной степи».

– Этой песни вы никогда не слышали; мой отец часто ее певал, – сообщил он Саксон, которая была рада, когда он кончил.

Наконец-то она открыла в нем недостаток! У него совершенно отсутствовал слух. Он не взял ни одной верной ноты.

– Я пою редко, – прибавил он.

– Еще бы! – воскликнул Берг. – Друзья убили бы его на месте.

– Они все издеваются над моим пением, – обратился он к Саксон. – Ну скажите по совети, разве у меня выходит так уж плохо?

– Вы... вы... может быть... вы берете не совсем в тон... – заметила она нерешительно.

– А мне вот не кажется, что не в тон, – возразил он. – Чудно. Все точно сговорились. И вас, наверно, Берг подучил. Ну, теперь спойте-ка вы, Саксон. Пари держу, что вы поете хорошо! Это сразу видишь по вашему лицу.

Она запела «Когда кончится жатва», Берг и Мери вторили ей. Но едва Билл попытался присоединить к ним свой голос, как Берг толкнул его ногой, и ему пришлось замолчать. Саксон пела чистым, верным сопрано, голос у нее был небольшой, но очень приятный, и она чувствовала, что поет для Билла.

– Вот это пенье так пенье, – заявил он, когда она замолчала. – Спойте еще раз. Да ну же, начинайте! У вас так хорошо выходит, просто замечательно!

Его рука потянулась к ее руке, забрала ее целиком в свою, и когда она опять запела, то почувствовала, как его сила, словно тепло, проникает в нее.

– Посмотрите, они держатся за ручку! – насмешливо сказал Берг. – Чего вы боитесь? Берите с нас пример! Да придвиньтесь же наконец друг к другу, мямли! Не то я могу подумать... и уже думаю, вы что-то скрываете!..

Намек был слишком прозрачен, и Саксон почувствовала, как ее щеки вспыхнули.

– Ну, ты не очень-то увлекайся, – укоризненно остановил его Билл.

– Замолчите, – рассердилась и Мери. – Вы ужасно грубы, Берг Уонхоп, я больше не желаю с вами знаться, вот вам!

Она разомкнула объятия и оттолкнула его, но через несколько минут уже простила, и они уселись по-прежнему.

– Пойдемте еще куда-нибудь вчетвером, – не унимался Берг. – Ведь время детское. Кутить так кутить! Сначала к Пабсту в кафе, а там видно будет. Ты как на этот счет, Билл? А вы, Саксон? Мери пойдет.

Саксон ждала, мучительно волнуясь, что ответит этот сидевший рядом с нею юноша, которого она узнала так недавно.

– Нет, – медленно проговорил он. – Мне завтра рано вставать и предстоит тяжелый рабочий день; девушкам, я думаю, тоже.

Тут Саксон простила ему его немзыкальность. Она знала, она чувствовала, что такие люди должны быть на свете. И такого человека она ждала. Теперь ей двадцать два; первое предложение она получила, когда ей было шестнадцать, а последнее – всего месяц назад – от старшего мастера прачечной, человека доброго и порядочного, но уже немолодого. Этот же был силен, добр и молод. Она сама еще слишком молода и не может не тянуться к молодости. Правда, с тем, из прачечной, она жила бы спокойно и отдохнула бы от вечных утюгов, но какая же это безрадостная жизнь! А вот с этим... Саксон поймала себя на том, что чуть не пожала его руку, в которой все еще лежала ее рука.

– Нет, Берт, не приставай, он прав, – сказала Мери. – Надо же поспать. Завтра ведь опять эти крахмальные оборки и весь день на ногах.

Саксон вдруг кольнула мысль, что она, вероятно, старше Билла. Она взглянула украдкой на его свежее лицо с гладкой кожей, и та юность, которой дышало все его существо и которая так нравилась ей, вдруг стала ее раздражать. Конечно, он женится на девушке моложе себя и моложе Саксон. Сколько ему может быть лет? Неужели он действительно слишком молод для нее? Становясь недостижимым, он тем самым становился еще привлекательнее. Он был такой сильный – и в то же время такой мягкий. Девушка вспомнила весь проведенный с ним день. Он не совершил ни одного промаха, относился к ней и Мери с неизменным уважением, он разорвал ее программу и танцевал только с ней одной. Если бы она ему не нравилась, он, конечно, так бы себя не вел.

Она пошевелила пальцами и ощутила его жесткую, покрытую мозолями ладонь. Ощущение это было необыкновенно приятно. Он тоже слегка повернул руку, применяясь к ее движению, и она ждала с трепетом, что теперь будет. Саксон очень не хотелось, чтобы он поступил, как другие мужчины, – она, кажется, возненавидела бы его, если б он воспользовался этим легким движением ее пальцев и обнял ее за талию. Но он не обнял ее, и в сердце Саксон вспыхнуло горячее чувство к нему. Оказывается, в нем есть и деликатность, он не пустоголовый болтун, как Берт, не груб, как другие мужчины, с которыми ей случалось встречаться! Она пережила в этом смысле много неприятного и очень страдала от отсутствия того, что можно было бы назвать рыцарством, хотя Саксон, конечно, и не догадывалась, что это именно так называется.

Кроме того, он был боксером. При одной мысли об этом у нее перехватило дыхание. Правда, он нисколько не подходил к тому представлению о боксерах, которое она себе составила. Ведь он, в сущности, и не боксер. Он же сказал, что нет. Саксон дала себе слово расспросить его подробнее, если... если он когда-нибудь опять ее пригласит. Да, наверное, так и будет, ведь когда мужчина танцует с девушкой чуть не целый день, он о ней тут же не забывает. Ей даже захотелось, чтобы он все-таки оказался боксером. В этом было что-то манящее и жуткое. Боксеры— страшные, таинственные люди! И поскольку они не принадлежат к числу заурядных рабочих, вроде плотников и прачечников, они, несомненно, фигуры романтические. Они работают не на хозяев, но для публики, в героическом единоборстве своими силами отвоевывают себе у мира, далеко не щедрого, роскошную жизнь. У иных даже собственные автомобили, и путешествуют они с целой свитой тренеров и слуг. Может быть, Билл только из скромности сказал, что он бросил бокс? Однако на его руках мозоли – значит, он говорит правду.

Глава шестая

У ворот они простились. При этом Билл смутился, и это Саксон очень понравилось. Он, видно, не из тех парней, которые считают себя вправе фамильярничать с девушкой. Остановившись, оба замолчали, и она сделала вид, что хочет войти в дом, хотя на самом деле с тайным трепетом ждала тех слов, которые так мечтала от него услышать.

– Когда же я опять вас увижу? – спросил он, не выпуская ее руки.

Она радостно засмеялась.

– Я живу в восточной части Окленда, – продолжал он. – Знаете, там, где наша конюшня; и работаем мы больше в тех краях, так что в вашей местности мне бывать почти не приходится. А все-таки, – продолжал он, и его рука крепче сжала ее руку, – все-таки нам непременно нужно еще потанцевать вместе. Я вам вот что предложу: в Ориндорском клубе танцы бывают по средам. Если вы не заняты... Или вы заняты?

– Нет...

– Значит, в среду. В котором часу зайти за вами?

Когда они договорились обо всех подробностях и он согласился, чтобы она танцевала некоторые танцы с другими парнями, они еще раз пожелали друг другу спокойной ночи, его рука сжала ее руку, и он привлек девушку к себе. Она слегка, но твердо воспротивилась: таков был обычай, да она и боялась, что Билл может неверно истолковать ее уступчивость. Но все же ей так хотелось поцеловать его, как ни одного мужчину. И когда она подставила ему свое лицо, она почувствовала, что поцелуй его честен. В нем не было никакого скрытого умысла, скорее что-то целомудренное, непосредственное и доброе, как он сам. Этот поцелуй показал, что Билл не слишком опытен в прощаниях с девицами. «Видно, не все мужчины скоты», – подумала она.

– Спокойной ночи, – прошептала Саксон; калитка скрипнула, и она быстро пошла по узкой дорожке, которая огибала двор и вела к ее дому.

– Так до среды? – вполголоса бросил он ей вслед.

– До среды, – откликнулась она.

Но в сумраке узкого прохода между двумя домами она остановилась, с трепетом прислушиваясь к звуку его шагов, удалявшихся по асфальтовому тротуару, и вошла в дверь, только когда шаги замерли совсем. Саксон поднялась по черной лестнице и прошла через кухню в свою комнату, благодаря судьбу за то, что Сара не проснулась.

Она зажгла газ и, снимая с головы бархатную шляпку, почувствовала, что на ее губах еще горит его поцелуй. А ведь такой поцелуй ровно ничего не доказывает. У молодых людей это принято. Они все так делают. Но их поцелуи при прощании никогда не жгли, а поцелуй Билла жег не только ее губы, но и мозг. Что же произошло? Откуда это? Подчиняясь внезапному порыву, она подошла к зеркалу. Ее глаза сияли счастьем; щеки, обычно чуть окрашенные нежным румянцем, теперь пылали. Из зеркала на нее смотрела прехорошенькая девушка. И Саксон улыбнулась, радостная и довольная своим видом; улыбка эта стала еще шире, когда в зеркале отразился ровный ряд ее крепких белых зубов. «Почему бы это личико не понравилось Биллу?» – задала она себе безмолвный вопрос. Другим мужчинам она ведь нравится. Даже подруги одобряют ее внешность. И, судя по тому, как Чарли Лонг преследует ее и отравляет ей жизнь, можно сказать наверняка, что он считает ее привлекательной.

Она покосилась на край зеркала, – там была засунута за рамку фотография Чарли, – содрогнулась и презрительно надула губки. В его глазах было что-то животное и жестокое. Он и в самом деле порядочное животное. Вот уже год, как он ее преследует. Другие парни и подойти к ней боятся: он всех отпугнул своими угрозами. Удостоив ее вниманием, он сделал ее рабой этого внимания. Она вспомнила молодого бухгалтера из прачечной, – это был уже не

рабочий, а настоящий джентльмен, с мягким голосом и нежными руками; а Чарли избил его втихомолку только за то, что бухгалтер осмелился пригласить ее в театр. А разве она виновата? Из жалости к нему она с тех пор ни разу не решилась принять его приглашение.

И вот в среду вечером она пойдет с Билли! Билли! Сердце ее забилось. Конечно, будет скандал, но Билл защитит ее от Чарли. Хотела бы она видеть, как Чарли изобьет Билла! Быстрым движением она выхватила карточку из-за рамы и бросила ее на комод лицом вниз. Карточка упала возле небольшого старенького ларчика, обитого темной потертой кожей. Словно оскорбленная таким кощунством, она опять схватила противную карточку и швырнула ее через всю комнату в дальний угол, затем взяла в руки кожаный ларчик. Нажав пружину и открыв его, она долго глядела на дагерротип: перед ней было усталое женское лицо с умными серыми глазами и смело очерченным выразительным ртом; внутри, на бархатной подушечке, золотыми буквами были вытиснены слова: «Карлтону от Дэзи». Она прочла их с благоговением, ибо это было имя ее отца, которого она совсем не знала, и имя матери, которую она знала так недолго, но чьи умные и грустные серые глаза запомнила навсегда.

Саксон, с детства не знавшая религиозных обрядностей, была по природе натурой глубоко религиозной. Но ее мысли о Боге оставались крайне смутными и неопределенными, и тут она откровенно признавала себя бессильной. Она никак не могла представить себе Бога. На дагерротипе же она видела нечто вполне реальное; этот образ так много давал ей и так много обещал в будущем! Саксон не ходила в церковь. Ее алтарь, ее святая святых были здесь. К этому изображению обращалась она, когда ее постигало горе или угнетало одиночество; здесь она искала совета, помощи и утешения. Она чувствовала, что во многом не похожа на знакомых девушек, и, вглядываясь в дорогое лицо, старалась найти в нем черты духовного сходства с собой. Ведь мать ее была тоже не такая, как все. Мать действительно являлась для нее тем, чем для других является Бог. Этому идеалу она стремилась остаться верной, не уронить его, ничем не оскорбить. Саксон не отдавала себе отчета в том, что на самом деле знает о своей матери очень мало, что все это зачастую ее собственные вымыслы и догадки. В течение многих лет создавала она этот миф о своей матери.

Но разве все в этом образе было только мифом?

Она решительно оттолкнула от себя сомнения и, открыв нижний ящик комода, вынула оттуда потертый портфель. Выпали старые пожелтевшие рукописи, повеяло легким, нежным ароматом былого. Почерк был тонкий, изящный, с завитками, – как принято было писать полстолетия назад. Она прочла стансы, обращенные автором к самой себе:

Словно нежная арфа Эола,
Муза поет все нежней...
Калифорнийские доли
Эхом откликнулись ей³.

Она в тысячу первый раз подивилась тому, что такое Эолова арфа; и все же смутные воспоминания об этой необыкновенной матери будили чувство чего-то невыразимо прекрасного. Саксон некоторое время стояла задумавшись, затем раскрыла другую рукопись. «Посвящается К. Б.», – прочла она. Это было любовное стихотворение, которое ее мать посвятила своему мужу, Карлтону Брауну.

И Саксон погрузилась в чтение следующих строк:

От толпы убежала, укрывшись плащом,
И увидела статуй торжественный ряд:

³ Все стихи в романе «Лунная долина» даны в переводе С. Г. Марр.

Вахх, увенчанный свежим зеленым плющом,
И Пандора с Психеей недвижно стоят.

Это тоже было выше ее понимания, но она вдыхала в себя невнятную красоту этих строк. Вахх, Пандора, Психея – эти имена звучат как волшебное заклинание! Но увы! – ключ к загадке был только у матери. Странные, бессмысленные слова, таившие вместе с тем какой-то глубокий смысл! Ее волшебница-мать понимала, что они означают. Саксон медленно прочла их, букву за буквой, ибо не смела прочесть целиком, не зная, как они произносятся, и в ее сознании смутно блеснул их величественный смысл, глубокий и непостижимый. Ее мысль замерла и остановилась на сияющих, как звезды, границах некоего мира, где ее мать чувствовала себя так свободно, гораздо более высокого, чем действительность, в которой живет она, Саксон. Задумчиво перечитывала она все вновь и вновь эти четыре строчки. И ей казалось, что в сравнении с той действительностью, в которой она жила, терзаемая горем и тревогой, мир ее матери был полон света и блеска. Здесь, в этих загадочно-певучих строках, скрывалась нить, ведущая к пониманию всего. Если бы Саксон только могла ухватить ее – все стало бы ясно. В этом она была вполне уверена. И она поняла бы тогда и злые речи Сары, и судьбу своего несчастного брата, и жестокость Чарли Лонга, и то, почему он избил бухгалтера, и почему надо стоять у гладильной доски и работать, не разгибая спины, дни, месяцы, годы.

Она пропустила строфу— увы, совершенно для нее недоступную – и попробовала читать дальше.

В теплице последние краски дрожат,
В них отблеск опала и золота дрожь.
Едва зарумянил далекий закат,
Закат, что с вином упоительным схож,
Наяду, застывшую в зыбкой тени,
Осыпали брызги ей руки и стан,
Блеснув на груди аметистом, они
Дождем осыпаются в светлый фонтан.

– Прекрасно, как прекрасно, – вздохнула она. Смущенная длиной стихотворения, она снова закрыла рукопись и спрятала ее; затем опять стала шарить в комод, надеясь, что хранящиеся там реликвии дадут ей ключ к неразгаданной душе матери.

На этот раз она вынула маленький сверток в тонкой бумаге, перевязанный ленточкой. Бережно она развернула его, с благоговейной серьезностью священника, стоящего перед алтарем. Там лежал красный атласный испанский корсаж на китовом усе, напоминавший маленький корсет, – такие корсажи были обычным украшением женщин, которые прошли с пионерами через прерии. Корсаж был ручной работы и сшит по старинной испано-калифорнийской моде. Даже китовый ус был обработан домашним способом из материала, купленного, вероятно, на китобойном судне, торговавшем кожей и ворванью. Черным кружевом его обшила мать, и стежки на тройной кайме из черных бархатных полос тоже были сделаны ее рукой.

Саксон задумалась над ним, в голове ее проносились бессвязные мысли. Здесь перед ней было нечто реальное. Это она понимала. Этому она поклонялась, как поклонялись люди ими же созданным богам, хотя их вера и опиралась на гораздо менее осязаемые доказательства пребывания Бога на земле.

Корсаж имел в окружности двадцать два дюйма. Саксон уже не раз убеждалась в этом. Она встала и примерила его на себя. Это было частью обычного ритуала. Корсаж почти сходился. В талии он сходился совсем. Если бы снять платье, он пришелся бы как раз по ней. Этот корсаж, овеянный воспоминаниями о пионерской эпопее в Калифорнийской Вентуре, больше

всего волновал Саксон: он как бы хранил отпечаток фигуры ее матери. Стало быть, внешностью она похожа на мать. Свою железную выдержку, свою ловкость в работе, изумлявшую всех, она тоже унаследовала от нее. Так же изумлялись люди прошлого поколения, глядя на ее мать – эту куколку, это создание, самое миниатюрное и молодое из целого выводка рослых пионеров, – создание, воспитывавшее, однако, этот выводок. Все обращались к ее необычному уму, даже сестры и братья, которые были на десяток лет старше ее. Именно она, Дэзи, решительно повелела своим спутникам переменить зараженные лихорадкой низменности Колюзы на здоровый воздух Вентурских гор; это она восстала против старика отца, который считался грозой индейцев, и боролась со всей семьей за то, чтобы Вилла вышла замуж по своему выбору; это она, бросая вызов семье и общепринятой морали, потребовала, чтобы Лаура развелась со своим мужем, безволие которого граничило с преступностью; а с другой стороны – она, и только она, не давала семье распасться, когда взаимное непонимание или человеческие слабости грозили ее разрушить.

Поистине она была и воином и миротворцем! И перед глазами Саксон воскресали забытые предания. Они были полны живых подробностей, так как она много раз вызывала их в своем воображении, хотя они и касались вещей, которых она никогда не видела. Эти подробности, конечно, были плодом ее собственной фантазии: ей ведь никогда не приходилось встречать ни вола, ни дикого индейца, ни степной повозки. И все же она видела перед собой орды этих жаждущих земли англосаксов; они пересекали материк и шли с востока на запад, они мелькали сквозь поднятую тысячами копыт, пронизанную солнцем пыль и были полны трепета и жизни. Они казались ей частью ее самой. Эти предания старины и рассказы о подлинных событиях она слышала из уст живых свидетелей и участников. Ей отчетливо рисовались длинные вереницы повозок, впереди шагают исхудавшие загорелые мужчины, юноши подгоняют ревущих волов, которые падают от усталости и поднимаются, чтобы снова упасть. И во всем этом, как легкий челнок, ткущий золотую лучезарную пряжу, мелькает образ ее матери – ее маленькой непокорной мамы, которой минуло и восемь и девять лет, а поход был еще не закончен, – волшебницы и законодательницы, во всяком деле осуществлявшей свою волю, – причем и дело и воля ее всегда были правильны и хороши.

Саксон видела Панча, крошечного скай-терьера с жесткой шерстью и преданными глазами, – Панча (он с таким трудом следовал за путешественниками в течение долгих месяцев), наконец охромевшего и всеми покинутого; и она видела, как Дэзи, эта крошка, спрятала Панча в повозку; видела, как ее одичавший, истощенный старик отец обнаружил этот дополнительный груз, когда волы и без того выбивались из сил, видела его ярость и как он поднял Панча за шиворот. Видела потом, как Дэзи стояла между дулом длинноствольного ружья и собачонкой и как после этого девочка много дней тащила, спотыкаясь, по солончакам среди зноя и пыли, поднимаемой повозками, держа на руках, словно ребенка, больную собаку.

Но живее всего вставала перед Саксон битва при Литтл-Мэдоу. Дэзи одета, как на праздник, в белое платье, опоясанное лентой, с лентами и круглой гребенкой в волосах, с маленькими ведерками в руках; вот она выходит из-под прикрытия поставленных полукругом и сцепленных колесами фургонов, где раненые кричат в бреду и грезят о холодных родниках, шагает по залитой солнцем, поросшей цветами луговине, мимо оцепеневших от изумления вооруженных индейцев, к водоему за сто ярдов и – возвращается обратно.

Саксон с горячим благоговением поцеловала атласный испанский корсаж, торопливо свернула его и с еще влажными глазами решила больше не грезить ни об обожаемой матери, ни о странных загадках жизни.

И все-таки, лежа в постели, она снова вызвала в своем воображении те немногие, но важные для нее сцены, где участвовала ее мать и которые память сохранила ей с детства. Она больше всего любила засыпать именно так – унося с собой в подобную смерти пропасть сна запечатленный в меркнувшем сознании образ матери. Но это не была ни Дэзи из прерий, ни

Дэзи с дагерротипа. Та Дэзи существовала до Саксон. Мать, с образом которой она засыпала, была намного старше – измученное бессонницей, мужественно-скорбное, бледное, хрупкое и тихое существо, которое держалось только напряжением воли и только напряжением воли не допускало себя до сумасшествия, но чья воля не могла побороть бессонницу, – ни один врач не в силах был дать бедняжке ни минуты сна. И вот она бродила, бродила по дому, от постели к креслу и опять к постели, в течение долгих мучительных дней и месяцев, никогда не жалуясь, хотя ее неизменно улыбающиеся губы кривились от боли. И ее умные серые глаза – все еще серые, все еще умные – стали огромными и глубоко запали.

В эту ночь Саксон не скоро удалось заснуть; мать, бродившая по дому, появлялась и исчезала, а в промежутках вставал образ Билла с его красивыми и печальными, словно затуманенными глазами и жег ей веки; и еще раз, когда ее уже заливали волны сна, она спросила себя: «Может быть, это *он?*»

Глава седьмая

Работа в гладильной шла своим чередом, но эти три дня до среды показались Саксон ужасно длинными. Разглаживая тонкие крахмальные вещи, которые так и летали под ее утюгом, Саксон что-то напевала вполголоса.

– Просто не понимаю, как ты ухитряешься! – дивилась Мери. – Этак ты к концу недели заработаешь тринадцать, а то и четырнадцать долларов!

Саксон рассмеялась, и в облачках пара, поднимавшихся из-под утюга, перед ней заплясали золотые буквы, – из них складывалось слово «среда».

– Какого ты мнения о Билле? – спросила Мери.

– Он мне нравится, – откровенно призналась Саксон.

– Только смотри не увлекись им.

– Захочу, так увлекусь, – задорно отозвалась Саксон.

– Лучше не надо, – предостерегающе заметила подруга. – Только неприятности наживешь. Он не женится. Многие девушки уже убедились в этом, они ведь прямо вешаются ему на шею.

– Я не собираюсь вешаться на шею ни ему, ни другому...

– Ну, я тебя предупредила, – сказала Мери, – имеющие уши да слышат.

Саксон задумалась.

– У него нет...? – и глазами досказала вопрос, для которого не подобрала слов.

– О, ничего подобного? Хотя я не знаю, что ему мешает? Завидный парень, ничего не скажешь! А просто он не юбочник. Танцует, гуляет, веселится, но насчет прочего – ни-ни! Много девушек по нем с ума сходят. Держу пари, что и сейчас в него влюблены по крайней мере десяток. А он всем дает отставку. Взять хотя бы Лили Сэндерсон. Да ты ее знаешь, ты видела ее прошлым летом на гулянье словаков в Шеллмаунде, – высокая такая интересная блондинка, она еще все время ходила с Бэтчем Виллоу.

– Да, помню, так что же с ней случилось?

– Ну, она дружила с Бэтчем, и у них дело уж совсем налаживалось, да Билл заметил, что она недурно танцует, и давай с ней танцевать на всех вечеринках. Но Бэтч ведь отчаянный. Он подходит к Биллу, отчитывает его при всех и предупреждает. Билл слушает, знаешь, с этим своим полусонным спокойным видом, а Бэтч распаляется, распаляется – и все ждут, вот сейчас будет драка.

Тогда Билл спрашивает: «Все?» – «Да, – отвечает Бэтч. – Я-то все сказал, а вот что ты теперь мне ответишь?» И как ты думаешь, что он сказал, когда все смотрели на него, а у Бэтча глаза даже кровью налились? «Да ничего», – говорит... Ты представляешь, как удивился Бэтч? Его можно было, как говорится, пальцем перешибить! «И никогда больше с ней танцевать не будешь?» – говорит Бэтч. «Конечно, нет, раз ты говоришь – нельзя». Так и ответил!

Ну, ты понимаешь, всякого другого, кто бы так отступил перед Бэтчем, стали бы презирать, а Биллу все можно. Он прославился как боксер, и если он посторонился и дал дорогу другому, каждый понимает, что он не трусил и не бьет отбой, – словом, ничего такого. Просто у него не было никакого чувства к Лили Сэндерсон; и всем стало ясно, что это она влюблена в него как кошка.

Рассказ Мери крайне встревожил Саксон. Правда, в ней жила своя женская гордость, однако насчет покорения мужских сердец она вовсе не отличалась излишней самоуверенностью. Билл с удовольствием танцевал с ней, но, может быть, на этом все и кончится? И если Чарли Лонг устроит ему скандал, Билл от нее отступится, как отступился от Лили Сэндерсон? Говорят, он жениться не собирается, – все же Саксон отлично понимала, что жених он весьма завидный. Не мудрено, если девушки за ним бегают. Он и мужчин покоряет так же легко, как

женщин. Мужчины любят его. Берт Уонхоп прямо влюблен в него. Она вспомнила случай с хулиганом из мясных рядов, который подошел к их столу и извинился, вспомнила ирландца, который мгновенно отказался от всякой мысли о драке, как только узнал, кто перед ним.

«Наверно, страшно избалованный молодой человек», – не раз мелькало в уме Саксон, но она отгоняла эту мысль, как недостойную. Он был мягок и деликатен, но и при этом сохранял свою несносную медлительность. Несмотря на огромную силу, он никого не задевал и не обижал. Саксон не могла забыть истории с Лили Сэндерсон и то и дело мысленно к ней возвращалась. Он был равнодушен к девушке и поэтому сейчас же отступил, не встал между нею и Бэтчем. Берт, например, из одного задора и злорадства затеял бы драку, нажил себе врага, и Лили ничего бы при этом не выиграла. Билл поступил именно так, как следовало, и сделал это с присущей ему ленивой невозмутимостью, решительно никого не обидев. От всего этого Билл становился для нее все более желанным и все менее доступным.

В результате она купила себе еще пару шелковых чулок, хотя очень долго не решалась на такую трату, а ночь на среду просидела над шитьем новой блузки, то и дело засыпая от усталости под ворчание Сары, бранившей ее за безрассудный расход газа.

Удовольствие, полученное ею в среду вечером на ориндорском балу, было далеко не полным. Девушки бессовестно ухаживали за Биллом, и его снисходительность к ним просто злила ее. Все же она должна была признать, что Билл ничем не задевал чувства других кавалеров так, как девушки задевали ее собственные чувства. Они чуть ли не сами просили, чтобы он с ними потанцевал, и их навязчивое ухаживание за ним не могло от нее укрыться. Саксон твердо решила, что она-то уж никогда не кинется ему на шею; поэтому она отказывала ему в одном танце за другим и вскоре почувствовала, что тактика ее правильная. И если он невольно обнаруживал перед ней свой успех у всех этих девушек, то и она давала ему почувствовать, что нравится другим мужчинам.

И она дождалась награды, когда он спокойно пренебрег ее отказом и потребовал от нее сверх обещанных еще два танца. Ее и рассердили и вместе с тем обрадовали перехваченные ею замечания двух здоровенных девиц с консервного завода. «Противно смотреть, – сказала одна, – как эта пигалица забирает его в руки!» На что другая ответила: «Хоть бы из приличия бегала за кавалерами своего возраста, а не за такими молокососами. Ведь это называется совращением малолетних!» Последние слова кольнули ее больше всего, и Саксон покраснела от гнева, а девушки уже уходили, даже не подозревая, что их подслушали.

Билл довел ее до ворот и поцеловал, взяв обещание пойти с ним в пятницу на танцы в зал «Германия».

– Я, собственно, туда не собирался, – сказал он, – но если вы согласны... Берт тоже там будет.

На другой день, стоя у гладильной доски, Мери сообщила ей: они с Бертом сговорились идти в пятницу на вечер.

– А ты пойдешь? – спросила Мери.

Саксон кивнула.

– С Биллом Робертсом?

Опять последовал кивок. И Мери, держа утюг на весу, пристально и с любопытством взглянула на подругу.

– Ну а что, если вмешается Чарли Лонг?

Саксон пожала плечами.

С четверть часа они гладили торопливо и молча.

– Что ж, если он сунется, – решила Мери, – он, может быть, получит по носу. А мне бы очень хотелось на это посмотреть... нахал противный! Все зависит от того, какие чувства у Билли, то есть к тебе...

– Я не Лили Сэндерсон, – с негодованием возразила Саксон, – и никогда у Билли не будет повода при всех дать мне отставку.

– Придется, если в дело вмешается Чарли Лонг. Поверь мне, Саксон, он все-таки дрянный человек. Помнишь, как он отделал бедного Муди? Избил до полусмерти!.. А что такое мистер Муди? Просто тихий человечек, он и мухи не обидит... Ну а с Биллом Робертсом дело так не кончится!

В тот же вечер Саксон увидела у дверей прачечной Чарли Лонга, он поджидал ее. Когда он подошел поздороваться и зашагал рядом, она почувствовала то мучительное замирание сердца, которое всегда ощущала при его появлении. От страха Саксон сразу побледнела. Она боялась этого рослого, грубого парня с его бычьей силой, боялась тяжелого и наглого взгляда его карих глаз, боялась огромных рук, какие бывают у кузнецов – с толстыми волосатыми пальцами. У него была неприятная наружность, и он ничем не привлекал ее душевно. Не его сила сама по себе оскорбляла ее, а характер этой силы и то, как он применял ее. Она долго потом не могла забыть избиения кроткого Муди; при виде Чарли она всегда с внутренним содроганием вспоминала об этом случае.

А ведь совсем недавно она присутствовала при том, как Билл дрался в Визел-парке, но то было совсем другое. Чем другое – она не могла бы сказать, но чувствовала разницу между Биллом и Лонгом; у Лонга по-звериному грубы и руки и душа.

– Вы сегодня бледная, у вас измученный вид! – заметил он, поздоровавшись. – Какого черта вы не бросите эту канитель? Ведь все равно рано или поздно придется! От меня вы не отделаетесь, малютка!

– Очень жаль, если так, – возразила она.

Он самоуверенно рассмеялся.

– Нет, Саксон, и не старайтесь. Вы прямо созданы быть моей женой. И будете.

– Хотела бы я быть такой уверенной, как вы, – сказала она с насмешкой, которой он, впрочем, даже не заметил.

– Я вам говорю, – продолжал он, – в одном вы можете быть уверены: что я своему слову верен, – и, довольный своей шуткой, которую, видимо, счел весьма остроумной, он захохотал. – Когда я чего-нибудь захочу, так добуду! И лучше мне поперек дороги не становись, не то сшибу. Поняли? Мы с вами пара – и все тут; поэтому нечего волыннить, переходите-ка лучше работать ко мне в дом, чем возиться в прачечной. Да и дела-то с воробьиный нос! Какая у меня работа? Денег я зашибаю достаточно, все у вас будет. Я и сейчас удрал с работы и прибежал сюда, чтобы еще раз все это вам напомнить, не то, пожалуй, забудете. Я даже еще не ел сегодня – видите, все время вас в уме держу!

– Нет, лучше уж ступайте пообедайте, – посоветовала она, хотя знала по опыту, как трудно бывает от него отделаться.

Она едва слышала, что он ей говорил. Саксон вдруг почувствовала себя очень усталой, маленькой и слабой рядом с этим великаном. «Неужели он никогда не отстанет?» – спрашивала она себя с тоской, и ей на миг представилось ее будущее, вся ее жизнь, словно длинная дорога, и она идет по ней с этим неуклонно преследующим ее кузнецом.

– Ну, давайте решайте, малютка, – продолжал он. – Теперь как раз золотое летнее времячко, самая пора для свадеб.

– Но я ведь вовсе не собираюсь за вас замуж! – негодуя возразила Саксон. – Я вам уже тысячу раз говорила!

– Ах, бросьте! Выкиньте эти глупости из головы! Конечно, вы за меня пойдете. Это дело решенное. И еще одно – в пятницу мы с вами махнем во Фриско: там кузнецы задают грандиозный вечер.

– Нет, я не поеду, – решительно заявила она.

– Поедете! – ответил он безапелляционно. – Вернемся с последним пароходом, и вы здорово повеселитесь. Познакомлю вас с лучшими танцорами... Я ведь уж не такой жадный. Я знаю, вы потанцевать любите.

– Но я вам говорю, что не могу, – повторила она.

Он подозрительно покосился на нее из-под черных нависших бровей, густо сросшихся на переносице и образовавших как бы одну черту.

– Почему не можете?

– Я уже обещала...

– Кому это?

– Не ваше дело, Чарли Лонг. Обещала... и все тут.

– Не мое дело? Нет, будет мое, коли захочу! Помните вашего обожателя, этого сопляка бухгалтера? Ну так советую не забывать, чем все это кончилось!

– Прошу вас, оставьте меня в покое! – обиженно проговорила она. – Ну хоть один раз не мучьте!

Кузнец язвительно засмеялся.

– Если какой-нибудь сопляк намерен встать между нами, пусть не воображает... я ему вправлю мозги... Так в пятницу вечером? Да? А где?

– Не скажу.

– Где? – повторил он.

Губы девушки были крепко сжаты, на щеках двумя небольшими пятнами вспыхнул гневный румянец.

– Подумаешь! Точно я не отгадаю! В зале «Германия», конечно! Ладно, я там буду и провожу вас домой. Поняли? И уж лучше предупредите своего сопляка, чтобы он убирался подобру-поздорову, если не хотите, чтобы я ему морду набил.

Саксон, чье женское достоинство было оскорблено таким обращением ее поклонника, хотелось бросить ему в лицо имя и подвиги своего нового защитника. Но она тут же испугалась: Чарли – взрослый мужчина, и в сравнении с ним Билл – мальчик. По крайней мере ей он показался таким. Она вспомнила свое первое впечатление от рук Билла и взглянула на руки своего спутника. Они показались ей вдвое больше, а шерсть, которой они обросли, свидетельствовала о его ужасной силе. Нет, не может Билл драться с таким громадным животным! И вместе с тем в ней вспыхнула тайная надежда, что благодаря чудесному, баснословному искусству, каким владеют боксеры, Биллу, может быть, удастся проучить этого забияку и избавить ее от преследований. Но когда она опять посмотрела на кузнеца и увидела, как широки его плечи, как морщится сукно костюма на мощных мышцах и рукава приподняты глыбами бицепсов, ее снова охватили сомнения.

– Если вы опять хоть пальцем тронете кого-нибудь, с кем я... – начала она.

– Ему, конечно, не поздоровится, – осклабился кузнец. – И поделом. Всякого, кто становится между парнем и его девушкой, необходимо вздуть.

– Я не ваша девушка и, что бы вы ни говорили, никогда не буду.

– Ладно, злитесь, – кивнул он. – Мне нравится, что вы такая задорная. Нужно, чтобы жена была с огоньком, а то – что в них толку, в этих жирных коровах! Колоды! Вы по крайней мере огонь, злючка!

Она остановилась возле своего дома и положила руку на щеколду калитки.

– Прощайте, – сказала она. – Мне пора.

– Выходите-ка попозднее, прогуляемся в Андорский парк, – предложил он.

– Нет, мне нездоровится. Поужинаю и сразу лягу.

– Понятно, – проговорил он с ехидной усмешкой. – Приберегаете, значит, силы к завтрашнему дню? Да?

Она нетерпеливо толкнула калитку и вошла.

– Я вас предупредил, – продолжал он, – если вы завтра надуете меня, кому-то придется плохо.

– Надеюсь, что вам! – отпарировала она.

Он захохотал, откинул голову, выпятил чугунную грудь и приподнял тяжелые руки. В эту минуту он напоминал Саксон огромную обезьяну, когда-то виденную ею в цирке.

– Ну, до свиданья! – крикнул он ей вслед. – Увидимся завтра вечером в «Германии».

– Я не говорила вам, что буду именно там.

– Но и не отрицали. Я все равно приду. И я вас провожу домой. Смотрите оставьте мне побольше вальсов. Беситесь сколько угодно – это вам идет!

Глава восьмая

Когда вальс кончился и музыка смолкла, Били и Саксон оказались у главного входа в танцевальный зал. Ее рука слегка опиралась на его руку, и они прогуливались, отыскивая местечко, где бы сесть. Вдруг прямо перед ними вырос Чарли Лонг, который, видимо, только что пришел.

– Так это ты тут отбиваешь девушек? – угрожающе спросил он; лицо его было искажено неистовой злобой.

– Кто? Я? – спокойно спросил Билл. – Ошибаетесь, я никогда этим не занимаюсь.

– А я тебе голову снесу, если ты сию минуту не уберешься!

– Ну, с головой-то мне вроде жалко расстаться. Что ж, пойдете отсюда, Саксон. Здесь неподходящее для нас соседство.

Он хотел пройти с ней дальше, но Лонг опять загородил ему дорогу.

– Уж очень ты занесся, парень, – прохрипел он, – и тебя следует проучить! Понятно?

Билл почесал затылок и изобразил на своем лице притворное недоумение.

– Нет, непонятно, – ответил он. – Повторите, что вы сказали?

Но огромный кузнец презрительно отвернулся и обратился к Саксон:

– Пойдите-ка сюда. Давайте вашу карточку.

– Вы хотите с ним танцевать? – спросил Билл.

Она отрицательно покачала головой.

– Очень жаль, приятель, ничего не поделаешь. – И Билл опять сделал попытку отойти.

Но кузнец в третий раз надвинулся на них.

– А ну-ка давайте отсюда, – сказал Билл, – я вас не держу.

Лонг чуть не бросился на него; его кулаки сжались. Одну руку он отвел назад, готовясь нанести ею удар, а плечи и грудь выпятил, – но невольно остановился при виде невозмутимого спокойствия Билла и его невозмутимых, как будто затуманенных глаз. В лице Билла не дрогнула ни одна черта, в теле – ни одна мышца. Казалось, он даже не сознает, что ему угрожает нападение. Все это было для кузнеца чем-то совершенно новым.

– Ты, может, не знаешь, кто я? – вызывающе спросил Лонг.

– Отлично знаю, – так же невозмутимо ответил Билл. – Ты первейший хулиган (лицо Лонга выразило удовольствие). Специалист по избиению малолетних. Тебе полицейская газета должна бы дать брильянтовый жетон. Сразу видно, что ни черта не боишься.

– Брось, Чарли, – посоветовал один из обступивших их молодых людей. – Это же Билл Робертс, боксер. Ну, знаешь... Большой Билл...

– Да, хоть бы сам Джим Джеффис! Я никому не позволю становиться мне поперек дороги!

Но даже Саксон заметила, что его свирепый пыл сразу угас. Казалось, одно имя Билла уже действует умиротворяюще на самых отчаянных скандалистов.

– Вы с ним знакомы? – обратился к ней Билл.

Она ответила только взглядом, хотя ей хотелось громко закричать обо всех обидах, которые ей нанес этот человек, так упорно ее преследовавший. Билл обернулся к кузнецу:

– Осторожнее, приятель, тебе со мной ссориться не стоит. Хуже будет. Да и чего ради, собственно говоря? Ведь в таком деле решать ей, а не нам.

– Нет, не ей. Нам.

Билл медленно покачал головой:

– Нет, ошибаешься. Слово за ней.

– Ну, так скажите его! – зарычал Лонг, обращаясь к Саксон. – С кем вы пойдете? С ним или со мной? Давайте выясним это сейчас же!

Вместо ответа Саксон положила и другую руку на руку Билла.

– Вот и сказала, – заметил Билл.

Лонг злобно посмотрел на Саксон, потом на ее защитника.

– А все-таки я с тобой еще посчитаюсь, – пробурчал он сквозь зубы.

Когда Саксон и Билл отошли, девушку охватила глубокая радость. Нет, ее не постигла судьба Лили Сэндерсон, и этот невозмутимый, неторопливый мужчина-мальчик укротил ужасного кузнеца, ни разу не пригрозив ему и не ударив.

– Он все время прохода мне не дает, – шепнула она Биллу. – Везде меня преследует и избивает каждого, кто только приближается ко мне. Я больше не хочу его видеть! Никогда!

Билл вдруг остановился. Чарли, нехотя удалявшийся, остановился тоже.

– Она говорит, – обратился к нему Билл, – что больше не хочет с тобой знаться. А ее слово свято. Если только я услышу, что ты к ней опять пристаешь, я возьмусь за тебя по настоящему. Понял?

Лонг с ненавистью посмотрел на него и промолчал.

– Ты понял? – сказал Билл еще более решительно.

Кузнец глухо прорычал что-то, означавшее согласие.

– Тогда все в порядке. И смотри – заруби себе на носу. А теперь катись отсюда, не то я тебя сшибу.

Лонг исчез, бормоча несвязные угрозы, а Саксон шла точно во сне. И так, Чарли Лонг отступил. Он испугался этого мальчика с нежной кожей и голубыми глазами! Билл избавил ее от преследователя; он сделал то, на что до сих пор не решался никто другой. И потом... он отнесся к ней совсем иначе, чем к Лили Сэндерсон.

Два раза Саксон принималась рассказывать своему защитнику подробности знакомства с Лонгом, и каждый раз он останавливал ее.

– Да бросьте вы вспоминать! Все это чепуха, – сказал он во второй раз. – Вы здесь, – а это главное.

Но она настояла на своем, и когда, волнуясь и сердясь, кончила свой рассказ, он ласково погладил ее руку.

– Пустяки, Саксон. Он просто нахал. Я как взглянул на него, сразу понял, что это за птица. Больше он вас не тронет. Я знаю таких молодцов: это трусливые псы. Драчун? Да, с грудными младенцами он храбр, хоть сотню поколотит.

– Но как это у вас получается? – спросила она с восхищением. – Почему мужчины вас так боятся? Нет, вы просто удивительный!

Он смущенно улыбнулся и переменял разговор.

– Знаете, – сказал он, – мне очень нравятся ваши зубы. Они такие белые, ровные, но и не мелкие, как у детишек. Они... они очень хорошие... и вам идут. Я никогда еще не видел таких ни у одной девушки. Честное слово, я не могу спокойно на них смотреть! Так бы и съел их.

В полночь, покинув Берта и Мери, танцевавших неумоимо, Билл и Саксон отправились домой. Так как именно Билл настоял на раннем уходе, то он счел нужным объяснить ей причину.

– Бокс заставил меня понять одну очень важную штуку, – сказал он, – надо беречь себя. Нельзя весь день работать, потом всю ночь плясать и оставаться в форме. То же самое и с выпивкой. Я вовсе не ангел. И я напивался, и знаю, что это такое. Я и теперь люблю пиво, – да чтобы пить не по глоточку, а большими кружками. Но я никогда не выпиваю, сколько мне хочется. Пробовал – и убедился, что не стоит. Возьмите хоть этого хулигана, который сегодня приставал к вам. Я бы шутя его взгрел. Конечно, он и так буян, а тут еще пиво бросилось ему в голову. Я с первого взгляда увидел и потому легко бы с ним справился. Все зависит от того, в каком человек состоянии.

– Но ведь он такой большой! – возразила Саксон. – У него кулак вдвое больше вашего.

– Ничего не значит. Важны не кулаки, а то, что за кулаками. Он бы набросился на меня, как зверь. Если бы мне не удалось его сразу сбить, я бы только оборонялся и выжидал. А потом он вдруг выдохся бы, сердце, дыхание – все. И тут уж я бы с ним сделал что хотел. Главное, он сам это прекрасно знает.

– Я никогда еще не встречалась с боксером, – сказала Саксон, помолчав.

– Да я уже не боксер, – возразил Билл поспешно. – И еще одному научил меня бокс: что надо это дело бросить. Не стоит. Тренируется человек до того, что делается как огурчик, и кожа атласная и все такое, – ну, словом, в отличной форме, жить бы ему сто лет, и вдруг – нырнул он под канаты и через каких-нибудь двадцать раундов с таким же молодцом все его атласы – к чертям, и еще целый год жизни потеряет! Да что год, иной раз и пять лет, а то и половину жизни... бывает и так, что на месте останется. Я насмотрелся. Я видел боксеров. Иной здоров как бык, а глядишь – года не пройдет, умирает от чахотки, от болезни почек или еще чего-нибудь. Так что же тут хорошего? Того, что он потерял, ни за какие деньги не купишь. Вот потому-то я это дело и бросил и опять стал возчиком. На здоровье не могу пожаловаться и хочу сохранить его. Вот и все.

– Вы, наверно, гордитесь сознанием своей власти над людьми, – тихо сказала Саксон, чувствуя, что и сама она гордится его силой и ловкостью.

– Пожалуй, – откровенно признался он. – Я рад, что тогда пошел на ринг, и рад теперь, что с него ушел... Да, все-таки я многому там научился: научился глядеть в оба и держать себя в руках. А какой у меня раньше был характер! Кипяток! Я сам иной раз себя пугался. Чуть что – так вспылю, удержу нет. А бокс научил меня сразу не выпускать пары и не делать того, в чем после каяться будешь.

– Полно! – перебила она его. – Я такого спокойного, мягкого человека еще не встречала.

– А вы не верьте. Вот узнаете меня поближе – увидите, какой я бываю: так разойдусь, что уже ничего не помню. Нет, я ужасно бешеный, стоит только отпустить вожжи!

Этим он как бы выразил желание продолжать их знакомство, и у Саксон радостно екнуло сердце.

– Скажите, – спросил он, когда они уже приближались к ее дому, – что вы делаете в следующее воскресенье? У вас есть какие-нибудь планы?

– Нет, никаких нет.

– Ну... Хотите, возьмем экипаж и поедем на целый день в горы?

Она ответила не сразу – в эту минуту ею овладело ужасное воспоминание о последней поездке с кузнецом; о том, как она его боялась, как под конец выскочила из экипажа и потом бежала, спотыкаясь в темноте, много миль в легких башмаках на тонкой подошве, испытывая при каждом шаге мучительную боль от острых камней. Но затем она почувствовала прилив горячей радости: ведь теперешний ее спутник – совсем другой человек, чем Лонг.

– Я очень люблю лошадей, – сказала она. – Люблю даже больше, чем танцы, только я ничего почти про них не знаю. Мой отец ездил на большой чалой кавалерийской лошади. Он ведь был капитаном кавалерийского полка. Я его никогда не видела, но всегда представляю себя верхом на рослом коне, с длинной саблей и португеей. Теперь эта сабля у моего брата Джорджа, но второй брат, Том, у которого я живу, говорит, что она моя, потому что мы от разных отцов. Они ведь мои сводные братья. От второго мужа у моей матери родилась только я. Это был ее настоящий брак... я хочу сказать – брак по любви.

Саксон вдруг умолкла, смутившись своей болтливости, но ей так хотелось рассказать этому молодому человеку про себя все, – ведь ей казалось, что эти заветные воспоминания составляют часть ее самой.

– Продолжайте! Рассказывайте! – настаивал Билл. – Я очень люблю слушать про старину и тогдашних людей. Мои родители ведь тоже все это испытали, но почему-то мне кажется, что тогда жилось лучше, чем теперь. Все было проще и естественнее. Я не знаю, как это выразить...

словом – не понимаю я теперешней жизни: все эти профсоюзы и компанейские союзы, стачки, кризисы, безработица и прочее; в старину ничего этого не знали. Каждый жил на земле, занимался охотой, добывал себе достаточно пищи, заботился о своих стариках, и каждому хватало. А теперь все пошло вверх дном, ничего не разберешь. Может, я просто дурак – не знаю. Но вы все-таки продолжайте, расскажите про свою мать.

– Видите ли, моя мать была совсем молоденькая, когда они с капитаном Брауном влюбились друг в друга. Он был тогда на военной службе, еще до войны. Когда вспыхнула война, капитана послали в Восточные штаты, а мама уехала к своей больной сестре Лоре и ухаживала за ней. Потом пришло известие, что он убит при Шайлоу, и она вышла замуж за человека, который уже много-много лет любил ее. Он еще мальчиком был в той же партии, что и она, и вместе с нею прошел через прерии. Она уважала его, но по-настоящему не любила. А потом вдруг оказалось, что мой отец жив. Мама загрустила, но не дала горю отравить ей жизнь. Она была хорошей матерью и хорошей женой, кроткая, ласковая, но всегда печальная, а голос у нее был, по-моему, самый прекрасный на свете.

– Держалась, значит, молодцом, – одобрил Билл.

– А мой отец так и не женился. Он все время продолжал ее любить. У меня хранится очень красивое стихотворение, которое она ему посвятила, – удивительное, прямо как музыка. И только через много лет, когда наконец ее муж умер, они с отцом поженились. Это произошло в тысяча восемьсот восемьдесят втором году, и жилось ей тогда хорошо.

Многое еще рассказала ему Саксон, уже стоя у калитки, и потом уверяла себя, что на этот раз его прощальный поцелуй был более долгим, чем обычно.

– В девять часов не рано? – окликнул ее Билл через калитку. – Ни о завтраке, ни о чем не хлопчите. Я все это устрою. Будьте только готовы ровно в девять.

Глава девятая

В воскресенье утром Саксон оказалась готовой даже раньше девяти, и когда она вернулась из кухни, куда бегала уже второй раз, чтобы посмотреть в окно, не подъехал ли экипаж, Сара, как обычно, на нее накинулась.

– Стыд и срам! Некоторые особы не могут жить без шелковых чулок... – начала она. – Посмотрите на меня, я день и ночь гну спину, а разве у меня когда-нибудь были шелковые чулки да по три пары туфель? Но я одно говорю: Бог справедлив, и некоторые люди не обрадуются, когда придет расплата и они получают по заслугам.

Том, который в это время покурил трубку и держал на коленях своего младшего сына, незаметно подмигнул Саксон, что, мол, на Сару опять «наехало». А Саксон тщательно перевязывала лентой волосы одной из девочек и казалась всецело погруженной в свое занятие. Сара грузно шлепала по кухне, перемывая и убирая посуду после завтрака. Наконец она, охнув, выпрямила спину и, отойдя от раковины, с новым приливом злобы уставилась на Саксон.

– Что? Небось молчишь? А почему молчишь? Потому что еще, должно быть, не совсем стыд потеряла. Хороша! С боксером спуталась! Слышала, слышала я кое-что насчет твоих походов с этим Робертсом. Тоже гусь! Да подожди, голубушка, дай только Чарли Лонгу до него добраться! Тогда увидишь!

– Ну, не знаю, – вмешался Том. – По всему, что я слышал, Билл Робертс очень хороший парень.

Саксон снисходительно улыбнулась, но Сара, перехватив эту улыбку, окончательно рассвирепела.

– Почему бы тебе не выйти за Чарли Лонга? Он об тебе с ума сходит, не пьяница...

– Насколько мне известно, он пьет гораздо больше, чем следует, – возразила Саксон.

– Это-то верно, – подтвердил брат. – А кроме того, я знаю, что он и дома держит бочонок пива.

– Может, ты сам к нему прикладывался? – съязвила Сара.

– Может, и прикладывался, – спокойно ответил Том, невольно отерев рот рукой.

– А почему бы ему и не держать у себя бочонка, коли ему хочется? – вновь перешла она в наступление, направленное теперь и на мужа. – Он чужого не берет, зарабатывает хорошо, во всяком случае, побольше, чем иные прочие.

– Да, но у него нет на руках жены и ребят, – сказал Том.

– И он не платит дурацких взносов во всякие там союзы.

– Ошибаешься. Взносы и он платит, – невозмутимо возразил Том. – Черта с два он работал бы на этом предприятии, да и на любом в Окленде, если бы не был в ладах с союзом кузнецов. Ты ведь, Сара, ничего не понимаешь насчет профсоюзных дел. Коли человек не хочет умереть с голоду, он должен держаться за союз.

– Ну еще бы, – презрительно фыркнула Сара. – Я всегда ничего не понимаю! Где уж мне! Я дура набитая! И ты мне это говоришь при детях?! – Она с бешенством обернулась к старшему мальчику, который вздрогнул и отскочил. – Слышишь, Билли? Оказывается, твоя мать дура! Понимаешь? Твой отец это ей заявляет в лицо, и при вас – детях! Она круглая дура! Скоро он скажет, что она спятила, и отправит ее в сумасшедший дом. А что ты на это скажешь, Билли? Тебе понравится, если твоя мать будет сидеть взаперти, в халате, в отделении для буйных, без солнца, без света, и ее будут бить, как били негров, когда они были рабами, Билли, как настоящих черномазых негров? Вот какой у тебя папаша! Подумай об этом, Билли! Представь себе свою мать, которая тебя родила, в буйном отделении, среди сумасшедших! Они воют и вопят, а кругом валяются залитые известью трупы тех, кого эти звери сторожа били так, что забили до смерти!..

Она продолжала неумолимо рисовать в самых мрачных красках то ужасное будущее, которое ей готовит ее супруг, а мальчик, охваченный смутным предчувствием какой-то непонятной катастрофы, начал беззвучно плакать, и его нижняя губа судорожно вздрагивала.

Саксон наконец вышла из себя.

– Ради Бога! – вспыхнула она. – Пяти минут мы не можем пробыть вместе, чтобы не ссориться!

Сара тут же забыла о сумасшедшем доме и опять набросилась на Саксон:

– Это кто же ссорится? Я рта не могу раскрыть, вы оба тут же на меня накидываетесь!

Саксон в отчаянии пожала плечами, а Сара повела новую атаку на мужа:

– Уж если сестра тебе дороже жены, так зачем же ты на мне женился? Я тебе детей народила, я работала на тебя, как каторжница, я все руки себе отмотала! Ты и спасибо не скажешь... при детях оскорбляешь меня, кричишь, что я сумасшедшая! А ты для меня хоть что-нибудь сделал? Ты вот что скажи! Я на тебя и стряпала, и твоё вонючее белье стирала, и носки чинила, и ночи не спала с твоими шенками, когда они болели! А вот на – посмотри! – И она высунула из-под юбки бесформенную распухшую ногу, обутую в стоптанный, нечищенный потрескавшийся башмак. – На это посмотри! Вот я про что говорю! Полюбуйся! – Ее крик постепенно переходил в хриплый визг. – А ведь других башмаков у меня нет! У твоей жены! И тебе не стыдно? Уж трех пар ты у меня не найдешь! А чулки? Видишь?..

Вдруг голос ее оборвался, и она рухнула на стул у стола, задыхаясь от нестерпимой обиды и злобы; но тут же опять поднялась, деревянным угловатым движением, как автомат, налила себе чашку остывшего кофе и таким же деревянным движением снова села. Она вылила на блюдце подернутую жиром, противную жидкость, – словно кофе был горяч и мог обжечь ей рот, – и продолжала бессмысленно смотреть перед собой, а грудь ее приподнималась судорожными, короткими вздохами.

– Ну, Сара, успокойся! Пожалуйста, успокойся! – тревожно упрасивал ее Том.

Вместо ответа она медленно, осторожно, словно от этого зависела судьба целого государства, опрокинула блюдечко на стол, – затем подняла правую руку, медленно, тяжело, и так же неторопливо и тяжело ударила Тома ладонью по щеке и тут же истерически завывала – пронзительно, хрипло, все на тех же нотах, как одержимая, – села на пол и принялась раскачиваться взад и вперед, словно в порыве безысходного горя.

Тихие всхлипывания Билли перешли в громкий плач; к нему присоединились обе девочки с новыми лентами в волосах.

Лицо Тома вытянулось и побледнело, хотя щека его все еще пылала. Саксон очень хотелось ласково обнять его и утешить, но она не решилась.

Он наклонился над женой:

– Сара, ты нездорова. Дай я уложу тебя в постель, а тут уж сам приберу.

– Не трогай! Не трогай меня! – судорожно завопила она, вырываясь.

– Уведи детей во двор, Том, и погуляй с ними, во всяком случае, уведи их отсюда, – сказала Саксон; сердце ее сжималось, она была бледна и дрожала. – Иди, иди, Том, пожалуйста! Вот твоя шляпа. Я успокою ее. Я знаю, что ей нужно.

Оставшись одна, Саксон с судорожной поспешностью принялась за дело. Всеми силами старалась она казаться спокойной, чтобы успокоить эту раскричавшуюся, обезумевшую женщину, все еще бившуюся на полу. Тонкие дощатые стены дома пропускали малейший звук, и Саксон догадывалась, что шум скандала слышен не только в соседних домах, но и на улице и даже на той стороне. Больше всего она боялась, чтобы именно в эту минуту не появился Билл. Саксон чувствовала себя униженной, оскорбленной до глубины души. Каждый ее нерв трепетал, вид Сары вызывал в ней почти физическую тошноту, и все же она не теряла самообладания и медленным, успокаивающим движением гладила волосы кричавшей женщины, затем обняла

ее – и постепенно ужасный, пронзительный визг Сары стал затихать. Еще несколько минут – и та уже лежала на постели, судорожно всхлипывая, с мокрым полотенцем на голове и на глазах.

– Это облегчит головную боль, – сказала Саксон.

Когда на улице раздался топот копыт и затих перед домом, Саксон уже могла оставить Сару и, выскочив на крыльцо, помахала рукой Биллу. В кухне она увидела брата, тревожно ожидавшего дальнейших событий.

– Все в порядке, – сказала она. – За мной приехал Билл Робертс, и мне надо уходить. А ты поди посиди с ней; может, она заснет. Но только не раздражай ее, пусть себе куражится. Если она позволит тебе подержать ее руку, поддержи; во всяком случае – попробуй. Но прежде всего, ничего не говоря, намочи опять полотенце, положи ей на голову и посмотри, как она к этому отнесется.

Том был человек мягкий и покладистый. Но, как большинство жителей Запада, он не привык и не умел выражать свои чувства. Он кивнул, повернулся к двери и нерешительно остановился. Во взгляде, который он бросил на Саксон, была и благодарность и братская любовь. Она это почувствовала и так и потянулась к нему.

– Ничего, ничего, все хорошо! – поспешила она его успокоить.

Том отрицательно покачал головой:

– Нет, не хорошо! Стыдно, гадко, а не хорошо! – Он повел плечами. – Мне не за себя, а за тебя горько... Ведь ты, сестренка, только начинаешь жить. Молодые годы пройдут так быстро, что и опомниться не успеешь. Вот у тебя уже и день испорчен. Постарайся как можно скорее забыть все это, удирай отсюда со своим приятелем и хорошенько повеселись. – Уже взявшись за дверную ручку, он опять остановился. Лицо его было мрачно. – Черт! Подумать только! Ведь и мы с Сарой когда-то уезжали кататься на целый день! И у нее, наверно, тоже было три пары туфель! Даже не верится!

В своей комнате Саксон, кончая одеваться, влезла на стул, чтобы посмотреть в маленькое настенное зеркальце, как на ней сидит полотняная юбка; эту юбку и жакетку она купила готовыми, сама переделала и даже прострочила двойные швы, чтобы придать костюму такой вид, словно он от портного. Все еще стоя на стуле, она уверенным движением поправила складки и подтянула юбку. Нет, теперь все хорошо. Понравилась ей и ее стройные лодыжки над открытыми кожаными туфлями и мягкие, но сильные линии икр, обтянутых новенькими бумажными коричневыми чулками.

Соскочив со стула, она надела, приколов шляпной булавкой, плоскую белую соломенную шляпу с коричневой лентой, под цвет кушака, потом свирепо растерла себе щеки, чтобы вернуть тот румянец, который исчез из-за истории с Сарой, и задержалась еще на минуту, натягивая свои нитяные перчатки: в модном отделе воскресного приложения к газете она прочла, что ни одна уважающая себя дама не надевает перчаток на улице.

Решительно встряхнувшись, она прошла через гостиную, мимо Сариной спальни, откуда сквозь тонкую перегородку доносились тяжелые вздохи и жалобные всхлипывания, и вынуждена была сделать огромное усилие, чтобы щеки ее опять не побледнели и блеск в глазах не померк. И это ей удалось. Глядя на сияющее, жизнерадостное молодое создание, так легко сбегавшее к нему с крыльца, Билл никогда бы не поверил, что девушка сейчас только выдержала мучительную сцену с полубезумной истеричкой. Она же была поражена его освещенной солнцем белокурой красотой. Щеки с гладкой, как у девушки, кожей были чуть тронуты легким румянцем; синева глаз была темнее обычного, а короткие кудрявые волосы больше чем когда-либо напоминали бледное золото. Никогда он не казался ей таким царственно-юным. Здороваясь, он ей улыбнулся, между алыми губами медленно сверкнула белизна зубов, – и она опять почувствовала в этой улыбке обещание покоя и отдыха. Саксон еще находилась под впечатлением полубезумных выкриков невестки, и несокрушимое спокойствие Билла подействовало на

нее особенно благотворно; она невольно рассмеялась про себя, вспомнив его уверения, будто бы у него бешеный нрав.

Ей и прежде приходилось кататься, но всегда в одноконном тяжелом, неуклюжем экипаже, нанятом на извозничьем дворе и рассчитанном главным образом на прочность. А тут она увидела пару красивых лошадок, которые помахивали головами и от нетерпения едва стояли на месте, и каждый золотистый блик на их гнедых шелковистых спинах как бы говорил о том, что они за всю свою молодую и славную жизнь никогда еще не отдавались внаймы. Их разделяло до смешного тонкое дышло, и вся их сбруя казалась легкой и хрупкой. А Билл, точно по праву, как будто являясь главной и неотъемлемой частью всей этой упряжки, сидел в узкой, изящной, до блеска начищенной коляске на резиновом ходу с высокими желтыми колесами, – такой сильный и ловкий, такой бесконечно не похожий на молодых людей, которые возили ее кататься на старых, нескладных клячах. Он держал вожжи в одной руке и уговаривал молодых нервных лошадок своим негромким спокойным голосом, в котором были и ласка и твердость; и они подчинялись его воле и внутренней силе.

Однако времени терять было нечего. Зорким женским взглядом Саксон окинула улицу, и женское чутье не обмануло ее: она увидела, что со всех сторон сбежалась не только любопытная детвора – из окон и дверей высовывались лица взрослых, открывались ставни, откидывались занавески. Свободной рукой Билл отстегнул фартук и помог ей сесть рядом с ним. Роскошное, на пружинах, сиденье с высокой спинкой, обитое темной кожей, оказалось чрезвычайно удобным; но еще приятнее была близость ее спутника, его сильного тела, полного спокойной уверенности.

– Ну как – нравятся они вам? – спросил он, забирая вожжи в обе руки и пуская лошадей, которые сразу стремительно взяли с места. – Это ведь хозяйские. Таких не наймешь. Он мне дает их иногда для проездки. Если их время от времени не объезжать, так потом и не справишься. Посмотрите на Короля, вон того, – видите, какой аллюр! Шикарный! Да? Но другой все-таки лучше. Его зовут Принц. Пришлось его взять на мундштук, а то не удержишь. Ах ты! Озоруешь? Видели, Саксон? Вот это лошади! Это лошади!

Им вслед понеслись восторженные возгласы соседских ребят, и Саксон с глубоким и радостным вздохом подумала, что ее счастливый день наконец начался.

Глава десятая

– Я ничего не понимаю в лошадях, – сказала Саксон. – Ни разу в жизни не ездила верхом, а если и приходилось править, то всегда какими-то хромыми клячами, которые едва ноги переставляют. Но я лошадей не боюсь. Я их ужасно люблю, – по-моему, это у меня врожденное.

Билл бросил на нее довольный и восхищенный взгляд.

– Это хорошо. Вот это я в женщине люблю – смелость! Мне случалось катать таких девушек, что, поверьте, тошно становилось. Ах, как они меня сердили! Нервничают, дрожат, пищат, трясутся!.. Верно, они и ездили-то не ради катанья, а из-за меня. А мне нравится девушка, которая любит лошадей и не боится... Вот вы такая, Саксон, даю слово. С вами я могу болтать без конца. А с другими – тощица. Молчу, словно в рот воды набрал. Они ничего не знают и не понимают, все время трусят... Ну, мне кажется, вы понимаете, что я имею в виду...

– Я думаю, – сказала она, – что любовь к лошадям – это врожденное. Может, мне так кажется оттого, что я постоянно вспоминаю об отце, как он сидел на своей чалой лошади. Ну в общем, я их люблю. Когда я была ребенком, я постоянно рисовала их. И мать меня в этом поощряла. У меня сохранилась целая тетрадка таких рисунков. И знаете, Билли, я очень часто вижу во сне, что у меня есть лошадь, моя собственная. А сколько раз я видела, что еду верхом или правлю!

– Я вам дам править немного погодя, когда они успокоятся; теперь вы их не удержите. Возьмитесь-ка за вожжи впереди меня и держите крепче. Чувствуете? Конечно, чувствуете! И это еще что! Я боюсь пустить вас править – уж очень в вас мало весу.

Ее глаза засияли, когда она ощутила в тугих, напряженных вожжах живую силу прекрасных животных, и Билл, глядя на нее, тоже сиял, разделяя ее восхищение.

– Какой толк в женщине, если она не может быть для мужчины товарищем? – воскликнул он.

– Нам всегда лучше всего с теми, кто любит то же, что и мы, – рассудительно откликнулась она, втайне радуясь тому, что между ними действительно так много общего.

– Знаете, Саксон, сколько раз мне приходилось драться добросовестно, не щадя себя, чтобы победить, перед толпой зрителей – спившихся, прокуренных насквозь, еле живых мозгляков! От одного их вида меня тошнило! И эта мразь, которая не вынесла бы и одного удара в подбородок или под ложечку, подстрекала меня и требовала крови. Заметьте – крови, – а у самих и рыбьей-то нет в жилах! Даю слово, я предпочел бы выйти в бой перед одним зрителем, – хотя бы перед вами, – только пусть это будет кто-нибудь, кто мне приятен. Тогда бы я гордился. Но драться перед этими слабоумными болванами, перед этими слизняками, и чтобы они аплодировали мне? *Мне?*.. Неужели вы осудите меня за то, что я покончил с этим грязным делом? Да я бы охотнее выступал перед старыми заезженными клячами, которым место только на свалке, чем перед этой мразью, ведь у нее и в жилах-то не кровь, а мутная вода с Контра-Косты в пору дождей.

– Я... я не думала, что бокс... такая вещь, – сказала Саксон упавшим голосом и, невольно выпустив вожжи, опять откинулась на спинку сиденья.

– Не бокс, а публика, которая на него смотрит, – вдруг возразил он ревниво. – Конечно, бокс может повредить здоровью молодого человека, постепенно отнять у него силы и прочее. Но меня больше всего возмущают эти болваны в публике. Даже их восторг и их похвала унижительны. Понимаете? Это меня роняет. Представьте себе, что этаким пьяный дохляк, который большой кошки боится и не достоин даже пальто подать порядочному человеку, становится на дыбы, орет и подзуживает меня – *меня!*.. Ха-ха! Посмотрите-ка, что он делает! Вот шельма!

Большой бульдог крадучись перебиравшийся через улицу, прошел слишком близко от Принца, и Принц вдруг оскалил зубы, опустил голову и натянул вожжи, стараясь схватить собаку.

– Вот он – настоящий храбрец, наш Принц, – сказал Билл, – и у него все естественно. Он старается куснуть собаку вовсе не потому, что какой-то бездельник его на пса натравил, – он поступает так по собственному побуждению. И это правильно. Это хорошо. Потому что естественно. Но на ринге, перед публикой – нет, Бог с ними, Саксон!..

И Саксон, поглядывавшая на него сбоку и наблюдавшая, как он уверенно правит лошадьми, проезжая в это воскресное утро по улицам, и как осадил их, когда им попались по пути два мальчика в детской повозке, – Саксон вдруг почувствовала в нем скрытые глубины и порывы, мощное и пленительное сочетание пылкого темперамента и затаенных страстей с далекой и суровой, как звезды, печалью; первобытной дикости, смелой, как у волка, и прекрасной, как у породистой лошади, с гневом карающего ангела и с какой-то неистощимой вневозрастной юностью, полной огня и жизни. Она была испугана и потрясена, по-женски рвалась к нему через все эти пропасти, ибо сердце ее и объятия жаждали его, и она невольно шептала, отзываясь на это чувство всеми струнами своей души: «Милый... милый!»

– И знаете, Саксон, – продолжал он прерванный разговор, – я иногда так их ненавижу, что мне хотелось перепрыгнуть через канаты, ворваться в эту толпу, надавать им по шее. Я бы им показал, что такое бокс! Был такой вечер, когда мы дрались с Биллом Мэрфи. Ах, если бы вы знали его! Это мой друг. Самый чудесный и веселый парень, когда-либо выходивший на ринг! Мы вместе учились в школе, вместе росли. Его победы были моими победами. Его неудачи – моими неудачами. Оба мы увлекались боксом. Нас выпускали друг против друга, и не раз. Дважды мы кончали вничью; потом раз победил он, другой раз – я. И вот мы вышли в пятый раз. Вы понимаете – в пятый раз должны бороться два человека, которые любят друг друга. Он на три года старше меня. У него есть жена и двое-трое ребят, я их тоже знаю. И он мой друг. Вы представляете себе?

Я на десять фунтов тяжелее его, но для тяжеловесов это не важно. Я лучше чувствую время и дистанцию. И лучше веду нападение. Но он сообразительнее и проворнее меня. Я никогда не отличался проворством. И оба мы одинаково работаем и левой и правой, и у обоих сильный удар. Я знаю его удары, а он мои, и мы друг друга уважаем. У нас равные шансы: две схватки вничью и по одной победе. У меня – говорю по чести – никакого предчувствия, кто победит, – словом, мы равны!

И вот... начинается бой... Вы не трусиха?

– Нет, нет! – воскликнула она. – Рассказывайте! Я хочу слушать! Вы такой удивительный!

Он как должное принял эту похвалу, не отводя от Саксон спокойных ясных глаз.

– И вот мы начали. Шесть раундов, семь, восемь; и ни у того, ни у другого нет перевеса. Отражая его выпады левой рукой, мне удалось дать ему короткий апперкот правой, но и он двинул меня в челюсть и по уху, да так сильно, что в голове зашумело и загудело. Словом, все шло великолепно, и казалось, дело кончится опять вничью. Матч ведь, как вы знаете, – двадцать раундов.

А потом случилось несчастье. Мы только что вошли в клинч, и он нацелился левым кулаком мне в лицо. Попади он в подбородок – я бы рухнул. Я наклонился вперед, но недостаточно быстро, и удар пришелся по скуле. Даю слово, Саксон, у меня от этого удара посыпались искры из глаз. Но все-таки это не могло мне повредить, потому что тут кости крепкие. А себя он этим погубил, он сильно зашиб себе большой палец, который разбил еще мальчишкой, когда боксировал на песках Уотс-Тракта. И вот этим пальцем он ударил меня по скуле, – а она у меня каменная, – вывихнул его и повредил опять те же мышцы, они уже не были такими крепкими. Но я не хотел этого. Это коварная уловка, хотя в состязаниях и допускается, а состоит она в том, что противник ушибает себе руку о вашу голову. Но не между друзьями. Я бы не сделал

этого по отношению к Биллу Мэрфи ни за какие деньги. Несчастье случилось только из-за моей медлительности, – да уж я такой родился.

Вы не знаете, Саксон, что такое ушиб! Это можно понять, только когда ударишься ушибленным местом. Что оставалось делать Биллу Мэрфи? Он уже не мог нападать, пользуясь обеими руками. И он знал это. И я знал. И судья. Но больше никто. И он старался делать вид, что его левая в полном порядке, – но ведь это было не так. Каждое прикосновение причиняло ему такую боль, точно в его тело вонзали нож. Он не мог нанести левой рукой ни одного стоящего удара. И все-таки ему было нестерпимо больно. Двигай не двигай – все равно больно. А тут каждый выпад левой, от которого я и не думал увертываться, так как знал, что ничего за ним нет, отдавался у него прямо в сердце и вызывал более мучительные страдания, чем тысячи болячек или самых увесистых ударов, – и с каждым разом все хуже и хуже.

Теперь представьте себе, что мы деремся с ним для забавы, где-нибудь во дворе, и он ушиб себе палец. Мы сняли бы перчатки, я мгновенно перевязал бы этот бедный палец и наложил на него холодный компресс, чтобы не было воспаления. Но нет! Это состязание для публики, которая заплатила деньги, чтобы видеть кровь, и она хочет ее увидеть! Разве это люди? Это волки!

Нечего и говорить, что ему уже было не до драки, да и я на него не наседаю. Со мной черт знает что творилось, и я не знал, как мне быть дальше. А в публике это заметили и кричат: «Кончай! Жульничество! Обман! Дай ему хорошенько! Держу за тебя, Билл Робертс!» – и тому подобный вздор.

«Бейся, – шепчет мне в бешенстве судья, – а то я объявлю, что ты бьешься нечестно, и дисквалифицирую тебя. Слышишь ты, Билл?» Он сказал мне это и еще ткнул в плечо, чтобы я понял, кого он имеет в виду.

Разве это хорошо? Разве это честно? А знаете, из-за чего мы боролись? Из-за ста долларов. Подумайте только! И нужно было довести борьбу до конца и сделать все, чтобы погубить своего друга, потому что публика на нас ставила! Мило, не правда ли? Ну, это и был мой последний матч, навсегда! Хватит с меня!

«Выходи из игры, – шепнул я Мэрфи во время клинча, – ради Бога, выходи!» А он шепнул мне в ответ: «Не могу, Билл, ты знаешь, что не могу».

Тут судья нас растащил, и публика начала орать и свистать.

«Ну-ка, черт тебя возьми, наддай, Билл Робертс, прикончи его», – говорит мне судья. А я посылаю его к дьяволу, и опять мы с Мэрфи входим в клинч, и он опять ушибает палец, и я вижу – лицо у него скривилось от боли. Спорт? Игра? Да разве это спорт? Видишь муку в глазах того, кого любишь, знаешь, что он любит тебя, и все-таки причиняешь ему боль! Я не мог этого вынести. Но публика поставила на нас свои деньги! А мы сами не в счет. Мы продали себя за сто долларов, и теперь хочешь не хочешь, а доводи дело до конца.

Честное слово, Саксон, мне тогда хотелось нырнуть под канат, избить этих крикунов, которые требовали крови, и показать им, что такое кровь.

«Ради Бога, Билл, – просит он меня во время клинча, – кончай со мной. Я не могу сдаться сам...»

И знаете что – я там же, на ринге, во время клинча заплакал. «Не могу, Билл», – говорю, – и обнял его, как брата. А судья рычит и расталкивает нас, публика ревет: «Наддай! Бей его! Кончай! Чего ты смотришь? Дай ему в зубы, свали его!»

«Ты должен, Билл, не поступай по-свински», – просит Мэрфи и так ласково глядит мне в глаза, а судья опять растаскивает нас.

А волки все воют: «Жулье! Жулье! Обман!» – и не хотят успокоиться.

Ну что же, я выполнил их требование. Мне ничего другого не оставалось. Я сделал ложный выпад. Он выбросил левую руку, я быстро отклонился вправо, подставил плечо и нанес ему удар справа в челюсть. Он знал этот трюк. Сотни раз он пользовался им сам и защищался

от него плечом. Но теперь он не защищался. Он открылся для удара. Что ж, это был конец. Мой друг повалился на бок, проехал лицом по просмоленному холсту и замер, подогнув голову, будто у него шея сломана. И я – я сделал это ради ста долларов и ради людей, которые плевка моего не стоят! Потом я схватил Мэрфи на руки, унес его и помог привести в чувство. Все эти мозгляки были довольны: они же заплатили свой денежки и видели кровь, видели нокаут! А человек, которого они мизинца не стоят и которого я любил, лежал на матах без чувств, с разбитым лицом...

Билл замолчал, глядя прямо перед собой, на лошадей. Лицо его было сурово и гневно. Затем он вздохнул, посмотрел на Саксон и улыбнулся.

– С тех пор я больше не выступаю. Мэрф смеется надо мной. Он продолжает участвовать в матчах, но так, между прочим. У него хорошая специальность. А время от времени, когда нужны деньги – крышу покрасить, либо на врача, либо старшему мальчику на велосипед, – Мэрфи выступает в клубах за сотню или полсотни долларов. Я хочу, чтобы вы познакомились, когда это будет удобно. Он, как я вам уже говорил, золото-парень. Но от всей этой истории мне было в тот вечер очень тяжело.

Снова лицо Билла стало жестким и гневным, и Саксон бессознательно сделала то, что женщины, стоящие выше ее на социальной лестнице, делают с притворной непосредственностью: она положила руку на его руку и крепко ее сжала. Наградой была улыбка его глаз и губ, когда он повернулся к ней.

– Чудно! – воскликнул он. – Никогда я ни с кем так много не болтал. Я всегда больше молчу и берегу свои мысли про себя. Но к вам у меня другое отношение – мне почему-то хочется, чтобы вы меня знали и понимали; вот я и делюсь с вами своими мыслями. Танцевать-то может всякий.

Они ехали городскими улицами, миновали ратушу, Четырнадцатую улицу с ее небоскребами и через Бродвей направились к Маунтэн-Вью. Повернув от кладбища направо, они выехали через Пьемонтские холмы к Блэр-парку и углубились в прохладную лесную глушь Джэкхейского ущелья. Саксон не скрывала своего удовольствия и восхищения: лошади мчали их с такой быстротой.

– Какие красавцы! – сказала она. – Мне никогда и не снилось, что я буду кататься на таких лошадях. Боюсь вот-вот проснуться, и все окажется только сном. Я уже говорила вам, как я люблю лошадей. Кажется, отдала бы все на свете, чтобы иметь когда-нибудь собственную лошадь.

– А ведь странно, правда, – отвечал Билл, – что я люблю лошадей именно вот так? Хозяин уверяет, что у меня на лошадей особый нюх. Сам он болван, ни черта в них не смыслит. Между тем у него, кроме вот этой пары выездных, двести огромных тяжеловозов, а у меня ни одной лошади.

– Но ведь лошадь создал Господь Бог, – сказала Саксон.

– Да уж, конечно, не мой хозяин. Так почему же у него их столько? Двести голов, говорю вам! Уверяет, будто он завзятый лошадиник. А я даю слово, Саксон, что все это вранье; вот мне дорога последняя облезлая лошадевка в его конюшне. И все-таки лошади принадлежат ему! Разве это не возмутительно?

Саксон сочувственно засмеялась:

– Еще бы! Я вот, например, ужасно люблю нарядные блузки и целые дни занимаюсь разглаживанием самых очаровательных, какие только можно себе представить, – но блузки-то чужие! И смешно – и несправедливо!

Билл стиснул зубы в новом приступе гнева.

– А какими путями иные женщины добывают эти блузки? Меня зло берет, что вы должны стоять и гладить их. Вы понимаете, что я имею в виду, Саксон. Нечего играть в прятки. Вы знаете. И я знаю. И все знают. А свет устроен так по-дурацки, что мужчины иногда не решаются

говорить об этом с женщинами. – Тон у него был смущенный, но в то же время чувствовалось, что он уверен в своей правоте. – С другими девушками я таких вопросов даже не касаюсь: сейчас вообразят, что это неспроста и я чего-то от них хочу добиться. Даже противно, до чего они везде ищут нехорошее. Но вы не такая. С вами я могу говорить обо всем. Я знаю. Вы – как Билл Мэрфи, – словом, как мужчина!

Она вздохнула от избытка счастья и невольно бросила на него сияющий любовью взгляд.

– И я чувствую то же самое, – сказала она. – Я никогда не решилась бы говорить о таких вещах со знакомыми молодыми людьми, они сейчас же этим воспользовались бы. Когда я с ними, мне кажется, что мы друг другу лжем, обманываем, ну... морочим друг друга, как на маскараде. – Она нерешительно помолчала, потом заговорила опять, тихо и доверчиво: – Я ведь не закрывала глаза на жизнь. Я многое видела и слышала; и меня мучили искушения, когда прачечная, бывало, надоест до того, что, кажется, готова на все пойти. И у меня могли бы быть нарядные блузки и все прочее... может быть, даже верховая лошадь. Был тут один кассир из банка... и заметьте, женатый. Так он прямо предложил мне... Ведь не церемониться же со мной! Он же не считал меня порядочной девушкой, с какими-то чувствами, естественными для девушки, а так – ничтожеством. Разговор между нами был чисто деловой. Тут я узнала, каковы мужчины. Он объяснил мне точно, что он для меня сделает. Он...

Голос ее печально замер, и она слышала, как в наступившей тишине Билл заскрипел зубами.

– Можете не рассказывать! – воскликнул он. – Я знаю. Жизнь грязна, несправедлива, отвратительна! Неужели люди могут так жить? В этом же нет никакого смысла. Женщин – славных, хороших женщин – продают и покупают, как лошадей. И я не понимаю женщин. Но не понимаю и мужчин. Если мужчина покупает женщину, она его, конечно, надует. Это же смешно. Возьмите хотя бы моего хозяина с его лошадьми. У него ведь есть и женщины. Он может, пожалуй, купить и вас, потому что даст хорошую цену. Ах, Саксон, вам, конечно, очень пристали нарядные блузки и всякая мишура, но, даю слово, я не могу допустить и мысли, чтобы вы платили за них такой ценой. Это было бы просто преступлением...

Он вдруг смолк и натянул вожжи. За крутым поворотом дороги показался мчавшийся автомобиль. Шофер резко затормозил машину, и сидевшие в ней пассажиры с любопытством уставились на молодого человека и девушку, легкий экипаж которых мешал им проехать. Билл поднял руку.

– Объезжайте нас с наружной стороны, приятель, – сказал он шоферу.

– И не подумаю, милейший, – отвечал тот, смерив опытным взглядом осыпающийся край дороги и крутизну склона.

– Тогда будем стоять, – весело заявил Билл. – Я правила езды знаю. Эти кони никогда не видели машины, и если вы воображаете, что я позволю им понести и опрокинуть коляску на крутизне, жестоко ошибаетесь.

Сидевшие в автомобиле шумно и возмущенно запротестовали.

– Не будь нахалом, хоть ты и деревенщина, – сказал шофер, – ничего с твоими лошадьми не случится. Освободи место, и мы проедем. А если ты не...

– Это сделаешь ты, приятель, – ответил Билл. – Разве так разговаривают с товарищем? Со мной спорить бесполезно. Поезжайте-ка обратно вверх по дороге, и все. Доедете до широкого места, и мы прокатим мимо вас. Как же быть, раз влипли? Давай задний ход.

Посоветовавшись с пассажирами, которые начинали нервничать, шофер наконец послушался, дал задний ход, и вскоре машина исчезла за поворотом.

– Вот прохвосты! – засмеялся Билл, обращаясь к Саксон. – Если у них есть автомобиль да несколько галлонов бензина, так они уже воображают себя хозяевами всех дорог, которые проложили мои и ваши предки.

– Что ж, до вечера, что ли, будем канителиться? – раздался голос шофера из-за поворота. – Трогайте. Вы можете проехать.

– Заткнись! – презрительно отвечал Билл. – Проеду, когда надо будет. А если вы мне не оставили достаточно места, так я перееду и тебя и твоихдохлых франтов.

Он слегка шевельнул вожжами, и мотавшие головой, неутомимые кони без всякого понукания, легко взяли крутой склон и объехали машину, стоявшую с включенным мотором.

– Так на чем мы остановились? – снова начал Билл, когда перед ними опять потянулась пустынная дорога. – Да взять хотя бы моего хозяина. Почему у него могут быть двести лошадей, сколько хочешь женщин и все прочие блага, а у нас с вами ничего?

– У вас красота и здоровье, Билли, – сказала Саксон мягко.

– И у вас тоже. Но мы этот товар продаем, точно материю за прилавком – по столько-то за метр. Вы и сами знаете, что сделает из вас прачечная через несколько лет. А посмотрите на меня! Я каждый день продаю понемногу свою силу. Поглядите на мой мизинец. – Он переложил вожжи в одну руку и показал ей другую. – Я не могу его разогнуть, как другие пальцы, и я владею им все хуже и хуже. И вывихнул я его не во время бокса— это от моей работы. Я продал свою силу за прилавком. Видали вы когда-нибудь руки старого возчика, правившего четверкой? Они точно когти – такие же скрюченные и искривленные.

– В старину, когда наши предки шли через прерии, все было по-другому, – заметила Саксон. – Правда, они, наверно, тоже калечили себе руки работой, но зато ни в чем не чувствовали недостатка – и лошади у них были и все.

– Конечно. Ведь они работали на себя. И руки калечили ради себя. А я калечу ради хозяина. Знаете, Саксон, у него руки мягкие, как у женщины, которая никогда не знала труда. А ведь у него есть и лошади и конюшни, но он палец о палец не ударит. Я же с трудом выколачиваю деньги на харчи да на одежду. И меня возмущает: почему все так устроено на свете? И кто так устроил? – вот что я хотел бы знать. Ну хорошо, теперь другие времена. А кто сделал, что они стали другие?

– Да уж, конечно, не Бог.

– Голову готов дать на отсечение, что не он! И это тоже меня очень занимает: существует он вообще где-нибудь? И если он правит миром, – а на что он нужен, если не правит, – то почему он допускает, чтобы мой хозяин или такие вот люди, как этот ваш кассир, имели лошадей и покупали женщин – милых девушек, которым бы только любить своих мужей да рожать ребят, и не стыдиться их, и быть счастливыми, как им хочется?..

Глава одиннадцатая

Лошади, хотя Билл и давал им часто передохнуть, были все в мыле после подъема по крутой старой дороге, ведущей в долину Мораги; перевалив через холмы Контра-Коста, экипаж стал по такому же крутому склону спускаться в зеленое, тихое, освещенное солнцем Редвудское ущелье.

– Ну, разве не здорово? – спросил Билл, указывая широким жестом на группы деревьев, под которыми журчала невидимая вода, и на гудящих пчел.

– Мне здесь ужасно нравится, – подтвердила Саксон. – Так и тянет пожить в деревне, а ведь я всю жизнь провела в городе.

– Я тоже, Саксон, никогда не жил в деревне, хотя все мои предки всю жизнь провели в деревне.

– А ведь в старину не было городов. Все жили в деревне.

– Вы, пожалуй, правы, – кивнул Билл. – Им поневоле приходилось жить в деревне.

У легкого экипажа не было тормозов, и Билл все свое внимание обратил теперь на лошадей, сдерживая их при спуске по крутой извилистой дороге. Саксон закрыла глаза и откинулась на спинку сиденья, отдаваясь чувству невыразимо блаженного отдыха. Время от времени он поглядывал на ее лицо и закрытые глаза.

– Что с вами? – спросил он наконец с ласковой тревогой. – Нездоровится?

– Нет, – ответила она, – но все так хорошо, что я боюсь глаза открыть. Хорошо до боли. Все такое честное...

– Честное? Вот чудно!

– А разве нет? По крайней мере мне так кажется – честное! А в городе дома, и улицы, и все – нечестное, фальшивое. Здесь совсем другое. Я не знаю, почему я сказала это слово. Но оно подходит.

– А ведь вы правы! – воскликнул он. – Теперь я и сам вижу, когда вы сказали. Здесь нет ни притворства, ни жульничества, ни лжи, ни надувательства. Деревья стоят, как выросли, – чистые, сильные, точно юноши, когда они первый раз вышли на ринг и еще не знают всех его подлостей, тайных нечестных сговоров, интриг и уловок в пользу тех, кто поставил больше денег для обмана публики. Да, тут действительно все честно. И вы все это понимаете, верно, Саксон?

Он смолк, задумался, долго изучал ее мягким, ласкающим взглядом, и этот взгляд вызвал в ней сладкий трепет.

– Знаете, мне очень хотелось бы как-нибудь драться при вас, только чтобы встреча была серьезная, когда надо каждое мгновение быть начеку. Я бы до смерти гордился этим. И если бы я знал, что вы смотрите на меня, я бы наверняка победил; это было бы честное состязание, ручаюсь вам. И вот что занятно: за всю мою жизнь мне еще ни разу не хотелось драться на глазах у женщин. Визжат, пищат и ничего не понимают. Но вы бы поняли. Спорю на что угодно, все бы поняли.

Немного спустя, когда они ехали крупной рысью мимо расположенных в долине мелких фермерских участков с золотившимися на солнце зрелыми колосьями, Билл снова обратился к Саксон:

– Слушайте, вы, наверно, уж не раз были влюблены? Расскажите-ка. Что это такое – любовь?

Она медленно покачала головой:

– Я только воображала, что влюблена, да и то не часто это было...

– Значит, все-таки бывало? – воскликнул он.

– В сущности, ни разу, – успокоила она его, втайне радуясь его бессознательной ревности. – А по-настоящему я никогда не была влюблена. Иначе я была бы уже замужем. Когда любишь человека, по-моему, единственное, что остается, – это выйти за него.

– А если он вас не любит – тогда что?

– Ну, не знаю, – отвечала она с улыбкой, шутливой и вместе с тем гордой. – Мне кажется, я заставила бы его полюбить меня.

– Уверен, что заставили бы! – пылко откликнулся Билл.

– Беда в том, – продолжала она, – что тем мужчинам, которые в меня влюблялись, я никогда не отвечала взаимностью... О, посмотрите!

Дорогу перебежал дикий кролик, оставив за собой легкое облачко пыли, которое тянулось по его следу, как дымок. На следующем повороте из-под самых лошадиных копыт выпорхнула стайка перепелок. Билл и Саксон невольно вскрикнули от восхищения.

– Эх, жалко, что я не родился фермером! Люди не затем были созданы, чтобы жить в городах.

– Во всяком случае, не такие, как мы, – прибавила она с глубоким вздохом и, помолчав, продолжала: – Здесь все так прекрасно! Прожить всю жизнь среди природы— это похоже на блаженный сон. Иногда я жалею, что не родилась индианкой.

Билл несколько раз пытался что-то сказать, но, видимо, удерживался.

– А насчет этих молодых людей, в которых, вам казалось, что вы влюблены, – начал он наконец, – вы так и не договорили...

– Вам непременно хочется знать? – спросила она. – Право, они того не стоят.

– Конечно, я хочу знать. Ну же! Валяйте!

– Первым был некий Ол Стэнли...

– Чем он занимался? – строго спросил Билл, точно имел право задавать ей такие вопросы.

– Он был игрок.

Лицо Билла сразу помрачнело, глаза затуманились, и в его быстро брошенном на нее взгляде Саксон прочла внезапное сомнение.

– О, это не так страшно, – засмеялась она. – Мне было всего восемь лет. Видите, я начинаю с самого начала. Я его встретила вскоре после смерти моей матери, когда меня взял на воспитание некто Кэди. Этот Кэди содержал гостиницу и бар в Лос-Анжелосе. Гостиница была маленькая; в ней останавливались главным образом рабочие, даже чернорабочие, а также железнодорожные служащие, и, как я теперь думаю, Ол Стэнли клал себе в карман немалую часть их заработка. Он был такой красивый, тихий; голос ласковый, чудесные глаза и такие мягкие, чистые руки. Как сейчас вижу их. После обеда он иногда играл со мной, угощал конфетами и делал маленькие подарки. Большую часть дня он спал. Я тогда не понимала – почему. Мне казалось, что это переодетый волшебный принц. Его убили тут же в баре, но перед тем он успел убить того, кто нанес ему смертельную рану. Так и кончилась моя первая любовь.

Потом я влюбилась, когда мне минуло тринадцать и я после приюта жила у брата, – я и до сих пор у него живу. Мой герой был мальчишка-булочник, он развозил булки. Почти каждое утро, идя в школу, я встречала его. Он ехал вниз по Вуд-стрит, затем сворачивал на Двенадцатую. Может быть, меня привлекло к нему то, что он правил лошадь. Во всяком случае, я любила его месяца два; но он лишился места или с ним еще что-то случилось, и хлеб стал развозить другой подросток. Так мы и слова не сказали друг другу.

Потом, уже в шестнадцать, появился бухгалтер. Мне везет на бухгалтеров! Ведь это бухгалтера нашей прачечной избил Чарли Лонг, когда, приревновал меня. А с тем я познакомилась, когда работала у Хикмейера на консервном заводе. У него тоже были нежные руки! Но он скоро мне опротивел. Он был... как бы сказать... ну... из того же теста, что и ваш хозяин. И я никогда по-настоящему не любила его, честное слово, Билли. Я сразу почувствовала, что в нем что-то не так. А когда я работала на фабрике картонных коробок, мне показалось, что я полю-

била приказчика из «Эмпориума» Кана, – знаете, на Одиннадцатой и на Вашингтон-стрит. Этот был такой приличный. Прямо горе было с ним. Слишком приличный! Никакого огонька, никакой жизни. Он хотел на мне жениться. Но это меня ничуть не соблазняло. Ясно, что я его не любила. Такой узкогрудый, тощий, руки всегда холодные, потные. А уж зато одет – прямо картинка! Он уверял, что утопится и все такое, однако я порвала с ним.

А потом... потом ничего больше и не было. Наверно, я стала уж очень разборчивой, мне казалось – никто не стоит любви. Мои отношения с мужчинами были скорее какой-то игрой или борьбой. Но мы не боролись честно и открыто. Всегда казалось, будто мы прячем друг от друга свои карты. Мы никогда не объяснялись начистоту, каждый словно старался другого перехитрить. Чарли Лонг все-таки вел себя честно. И тот кассир из банка – тоже. Но и они возбуждали во мне враждебное чувство. Всегда у меня появлялось такое ощущение, что с мужчинами надо быть начеку. Они меня при случае не пощадят, – это я знала твердо.

Саксон замолчала и посмотрела на четкий профиль Билла, внимательно правившего лошадьми. Он вопросительно взглянул на нее и встретил ее смеющийся взгляд. Она устало потянулась.

– Вот и все! Я вам все рассказала – первому мужчине за всю мою жизнь. Теперь ваша очередь.

– Мне тоже особенно нечего рассказывать, Саксон. Меня к девушкам никогда сильно не тянуло, – то есть настолько, чтобы жениться. Я больше привязывался к мужчинам, к таким парням, как Билл Мэрфи. А потом я слишком увлеклся – сначала тренировкой, затем боксом, и возиться с женщинами мне было некогда. Поверьте, Саксон, хоть я и не всегда вел себя безукоризненно, – вы понимаете, про что я говорю, – все же я ни одной девушке еще не объяснился в любви. Не было основания.

– Но ведь девушки все равно вас любили, – поддразнила она его, хотя сердце ее радостно затрепетало от этого признания чистой и нетронутой души.

Он повернулся к лошадям.

– И не одна и не две, а очень, очень многие, – настаивала она.

Он все еще не отвечал.

– Разве не правда?

– Может быть, и правда, да не моя вина, – медленно проговорил он. – Если им хотелось строить мне глазки, так я тут при чем? Но и я волен был сторониться их, верно? Вы не представляете себе, Саксон, как женщины бегают за боксерами. Иной раз мне казалось, что у всех у них – и у женщин и у девушек – нет ни на столечко стыда, обыкновенного женского стыда. И я вовсе не избегал их, нет, но я и не гонялся за ними. Дурак тот мужчина, который из-за них страдает.

– Может, вы просто не способны любить? – заметила она.

– Может быть, – последовал ответ, повергший ее в уныние. – Во всяком случае, я не могу себе представить, чтобы полюбил девушку, которая сама мне вешается на шею. Это хорошо для мальчишек, а настоящему мужчине не нравится, когда женщина за ним бегает.

– Моя мать всегда говорила, что выше любви нет ничего на свете, – заметила Саксон. – И она писала стихи о любви. Некоторые из них были напечатаны в газете «Меркурий» в Сан-Хосе.

– А как вы смотрите на любовь?

– О, я не знаю... – уклончиво отвечала она, глядя ему в глаза с неторопливой усмешкой. – Но в такой день, как сегодня, мне кажется, что жить на свете – очень хорошо!

– Несомненно, – поспешно добавил он. – И еще когда такая прогулка...

В час Билл свернул с дороги и остановился на лесной полянке.

– Теперь мы закусим, – сказал он. – Я решил, что будет приятнее позавтракать вдвоем в лесу, чем заезжать в какой-нибудь деревенский трактир. Здесь мы можем расположиться удобно и спокойно, и я прежде всего распрягу лошадей. Спешить нам некуда. А вы займитесь завтраком, выньте все из корзинки и разложите на фартуке от экипажа.

Саксон принялась распаковывать корзину и ужаснулась расточительности Билла. Она извлекла оттуда множество всяких припасов: груды сэндвичей с ветчиной и цыплятами, салат из крабов, крутые яйца, свежий студень, маслины и пикули, швейцарский сыр, соленый миндаль, апельсины и бананы и несколько бутылок пива. Ее смутило и разнообразие закусок и их обилие; казалось, Билл задался целью опустошить целый гастрономический магазин.

– Ну зачем вы истратили столько денег? – упрекнула его Саксон, когда он опустился на траву рядом с ней. – Этим можно артель каменщиков накормить.

– Уж очень все вкусные вещи... верно?

– Ну конечно, – успокоила она его, – только уж очень много, вот в чем беда.

– Тогда все в порядке, – заявил он. – Не люблю, когда в обрез. Возьмите немного пива, промочить горло с дороги. Кстати, осторожнее со стаканами – придется их вернуть.

Когда они позавтракали, Билл лег на спину, закурил папиросу и стал расспрашивать Саксон о ее детстве и юности. Она рассказала про жизнь у брата, – она платит ему четыре с половиной доллара в неделю за свое содержание. Пятнадцати лет она окончила школу и поступила на джутовую фабрику, на четыре доллара в неделю, из которых три приходилось отдавать Саре.

– А тот трактирщик, помните? – спросил Билл. – Почему он взял вас на воспитание?

Саксон пожала плечами:

– Право, не знаю. Может быть, оттого, что всем моим родственникам плохо жилось. Едва на жизнь хватало. Кэди – трактирщик, он был солдатом в роте отца и клялся именем «капитана Кита» – так они его прозвали. Отец не дал хирургам отрезать Кэди ногу, когда его ранили во время войны, и тот навсегда сохранил благодарность к своему старому командиру. Гостиница и бар давали ему хороший доход, и я потом узнала, что он нам очень много помогал, платил врачам и похоронил мою мать рядом с отцом. Я должна была, по желанию мамы, поехать к дяде Виллу, но в Вентурских горах, где находилось его ранчо, произошли беспорядки и были даже убитые. Все вышло из-за гуртовщиков и каких-то там изгородей. Дядя долго просидел в тюрьме, а когда он вышел, ранчо его было продано с молотка по иску адвокатов. Он был тогда уже стариком – нищий, с больной женой на руках; и ему пришлось поступить ночным сторожем за сорок долларов в месяц. Поэтому он ничем не мог мне помочь, и меня взял Кэди.

Кэди был очень хороший человек, хоть и трактирщик.

Жена у него была рослая, красивая такая... Правда, вела она себя не совсем хорошо... Так я потом слышала. Но ко мне она относилась прекрасно, потому мне дела нет до того, что про нее рассказывали, – даже если это и верно. От нее я видела только хорошее. После смерти мужа она совсем сбилась с пути, вот я и попала в сиротский приют. Жилось мне там очень неважно, однако я пробыла в нем три года. А тут Том женился, получил постоянную работу и взял меня к себе. И вот с тех пор я у него и почти все время работаю.

Она устремила вдаль печальный взгляд и остановила его на какой-то изгороди, поднимавшейся среди цветущих маков. Билл все еще лежал на траве, с удовольствием разглядывая снизу вверх чуть заостренный овал ее женственного личика; наконец он неторопливо коснулся ее и прошептал:

– Бедная детка!

При этом его рука ласково обхватила запястье ее обнаженной до локтя руки; и когда, опустив глаза, она посмотрела на него, то прочла на его лице удивление и радость.

– Какая у вас прохладная кожа, – заметил он, – а я всегда горячий. Троньте-ка.

Его рука была теплая и влажная, и она заметила у него на лбу и на чисто выбритой верхней губе мелкие, как бисер, капельки пота.

– Ой, да вы весь мокрый!

Она склонилась над ним и отерла своим платком сначала его лоб и губы, а затем и ладони.

– Я, верно, дышу через кожу, – засмеялся он. – Наши умники в гимнастических школах и тренировочных лагерях уверяют, что это признак здоровья. Но сегодня я почему-то потею больше, чем обычно. Чудно, правда?

Чтобы вытереть ему ладони, ей пришлось снять его руку со своей, но, как только она кончила, пальцы Билла опять легли на прежнее место.

– Нет, на самом деле у вас замечательно прохладная кожа, – повторил он, опять удивившись. – Нежная, как бархат, и гладкая, как шелк... очень приятно.

Рука его осторожно скользнула от кисти к локтю и, возвращаясь, замерла на полпути. Охваченная сладкой истомой и утомленная этим долгим солнечным днем, она призналась себе, что ее волнуют его прикосновения, и в полудремоте решила, что этого человека она могла бы полюбить – его руки и все...

– Ну вот, всю свежесть я себе забрал, – сказал он, не глядя на нее, но она видела лукавую улыбку, тронувшую его губы. – Теперь согрею ладонь.

Он нежно скользнул рукой по ее руке, она же, глядя вниз, на его губы, невольно вспомнила странное и волнующее ощущение от его первого поцелуя.

– Ну говорите, продолжайте, – попросил он после нескольких восхитительных минут молчания. – Я люблю смотреть на ваши губы, когда вы говорите; это очень смешно, но каждое их движение похоже на легкий поцелуй.

Ей так не хотелось нарушать это настроение, однако она сказала:

– Боюсь, вам не понравится то, что я скажу.

– Скажите, – настаивал он, – вы не можете сказать ничего, что бы мне не понравилось.

– Ну, слушайте: вон там, под изгородью, растет красный мак, мне очень хочется сорвать его. А потом... пора возвращаться.

– Я проиграл, – засмеялся он. – А все-таки вы послали в воздух двадцать пять поцелуев. Я сосчитал. И знаете что?... Спойте-ка «Когда кончится жатва»... А пока вы будете петь, дайте мне подержать вашу другую прохладную руку. Тогда и поедем.

Она запела, глядя в его глаза, а он смотрел на ее губы. Когда она кончила, то тихонько сняла его руки со своих и встала. Он хотел было пойти к лошадям, но она протянула ему свою верхнюю кофточку. Несмотря на самостоятельность, естественную для девушки, которая сама зарабатывает себе кусок хлеба, она очень ценила в мужчинах внимание и предупредительность; кроме того, она еще с детства помнила рассказы жен первых американских пионеров о галантности и рыцарских нравах приехавших в Калифорнию испано-калифорнийских кабальеро былых времен.

Солнце уже заходило, когда, описав большой круг к юго-востоку, они перевалили через холмы Контра-Коста и начали спускаться по пологому склону, мимо Редвудского пика в Фрутвэйл. Внизу под ними простиралась до моря плоская равнина с шахматной доской полей и разбросанными там и сям городками: Элм-Хэрст, Сан-Леандро, Хейуордс. На западе дымы Окленда затянули горизонт туманной пеленой, а дальше, по ту сторону залива, уже загорались первые огни Сан-Франциско.

Но вот спустился мрак, и Биллом овладела странная молчаливость. Он на целых полчаса как будто совсем забыл о существовании Саксон и вспомнил о ней только раз, чтобы плотнее закутать фартуком ноги себе и ей, так как подул холодный вечерний ветер. Саксон раз десять была готова прервать молчание и спросить: «О чем вы думаете?», но почему-то все не решалась. Она сидела к нему очень близко, почти прижавшись. Их тела грели друг друга, и она испытывала чувство блаженного покоя.

– Слушайте, Саксон, – вдруг сказал он. – Незачем дольше молчать. Весь день, с самого завтрака, это вертится у меня на языке. А почему бы нам не пожениться?

Охваченная тихой радостью, Саксон поняла, что он говорит серьезно. Однако чутье подсказало ей, что лучше помедлить, не соглашаться сразу, пусть он добивается ее, пусть она станет для него еще желаннее, еще дороже. Кроме того, он задел ее женскую мечтательность и гордость. Она никогда не представляла себе, что человек, которому она отдаст себя, сделает ей предложение так спокойно и трезво. Эта простота и прямолинейность почти оскорбили ее. С другой стороны, только теперь, когда он вдруг стал для нее доступен, она поняла, до какой степени он дорог ей.

– Ну, скажите же что-нибудь, Саксон. Да или нет, вы должны мне ответить. Имейте в виду, что я люблю вас. Я черт знает как сильно люблю вас, Саксон. И это наверно так, раз я прошу вас выйти за меня, я еще ни одной девушке этого не предлагал.

Вновь наступило молчание, и Саксон поймала себя на том, что всецело отдается ощущению волнующего тепла под фартуком экипажа, где их колени соприкасались. Когда она поняла, куда ведут эти мысли, она виновато покраснела в темноте.

– Сколько вам лет, Билли? – спросила она с той внезапной расхолаживающей трезвостью, с какой было сделано и его предложение.

– Двадцать два, – ответил он.

– А мне двадцать четыре.

– Разве я не знаю? Вы сказали, сколько вам было, когда вы вышли из приюта, сколько времени проработали на фабриках, на консервном заводе, в прачечной... Что ж, вы думаете, я считать не умею? Конечно, я мог отгадать, сколько вам лет, и чуть ли не день вашего рождения.

– А все-таки факт остается фактом – я на два года старше вас.

– Ну и что же? Если бы это имело какое-нибудь значение, я не любил бы вас, – верно? Ваша мать была совершенно права: очень много значит в жизни любовь. В этом все дело. Разве вы не видите? Я вас люблю и хочу, чтобы вы были моей. Ведь это же естественно. Когда я имею дело с лошадьми, с собаками, да и с людьми, я вижу, что все, что естественно, правильно и хорошо. Тут уж ничего не поделаешь. Саксон, вы мне нужны, и, надеюсь, я вам тоже. Может быть, у меня не такие нежные руки, как у разных там бухгалтеров да приказчиков, но эти руки будут работать для вас и защищать вас черт знает как. А главное, Саксон, они будут вас любить.

Та настороженная враждебность, с какой Саксон обычно относилась к мужчинам, на этот раз как будто исчезла. Она не чувствовала необходимости обороняться. Это была уже не игра. Это было то, о чем она грезила, чего желала. Перед Биллом она чувствовала себя беззащитной, и сознание этого давало ей глубокую радость. Она ни в чем не могла ему отказать, даже если бы он вел себя, как остальные. И из этой потрясшей ее мысли выросла другая, еще более восхитительная: он-то и не будет вести себя, как все.

Она продолжала молчать. Наконец под влиянием внезапного порыва, охватившего все ее существо, девушка вместо ответа протянула руку и тихонько попыталась оторвать его руку от вожжей. Он не понимал, чего она хочет, но, видя, что она настаивает, забрал вожжи в правую и предоставил ей левую. Она наклонилась, и ее губы прильнули к мозолям на его ладони.

На минуту он ошалел.

– Ты... в самом деле? – пробормотал он.

Она опять поцеловала его руку и прошептала:

– Я люблю твои руки, Билли. Для меня – это самые прекрасные руки на свете, и мне пришлось бы говорить много часов, чтобы рассказать до конца все, что я к ним чувствую.

– Стой! – вдруг осадил он лошадей.

Он успокоил их и обмотал вожжи вокруг кнутовища, потом повернулся к Саксон, обнял ее и прижался губами к ее губам.

– О, Билли, я буду тебе хорошей женой, – сказала она, и когда он ее выпустил, всхлипла.

Он поцеловал ее влажные от слез глаза и вновь нашел ее губы.

– Теперь ты знаешь, о чем я думал во время завтрака и отчего меня в испарину бросало. Я уже не в силах был молчать. Ты ведь мне понравилась с первой же минуты, как я тебя увидел.

– И я полюбила тебя с той самой встречи, помнишь, Билли? И я ужасно весь день тобой гордилась: ты был такой деликатный, внимательный – и вместе с тем такой сильный; и я видела, что все мужчины уважают тебя, а девушки за тобой бегают. И потом, ты так замечательно дрался с теми тремя ирландцами, когда я стояла позади садового стола. Я бы не могла полюбить или выйти за человека, которым бы не гордилась; а тобой я так горжусь, так горжусь!

– Наверно, меньше, чем я сейчас горжусь собой, – отвечал он, – я ведь добился своей цели и получил тебя. И это так хорошо, что даже не верится. Вдруг через несколько минут зазвонит будильник, я проснусь – и все окажется сном. Ну а если даже и зазвонит, я воспользуюсь этими двумя-тремя минутами. Смотри, как бы я тебя не съел. Я так по тебе изголодался!

Он обнял ее и прижал к себе крепко-крепко, до боли. После этих мгновений, показавшихся ей годами блаженства, он, с трудом оторвавшись, выпустил ее из своих объятий.

– А будильник-то еще не звонит, – прошептал он, прижавшись щекой к ее щеке, – и вокруг нас темная ночь, а внизу огни Фрутвэйла. И смотри, как смиренно Принц и Король стоят посреди дороги. Вот не думал, что настанет время, когда мне не захочется взять в руки вожжи и править парой таких чудесных лошадок. И такое время все-таки настало! Я просто не могу оторваться от тебя, а надо. До смерти не хочется ехать, но пора.

Он усадил ее на прежнее место, укрыл ей ноги фартуком и свистнул лошадям, уже выказывавшим нетерпение.

Через полчаса он снова остановил их.

– Сейчас-то я знаю, что не сплю, но мне надо проверить, – не сон ли все, что было?

И, снова замотав вожжи, он ее обнял.

Глава двенадцатая

Саксон не замечала, как летят дни. Она усердно работала в прачечной, вырабатывая даже больше, чем обычно, а все свое свободное время посвящала Биллу и предстоящей ей великой перемене в жизни. Он оказался весьма пылким возлюбленным и пожелал обвенчаться на другой же день после своего предложения; с трудом удалось уговорить его на недельную отсрочку, никак не больше.

– Зачем ждать? – спрашивал он. – Молодости это нам, насколько мне известно, не прибавит, а ты подумай – как много мы каждый день теряем!

В конце концов он согласился на отсрочку, и это было очень хорошо, так как спустя две недели его с десятком товарищей перебросили на работу из больших конюшен Корберли и Моррисона в западную часть Окленда. Кончились поиски квартиры в другом конце города, и молодой паре удалось снять на Пайн-стрит, между Четвертой и Пятой улицей, возле самого вокзала Южно-Океанской железной дороги, уютный домик – четыре небольших комнатки – за десять долларов в месяц.

– Это прямо дешевка, если сравнить с тем, что я платил за свои прежние каморки, – сказал Билл. – Моя теперешняя комната не больше самой маленькой из этих, а с меня дерут за нее целых шесть долларов.

– Зато в твоей есть мебель, – напомнила Саксон, – потому и разница.

Но Билл ничего и слушать не хотел.

– Хотя я, Саксон, и неученый, но арифметику знаю. В трудные времена я не раз закладывал часы и отлично высчитывал проценты. Как ты думаешь, сколько будет стоить обставить весь дом – дорожки, линолеум для кухни и прочее?

– Я считаю, что все это можно отлично сделать на триста долларов, – отвечала Саксон. – Я уже обдумала и уверена, что такой суммы хватит.

– Триста! – пробормотал он, сосредоточенно хмурия брови. – Триста, скажем, из шести процентов... Значит, шесть центов с доллара, шестьдесят с десяти долларов, шесть долларов со ста, восемнадцать с трехсот. Я мастер умножать на десять! А теперь раздели восемнадцать на двенадцать: выходит полтора доллара процентов в месяц.

Он остановился, очень довольный, что удачно решил задачу. Вдруг его лицо озарилось новой мыслью.

– Постой! Это же не все! Это ведь процент за мебель для четырех комнат. А теперь раздели на четыре. Сколько получится, если разделить полтора доллара на четыре?

– Пятнадцать на четыре – три и три в остатке, – быстро начала Саксон подсчитывать. – Тридцать на четыре – семь, двадцать восемь и два в остатке; две четверти составляют половину. Все.

– Молодец! Вот ты умножаешь здорово. – После минутного колебания он продолжал: – Я не следил... какая сумма, ты говоришь, вышла?

– Тридцать семь с половиной центов.

– Ага! Теперь мы посмотрим, сколько лишнего с меня дерут за мою комнату. Если четыре комнаты стоят в месяц десять долларов, то одна стоит два с половиной. Прибавь еще тридцать семь с половиной центов за мебель, – выходит, два доллара восемьдесят семь с половиной центов. Вычти из шести долларов...

– Остается три доллара двенадцать с половиной центов, – тут же подытожила Саксон.

– Видишь, значит, я плачу за комнату лишних три доллара двенадцать с половиной центов. Вот так штука! Выходит, жениться – все равно что копить деньги.

– Но ведь мебель изнашивается, Билли.

– Ах, черт! Об этом я и не подумал. Это тоже нужно принять в расчет. Во всяком случае, наш домик— находка! Ты изволь в следующую субботу уйти из прачечной минута в минуту, и мы отправимся покупать мебель. Я заходил вчера к Сэлингеру. Я дам им пятьдесят долларов задатку, а остальные буду выплачивать по десяти долларов в месяц. Через два года и один месяц обстановка будет наша. И помни, Саксон, покупай все, что тебе нужно, сколько бы это ни стоило, слышишь?

Она кивнула головой, ничем не выдавая своих планов относительно бесчисленных крошечных сбережений, которые себе уже наметила. Глаза ее стали влажными.

– Ты такой добрый, – прошептала она, прижимаясь к нему, и мигмом очутилась в его объятиях.

– Тебя, кажется, можно поздравить, ты решила выйти замуж? – заметила Мери однажды утром, когда они встретились в прачечной. Не успели они проработать и десяти минут, как она увидела на среднем пальце левой руки у Саксон колечко с топазом. – Кто же счастливец? Чарли Лонг или Билли Робертс?

– Билли, – последовал ответ.

– Гм, берешь себе мальчика на воспитание?

По лицу Саксон Мери заметила, что попала в больное место, и тут же пожалела о своих словах.

– Уж и пошутить нельзя! Это замечательно, что он будет твоим мужем. Билли превосходный человек, я очень за тебя рада. Таких, как он, не скоро найдешь, а если они и есть, так не больно-то их женишь. Вам обоим повезло. Вы на редкость подходящая пара, и лучшей жены, чем ты, ему не найти. Когда же свадьба?

Несколько дней спустя, возвращаясь из прачечной, Саксон встретила с Чарли Лонгом. Он решительно преградил ей дорогу и вызвал на разговор.

– Значит, вы теперь хороводитесь с боксером? – сказал он презрительно. – Только слепому не видно, чем это кончится!

Впервые она не испугалась стоявшего перед нею огромного парня с мохнатыми бровями и волосатыми пальцами. Она показала ему свою левую руку.

– Видите? При всей вашей силе вам ни за что бы не удалось надеть мне на палец обручальное кольцо. А Билли Робертс сделал это в одну неделю. Он и вас не побоялся, Чарли Лонг, и со мной сумел поладить...

Лонг только выругался в ответ.

– Он не чета вам, – продолжала Саксон. – Это настоящий мужчина, честный, чистый.

– А ловко он вас обработал! – хрипло заржал Лонг.

– И вас обработает, если нужно, – отрезала она.

– Я бы мог вам кое-что про него рассказать, Саксон... Между нами, он порядочный жулик. Если бы только я...

– Знаете что? Оставьте-ка вы меня в покое, – прервала она его. – А то я скажу Билли, и вы прекрасно понимаете, что вам за это будет, хвостун вы этакий, нахал...

Лонг смущенно потоптался на месте, потом нехотя отошел в сторону.

– Вон, оказывается, какая вы штучка, – пробормотал он с оттенком восхищения.

– И Билли Робертс такой... – засмеялась она и пошла своей дорогой. Однако, пройдя несколько шагов, остановилась. – Послушайте! – крикнула она.

Огромный кузнец быстро обернулся.

– Я тут видела одного хромого. Идите поколотите его, если уж вам очень хочется подражаться.

За время своей помолвки Саксон позволила себе только один крупный расход: она истратила целый дневной заработок на полдюжины своих собственных фотографических карточек. Билл уверял, что для него жизнь не в жизнь, если он не сможет каждый вечер любоваться ее

изображением перед тем как заснуть, и утром – как только проснется. Взамен она получила две его карточки, на одной он был в спортивном трико, на другой – в обычном костюме, и украсила ими свое зеркало. Первая карточка почему-то напомнила ей увлекательные рассказы матери о древних саксах и о морских викингах, нападавших на берега Англии. Она вынула из старинного комода, совершившего путь через прерии, еще одну священную реликвию – альбом матери, в котором были наклеены вырезки из газет со стихами о жизни пионеров в Калифорнии, а также копии с картин и старых гравюр, которые помещались в журналах прошлого поколения, а может быть, и в более давних. Саксон перелистывала знакомые страницы и скоро нашла то, что искала. На фоне прибрежных скал и серого неба с мчавшимися облаками были изображены несколько лодок, длинных, темных и узких, с изогнутыми носами, делавшими их похожими на чудовищных птиц; они стояли у кипящего белой пеной песчаного берега. Эти лодки были полны обнаженных сильных белокурых воинов в крылатых шлемах. В руках они держали мечи и копья, некоторые прыгали в воду, доходившую им до пояса, другие уже вылезали на песок. А на берегу, охраняя его, виднелись фигуры голых дикарей, несколько не похожих, однако, на индейцев. Они стояли кучками, а некоторые – по колено в воде. Туземцы уже обменялись первыми ударами с завоевателями, и тела раненых и убитых омывал прибой. Один из белокурых завоевателей лежал поперек лодки, причем торчавшая в его груди стрела показывала, какое оружие явилось причиной его смерти. Другой, прыгавший через него в воду, с мечом в руке, был вылитый Билл. Сомнения быть не могло: те же необычно светлые волосы, те же лицо, глаза, губы. Даже выражение было то же, как у Билла в тот день на гулянке, когда он дрался с тремя ирландцами.

Из лона этих двух воинствующих рас, подумала Саксон, вышел ее народ, далекие предки ее и Билли. И с этой мыслью она захлопнула альбом и положила его обратно в ящик. Кто-то из ее предков смастерил этот старинный, уже облезлый комод, который проехал через океан и через прерии и был пробит пулей во время сражения переселенцев с индейцами при Литтл-Мэдоу. Ей казалось, она видит перед собой и женщин, державших в его ящиках свои безделушки и домотканые материи, – женщин тех кочующих поколений, к которым принадлежали бабушки и прабабушки ее матери. И она вздохнула. Что ж, иметь таких предков неплохо: крепкий, трудолюбивый народ. А как бы сложилась ее жизнь, родись она китайкой или итальянкой? Она постоянно встречала их на улицах: приземистые, неловкие, смуглые, в платках и простоволосые, они обычно тащили с набережной, держа на голове, тяжелые охапки прибитых волнами щепок. Но тут она засмеялась над своими мыслями, вспомнила Билли, их домик в четыре комнатки на Пайн-стрит и заснула, в сотый раз представляя себе всю их обстановку до последних мелочей.

Глава тринадцатая

– Скота у нас больше не было, – рассказывала Саксон, – а зима надвигалась, и мы не могли отважиться на путешествие через Великую американскую пустыню, поэтому наш караван остановился в Солт-Лейк-Сити. Мормонам в те времена еще жилось неплохо, и они приняли нас сердечно.

– Вы рассказываете так, будто сами были при этом, – заметил Берт.

– Там была моя мать, – ответила Саксон с гордостью. – Ей исполнилось в ту зиму девять лет.

Они сидели вокруг кухонного стола в маленьком домике на Пайн-стрит и завтракали сэндвичами и пивом в бутылках. По случаю воскресенья все четверо были свободны, и они собрались спозаранку, так как их ждала работа более тяжелая, чем в любые будни: надо было вымыть стены и окна, выскрести полы, положить дорожки и линолеум, повесить занавески, наладить плиту, расставить мебель, убрать кухонную и столовую посуду.

– Ну, продолжай же, Саксон, – сказала Мери. – До смерти хочется послушать твой рассказ. А ты, Берт, замолчи и не мешай.

– Так вот. В эту зиму объявился у нас Дал Хэнкок. Он родом из Кентукки, но провел много лет на Западе. Он был разведчиком, как и Кит Карсон, и хорошо знал Карсона. Они с Китом не раз спали под одним одеялом. И оба побывали с генералом Фремонтом в Калифорнии и Орегоне. Итак, Дэл Хэнкок проходил через Солт-Лейк-Сити, так как собирался повести группу трапперов со Скалистых гор на ловлю бобров в какое-то новое место. Красивый парень: носил длинные волосы, как на картинках, шелковый пояс поверх куртки, как носят испанцы в Калифорнии, а за поясом торчали два револьвера. Все женщины влюблялись в него с первого взгляда. Он увидел Сэди, старшую сестру моей матери, и она, видно, очень приглянулась ему, так как он остановился в Солт-Лейк-Сити и дальше шагу не сделал. Он много и успешно сражался с индейцами, и я слышала от своей тети Виллы, когда была еще совсем маленькая, что у него были удивительно черные сверкающие глаза и орлиный взгляд. По обычаю того времени, он не раз дрался на дуэлях и не боялся ничего на свете.

Сэди была настоящая красавица, она кокетничала с ним, и он совсем потерял голову. Может быть, она еще сама не была уверена в своем чувстве, я не знаю, но только она не дала ему слово так легко, как я, например, дала его Билли. В конце концов он уже не мог выносить неопределенности своего положения, – он прискакал к ней однажды вечером как сумасшедший.

«Сэди, – сказал он, – если вы не обещаете завтра со мной повенчаться, я застрелюсь этой ночью здесь же, позади загона».

Он так бы и сделал. И Сэди знала это и согласилась. Видите, как быстро решались в те дни любовные дела.

– Ну, не знаю, – заметила Мери насмешливо. – Ты тоже дала Биллу слово через неделю после того, как увидела его в первый раз. А разве Билл уверял тебя, что застрелится позади прачечной, если ты ему откажешь?

– Я его не довела до этого, – созналась Саксон. – Во всяком случае, Дэл Хэнкок и тетя Сэди поженились на другой же день. И они были потом очень счастливы. Но она скоро умерла, а его убили индейцы вместе с генералом Костером и всеми остальными. Хэнкок был тогда уже стариком, но, наверно, перебил их немало, прежде чем они уколошили его. Люди вроде него всегда умирают сражаясь и дорого продают свою жизнь. В детстве я знавала некоего Ола Стэнли. Игрок, но какой молодец! Однажды, когда он сидел за столом и играл, один железнодорожник выстрелил ему в спину; от этого выстрела он умер через несколько секунд, но успел перед смертью поднять ружье и всадить три пули в своего убийцу.

– Я не люблю ни драк, ни сражений, – заявила Мери. – Это мне действует на нервы. Берт меня ужасно раздражает: он вечно ищет случая подраться. По-моему, все это совершенно ни к чему.

– А для меня наоборот – человек, в котором нет задора, ничего не стоит, – сказала Саксон. – Разве мы с вами были бы здесь, если бы не мужество наших предков?

– Ну, Билл – природный воин, – заявил Берт. – Замечательный парень во всех смыслах. Он из племени могикан, настоящий охотник за скальпами, и если рассердится – берегись!

– Вот именно, – подтвердила Мери.

Билл, не участвовавший в их разговоре, встал, заглянул в маленькую комнатку за кухней, затем прошел в гостиную, в спальню, вернулся и, остановившись у двери в эту заднюю комнату, нахмурился.

– Что с тобой, дружище? – спросил Берт. – У тебя такой вид, точно ты что-то потерял или заблудился между трех сосен. Что с тобой? Валяй говори.

– Я все думаю, а где же, черт ее возьми, кровать и прочее для этой комнатки?

– Мы же для нее не заказывали мебель, – пояснила Саксон.

– Так я завтра закажу.

– Зачем вам еще кровать? – спросил Берт. – Разве вам вдвоем мало одной кровати?

– Замолчи, Берт! – воскликнула Мери. – Держись прилично.

– Ну-ну! – засмеялся Берт. – Вечно ты со своими замечаниями.

– У нас эта комната лишняя, – обратилась Саксон к Биллу, – поэтому я и не собиралась покупать для нее мебель, а взяла дорожки и плитку получше.

Билл подошел к ней, поднял со стула и посадил к себе на колени.

– Правильно, девочка! Я очень рад, что ты так сделала. У нас всегда должно быть все самое лучшее. А все-таки завтра вечером мы с тобой сбегает к Сэлингеру и выберем ковер и мебель и для этой спальни, хорошую мебель! И никаких!

– Но ведь это будет стоить пятьдесят долларов! – возразила она.

– И отлично! Пусть стоит пятьдесят долларов и ни на цент меньше. Зато мебель будет хорошая. А что толку в пустой комнате? Это придает всей квартире какой-то нищенский вид. С тех пор как мы ее сняли, заплатили деньги и получили ключи, я только и думаю о нашем гнездышке и вижу, что оно становится все теплее и уютнее. И пока я работаю и вожусь с лошадьми, я ни на минуту об нем не забываю. Уверен, что, когда мы поженимся, оно мне будет так же мило. Вот я и хочу, чтобы все комнаты были обставлены как следует. Если эта комната будет стоять пустая, с голым полом, я только и буду видеть ее, пустую и неуютную. И выйдет обман. А наш дом не должен лгать. Посмотри, Саксон, вон ты повесила занавески, – пусть, мол, соседи думают, что она обставлена. Эти занавески лгут, и каждый поверит в то, чего нет. Но у нас так не должно быть. Я хочу, чтобы занавески говорили правду.

– Вы можете сдать ее, – предложил Берт. – Вы будете жить совсем близко от железнодорожных мастерских и в двух шагах от ресторана.

– Ни за что! Я не для того женюсь на Саксон, чтобы брать жильцов. Если я увижу, что не могу устроить ее жизнь, – знаешь, что я сделаю? Пойду на Долгую набережную, скажу: «Игра кончена», повешу себе камень на шею и прыгну в воду. Верно, Саксон?

Покупка лишней мебели казалась неразумной, но слова Билла польстили ей. Она обвила руками шею своего жениха и, прежде чем поцеловать его, сказала:

– Ты хозяин, Билли. Как ты захочешь, так и будет. И теперь и всегда.

– Слышала? – насмешливо обратился Берт к Мери. – Вот как женщина должна рассуждать! Саксон свое место знает.

– Я думаю, мы всегда будем советоваться друг с другом, прежде чем что-нибудь решить, – ответил Билл своей невесте.

– Слышал? – торжествующе повторила Мери. – Имей в виду, что человек, который захочет стать моим мужем, тоже должен будет во всем со мной советоваться!

– Билл ей просто очки втирает, – возразил Берг. – Все так говорят, пока не женятся.

Мери презрительно фыркнула:

– А я ручаюсь, что Саксон будет им и потом вертеть. Что касается меня, так я объявляю во всеуслышание, своим мужем хочу вертеть – и буду.

– Нет. Если ты будешь его любить, – заметила Саксон.

– Наоборот. Тем более, – настаивала Мери.

Берг скорчил грустную гримасу.

– Вот видите, поэтому мы с Мери до сих пор и не поженились, – сказал он. – Я – как тот упрямый индеец: черт меня побери, если уж я построю себе вигвам да не буду в нем хозяином!

– А я не индианка, – возразила Мери, – и не вышла бы замуж за такого упрямого индейца, даже если бы на свете не осталось ни одного мужчины.

– Этот упрямый индеец вас, кажется, еще не сватал!

– Он знает, какой получит ответ.

– Поэтому он, может быть, десять раз подумает, прежде чем сделать предложение.

Саксон, которой хотелось перевести разговор на более приятные темы, всплеснула руками и воскликнула:

– А я и забыла! Я хотела вам кое-что показать. – Она вынула из кошелька гладкое золотое кольцо, и присутствующие передали его друг другу. – Это обручальное кольцо моей матери. Я его всегда носила на шее, как медальон. В приюте я так плакала и умоляла вернуть его, что начальница разрешила мне его носить. И только подумайте! – в следующий вторник оно будет уже у меня на пальце! Посмотри, Билли, что внутри вырезано.

– «Д. от К. 1879», – прочел он.

– Дэзи от Карлтона. Карлтон – имя моего отца. А теперь, Билли, ты должен вырезать на нем наши имена.

Мери была в восторге.

– Замечательно! – воскликнула она. – «С. от Б. 1907».

Билл на минуту задумался.

– Нет, это нехорошо, ведь вовсе не я дарю его Саксон.

– Знаешь что? – предложила Саксон. – Пусть на нем будет просто «Б. и С».

– Нет, – Билл покачал головой, – «С. и Б.», потому что ты для меня на первом месте.

– Если я для тебя на первом месте, то ведь и ты для меня тоже. Билл, милый, пусть будет «Б. и С».

– Видишь, – сказала Мери Берту, – она уже теперь из него веревки вьет.

Саксон почувствовала укол в словах Мери.

– Впрочем, как хочешь, Билли, – сдалась она.

Он обнял ее.

– Мы еще об этом потолкуем.

Глава четырнадцатая

Сара была крайне консервативна. С тех пор как кончилась пора ее любви и родился первый ребенок, она словно остановилась на одной точке. Ее душа как будто раз и навсегда приняла определенную форму и так и застыла. В Саре еще жили вкусы и предубеждения ее девической поры и той семьи, в которой она выросла. Малейшее нарушение обычного уклада жизни казалось ей чуть ли не революцией. Том пережил много таких революций. Три из них произошли при перемене квартиры. Третья сломила его, и он решил больше никогда не переезжать.

Поэтому же и Саксон молчала о своей предстоящей свадьбе до тех пор, пока молчать уже было нельзя. Она ждала бурной сцены и не ошиблась.

– Как? Боксер? Хулиган? Драчун? – издевалась Сара после целого потока самых мрачных предсказаний относительно судьбы, ожидающей и ее, Сару, и ее детей без тех четырех с половиной долларов, которые еженедельно платила Саксон. – Не знаю, что сказала бы твоя мать, если бы она дожила до того, что ты свяжешься с таким типом, как этот Билл Робертс. Билл! Она никогда бы не вышла за человека, которого зовут Билл, она была слишком деликатно воспитана. Одно могу сказать, тебе придется распроститься и с шелковыми чулками и с тремя парами туфель. Скоро ты будешь Бога благодарить, что у тебя на ногах старые гетры да бумажные чулки по двадцать пять центов за две пары.

– О!.. Я уверена, что у Билли хватит средств купить мне любые башмаки, – возразила Саксон, гордо откинув голову.

– Ты не знаешь, что говоришь... – Сара злорадно захохотала. – Вот подожди, пойдут ребята... а они родятся гораздо быстрее, чем растет заработная плата.

– Но мы вовсе не собираемся иметь детей... то есть пока. Во всяком случае, не раньше, чем выплатим долг за мебель.

– Вот какие вы теперь умные стали! В мое время девушки были поскромнее и понятия не имели о таких неприличностях.

– Это насчет детей? – спросила Саксон с лукавой усмешкой.

– Да, насчет детей.

– В первый раз слышу, что дети – неприличность. А у тебя, Сара, их пять. Значит, как неприлично ты себя вела! Мы с Биллом решили вести себя скромнее. У нас будут только мальчик и девочка.

Том чуть не подавился от смеха, но, чтобы не подливать масла в огонь, спрятал лицо за чашкой с кофе. Сара на минуту опешила оттого, что ее оружие обратилось против нее самой, но она была в этих делах стреляный воробей и не замедлила повести нападение с другой стороны:

– А почему это вам так вдруг загорелось устраивать свадьбу? Очень подозрительно, очень... До чего вы, молодые девушки, дойдете! Срам! Ни стыда, ни совести! И все – от этих ваших воскресных танцулек да праздников. Нынче молодые женщины стали прямо как животные. Такой распушенности я никогда еще не видела.

Саксон была вне себя от гнева, но, пока Сара продолжала обличать современные нравы, Том ухитрился многозначительно подмигнуть сестре, знаками умоляя ее не сердиться и сохранить мир.

– Ничего, сестренка, – утешал он Саксон, когда они остались одни. – С Сарой спорить бесполезно. А Билл Робертс парень хороший. Я о нем много слышал. Ты вполне можешь гордиться таким мужем. И наверняка будешь с ним счастлива. – Его голос вдруг сорвался, лицо стало сразу старым и очень усталым. Он продолжал с тревогой: – Только не бери пример с Сары. Не пили его. Что бы ни случилось, не пили. Не читай ему постоянно нравоучений. Дай и ему иногда высказать свой взгляд. Ведь у мужчин тоже есть здравый смысл, даже если Сара этого не признает. И все-таки она меня любит, хотя этого, может быть, и не заметно. А ты

должна любить мужа не только про себя, но так, чтобы твою любовь он видел и чувствовал. И он сделает все, что ты захочешь. Пусть иной раз поступит по-своему, – тогда, поверь мне, он и тебе даст больше воли. А главное, люби его и считайся с его мнением, – ведь он же в конце концов не дурак. И жизнь пойдет у вас отлично. Сара все заставляет меня делать из-под палки, а ведь от меня можно этого же добиться лаской.

– Обещаю тебе, Том, я буду делать все, как ты говоришь, – сказала Саксон, улыбаясь сквозь слезы и тронутая сочувствием брата. – Но я прежде всего буду стремиться к другому: я буду стараться, чтобы Билли любил меня и не переставал любить. Тогда не нужны будут и все эти хитрости. Понимаешь? Он сделает то, что я пожелаю, просто из любви ко мне.

– Правильно надумала, сестренка! Держись этого, и вам будет хорошо.

Когда через некоторое время Саксон надела шляпу и отправилась в прачечную, оказалось, что брат поджидает ее за углом.

– Слушай, Саксон, – начал он торопливо и вместе с тем запинаясь, – то, что я сказал насчет Сары... знаешь... ты не подумай чего плохого или что я несправедлив к ней... Она женщина честная, верная. И ведь, право, жизнь у нее очень нелегкая. Я скорее откушу себе язык, чем скажу про нее плохое. У всякого свое. Проклятая бедность – вот в чем дело. Верно?

– Ты всегда так хорошо относился ко мне, Том. Я этого никогда не забуду. И я знаю, у Сары, несмотря на все, самые лучшие намерения.

– Я не смогу сделать тебе никакого свадебного подарка, – сказал Том виноватым тоном. – Сара и слышать не хочет. Она говорит – когда мы женились, мои родственники нам тоже ничего не подарили. Но все-таки у меня для тебя есть сюрприз. И ты ни за что не угадаешь какой.

Саксон посмотрела на него вопросительно.

– Когда ты сказала, что выходишь замуж, мне сразу же пришла одна мысль. Я написал брату Джорджу и попросил его прислать эту вещь для тебя. И он ее прислал. Я ничего тебе не говорил, потому что боялся, не продал ли он ее. Серебряные шпоры он действительно продал – должно быть, деньги были нужны. А эту вещь я просил его выслать мне на мастерскую, чтобы не раздражать Сару, и вчера вечером потихоньку принес ее и спрятал в дровяном сарае.

– Наверно, что-нибудь принадлежавшее отцу? Да? Правда? Скажи скорее, что?

– Его сабля.

– Та, которую он брал с собой, когда ездил на чалом коне? Ах, Том! Ты не мог мне сделать лучшего подарка! Идем обратно. Я хочу сейчас же ее видеть. Пройдем потихоньку с черного хода. Сара в кухне стирает и раньше чем через час белье развешивать не будет.

– Я говорил с Сарой насчет того, чтобы отдать тебе старый материнский комод, – шептал Том, пробираясь с Саксон по узкому проулку между домами, – но она встала на дыбы и заявила, что Дэзи была не только твоей, но и моей матерью, хоть у нас и разные отцы, что комод этот всегда принадлежал ее роду, а не семейству капитана Кита, и что, значит, он мой, а раз он мой, так она...

– Не беспокойся, – возразила Саксон. – Вчера вечером она мне продала его. Сара ждала меня и была очень возбуждена.

– Странно. Она сердилась на меня весь день после того, как я заговорил с ней об этом. Сколько ты ей отдала за него?

– Шесть долларов.

– Грабеж! Разве он стоит этих денег? – возмутился Том. – Он очень старый и с одного боку треснул!

– Я бы дала и десять. Я не знаю, что бы дала за него, Том. Ведь он мамин, ты же знаешь. Я помню, как он стоял у нее в комнате, когда она еще была жива.

В сарае Том достал спрятанное в дровах сокровище и развернул бумагу, в которую оно было завернуто. Перед ними оказалась ржавая зазубренная тяжелая сабля старинного образца, какую обычно носили кавалерийские офицеры в Гражданскую войну. Она висела на изъеден-

ном молью поясе из плотного малинового шелка, украшенном тяжелыми шелковыми кистями. Саксон в нетерпении почти вырвала ее у брата, вынула из ножен и приложила к холодной стали губами.

Наступил последний день ее работы в прачечной. Вечером Саксон должна была окончательно с нею распрощаться. А на другой день в пять часов пополудни они с Биллом пойдут к судье, и тот их поженит. Берг и Мери будут свидетелями, потом они отправятся вчетвером в ресторан Барнума, и там, в отдельном кабинете, состоится свадебный ужин. После ужина Берг и Мери отправятся на вечеринку в зал Миртл, а Билл и Саксон поедут на трамвае на Пайн-стрит. У рабочих медового месяца не бывает, и Биллу предстояло на другой день в обычный час явиться на работу.

Все женщины в гладильной тонкого крахмального белья знали, что Саксон с ними последний день. Многие за нее радовались, иные завидовали, что она заполучила себе мужа и освободится от каторжной работы у гладильной доски. Ей пришлось выслушать немало шуток по своему адресу, – но такова была участь всех девушек, выходявших замуж из прачечной, да и, кроме того, она чувствовала себя такой счастливой, что не могла обижаться на эти иногда и грубоватые, но всегда добродушные шутки.

Среди облаков пара, на фоне воздушного батиста и кисеи, быстро скользивших под ее руками, перед нею одна за другой вставали картины ее будущей жизни в маленьком домике на Пайн-стрит. И она не смолкая мурлыкала себе под нос, переиначивая по-своему припев одной очень известной в то время песенки:

Когда тружусь, когда тружусь,
Тружусь я ради Билли.

К трем часам усталость работниц-сдельщиц в этой душной и сырой комнате достигла крайних пределов. Пожилые женщины тяжело вздыхали, молодые побледнели, их черты заострились, под глазами легли черные тени, – но все продолжали с неослабным усердием водить утюгами. Недремлющее око старшей мастерицы зорко следило за тем, чтобы вовремя предупредить любой истерический припадок. Одна молодая девушка, сутулая и узкогрудая, была тотчас же удалена из комнаты, как только старшая заметила, что она готова потерять сознание.

Вдруг Саксон вздрогнула от дикого, нечеловеческого вопля. Натянутые нервы не выдержали, и десятки женщин разом приостановили работу, – одни замерли, держа утюги на весу, у других они выпали из рук. Этот ужасный вопль издала Мери, и Саксон увидела на ее плече странного черного зверька с большими изогнутыми крыльями. Вскрикнув, Мери в испуге присела, и странный зверь, взлетев над нею, метнулся соседней гладильнице прямо в лицо. Та взвизгнула и лишилась чувств. Летящее существо бросалось туда и сюда, а женщины вопили, визжали, размахивали руками, пытались выбежать из гладильни или прятались под гладильные доски.

– Да это просто летучая мышь! – кричала старшая мастерица в бешенстве. – Что, вы никогда летучей мыши не видели? Съест она вас, что ли?

Но это были женщины из простонародья, и успокоить их оказалось нелегко. Те, кто не мог видеть причины переполоха, но были взвинчены и переутомлены не меньше остальных, тоже поддались панике и закричали: «Пожар!» Давка у дверей усилилась.

Все они выли в один голос – пронзительно, бессмысленно, отчаянно; и в этом вое бесследно утонул увещевающий голос старшей. Саксон сначала просто испугалась, но общая паника захватила и ее. Правда, она не кричала, но бросилась бежать вместе со всеми. Когда орда обезумевших женщин хлынула в соседнее помещение, все работавшие там присоединились к ней и тоже бежали от неизвестной опасности. Через десять минут прачечная опустела,

осталось только несколько мужчин, бродивших по комнатам с ручными гранатами и тщетно пытавшихся выяснить причину переполоха.

Старшая мастерица, женщина серая, но решительная, была вначале тоже подхвачена толпой, однако она вырвалась, повернула обратно и быстро поймала незрячую нарушительницу спокойствия, накрыв ее бельевой корзиной.

– Я не знаю, как выглядит Бог, но черта я теперь видела, – проговорила, захлебываясь смехом и слезами, взволнованная Мери.

Саксон очень сердилась на себя за то, что так перепугалась и вместе со всеми бессмысленно бежала из прачечной.

– Какие мы дуры! – сказала она. – Ведь это просто летучая мышь. Я слышала о них. Они живут в лесу. Говорят, они совершенно безобидные, а днем они слепые. Вот почему все и случилось. Просто маленькая летучая мышь!

– Ну, ты меня не разуверишь, – отозвалась Мери. – Это, несомненно, был черт. – Она несколько раз всхлипнула, потом снова засмеялась нервным смехом. – Ты видела – миссис Бергстром упала в обморок. А ведь оно едва коснулось ее лица! Мне что-то село на плечо, а потом я почувствовала что-то на шее – точно рука мертвеца. Однако я не упала. – Она снова засмеялась. – Может быть, я слишком напугалась, и мне было уже не до обморока...

– Вернемся, – предложила Саксон. – Мы и так потеряли полчаса.

– Ни за что! Хоть бы мне расстрелом грозили. Я иду домой. Да разве я могу сейчас гладить? Меня всю трясет.

Одна из женщин сломала себе руку, другая – ногу, у многих оказались ссадины и ушибы. Никакие уговоры и объяснения старшей мастерицы не могли заставить напуганных гладильщиц вернуться к работе. Они слишком переволновались и разнервничались, и только немногие нашли в себе достаточно мужества, чтобы вернуться в помещение прачечной за шляпами и корзинками остальных. Лишь несколько девушек опять взялись за утюги. Среди них была Саксон, и она проработала до шести часов.

Глава пятнадцатая

– Ах, Берт! Ну зачем ты напился? – воскликнула Мери с укором.

Они сидели вчетвером в отдельном кабинете у Барнума. Скромный свадебный ужин, показавшийся Саксон, однако, чересчур роскошным, был съеден. Берт, держа в руке стакан красного калифорнийского вина, которое здесь стоило пятьдесят центов бутылка, поднялся и пожелал произнести речь. Лицо его покраснело, черные глаза лихорадочно блестели.

– Ты уже выпил еще до того, как зайти за мной, – продолжала Мери. – Я это вижу по всему.

– Ошибаетесь, дорогая, разуйте глаза, – возразил он. – Бертрам сегодня в наилучшем виде. – Он встал для того, чтобы пожать руку своему старому товарищу. – Билл! Дружище! Давай лапу! Приходится нам с тобой распрощаться! Здравствуй и до свидания! Ты теперь человек женатый, Билл, и будешь домоседом. Гулять с парнями уже не придется. Ты должен теперь беречь себя, застраховать свою жизнь от несчастных случаев... вступить в строительный кооператив... сделаться членом кассы взаимопомощи и похоронного бюро...

– Перестань, Берт, – прервала его Мери. – Разве на свадьбе говорят о похоронах? Как тебе самому не стыдно!

– Стой! Подожди, Мери. Я вовсе не хотел... Я сейчас скажу, что я думал... Совсем не про то, про что она говорит... Подождите... Я сказал «похоронное бюро»? Да? Я же не собирался омрачить настроение веселого общества... Наоборот...

Он явно запутался, и Мери торжествующе покачала головой. Но это его снова подстегнуло.

– Подождите, дайте сказать, почему я упомянул... Потому, что ты, друг, подцепил такую зажигательную жену, такую раскрасотку. Все молодые люди от нее без ума, и если они начнут за ней бегать, то что ты сделаешь, Билл? У тебя окажется много работы. И разве тебе не понадобится похоронное бюро, чтобы их всех хоронить? По-моему – да. Я только хотел похвалить твой вкус по части женщин, это Мери мне помешала.

Его блестящие глаза с насмешливым торжеством остановились на Мери.

– Кто говорит, что я нализался? Я? Ничего подобного. Я вижу все совершенно ясно, как днем. Я вижу моего старого друга Билла – и, заметьте, одного, а не двух Биллов. Он от роду не бывал двуличным. Билл! Друг! Когда я вижу тебя теперь в брачном хомуте, мне становится грустно – да, грустно. – Он оборвал свою речь и обратился к Мери. – Не кипятись, старуха! Я знаю, что говорю. Мой дед был сенатором в своем штате и мог с утра и до ночи вести приятные разговоры. Я тоже могу... Так вот, Билл, когда я смотрю на тебя, мне делается грустно. Да, грустно. – Он вызывающе взглянул на Мери. – Сам-то я разве не вижу, сколько ты забрал себе счастья? Верь моему слову – ты умный парень, черт бы побрал всех женщин! Ты хорошо начал; так и продолжай. Женись, брат, женись хоть на всех! Чокнемся, Билл! Ты могикан и храбрец! А скво у тебя первый сорт. Пью за ваше здоровье, и за вас обоих, и за ваших будущих крикунов. Дай вам Бог!

Он залпом осушил стакан, упал на стул и устался на молодых, из его глаз медленно катились слезы. Мери тихонько погладила его руку, и он совсем раскис.

– Господи, имею же я право поплакать, – всхлипывал Берт. – Лучшего дружка своего лишаюсь! Прошлого уже не вернешь, нет... никогда... Как подумаю о прежних веселых днях с Биллом, о наших проделках, и вижу, что вот вы, Саксон, теперь сидите с ним и держитесь за ручки, – я возненавидеть вас готов.

– Не грустите, Берт, – ласково улыбнулась Саксон. – Вот и вы с Мери тоже держитесь за руки.

– Ах, он любит нюни распускать, – сказала Мери резко, в то время как ее пальцы нежно перебирали его волосы. – Не грусти, Берт. Пусть теперь Билл ответит на твою замечательную речь.

Берт подкрепился новым стаканом вина.

– Валяй, Билл! – воскликнул он. – Теперь твой черед!

– Я говорить не мастер, – проворчал Билл. – Что мне сказать им, Саксон? Сказать, как мы счастливы? Они и так знают.

– Поблагодари за добрые пожелания и пожелай им от нас того же. Скажи им, что мы всегда будем счастливы. И что мы всегда все четверо будем дружить, как и раньше. И что мы их приглашаем в следующее воскресенье к нам обедать. Пайн-стрит, пятьсот семь. А если ты, Мери, захочешь приехать в субботу с вечера, ты можешь переночевать в комнате для гостей.

– Ты сказала гораздо лучше, чем сказал бы я! – И Билл захлопал к ладоши. – Молодчина, Саксон! Что я могу прибавить к твоим словам? Очень немного. А все-таки кое-что прибавлю.

Он встал и взял в руку стакан. От темных густых бровей и темных ресниц его голубые глаза казались синими и еще больше оттеняли белокурые волосы и светлую кожу; гладкие юношеские щеки покрылись легким румянцем, но не от вина, – он пил всего второй стакан, – а от здоровья и счастья. Саксон смотрела на него с чувством гордости, радуясь тому, что он так хорошо одет, такой сильный, красивый, опрятный. Он – ее муж-мальчик, и она гордилась собой, своей женской прелестью и желанностью, благодаря которым у нее такой удивительный возлюбленный.

– Так вот, Берт и Мери, – начал он. – Вы сидите с нами за нашим свадебным ужином. Мы приняли к сердцу все ваши добрые пожелания, желаем того же и вам, и, говоря так, мы имеем в виду гораздо больше, чем вы думаете. Мы с Саксон считаем, что долг платежом красен. И хотим, чтобы наступил день, когда мы, наоборот, будем гостями на вашем свадебном ужине! И тогда, если вы соберетесь к нам в воскресенье обедать, вы оба можете ночевать в свободной комнате. Разве зря я обставил ее? Как вы думаете, а?

– Вот уж чего никак от вас не ожидала, Билли! – воскликнула Мери. – Да вы хуже Берта. Ну, все равно...

Из глаз ее неожиданно брызнули слезы. Голос дрогнул и оборвался; затем, улыбнувшись, она обернулась к Берту, который обнял ее и посадил к себе на колени.

Выйдя из ресторана, все четверо пошли вместе по Восьмой и Бродвею и остановились у трамвайной остановки.

Берт и Билл чувствовали себя неловко и молчали под влиянием какой-то внезапно возникшей между ними отчужденности. Но Мери обняла Саксон с нежной заботливостью.

– Ничего, детка, – шептала Мери. – Ты не пугайся, все обойдется. Подумай обо всех прочих женщинах на свете.

Кондуктор дал звонок, и обе пары расстались, торопливо бормоча всякие пожелания.

– Ах ты, могикиан! – крикнул Берт, когда трамвай тронулся. – И вы, могикианша!

– Не забудь того, что я тебе сказала, – напомнила Мери, прощаясь с Саксон.

Трамвай остановился на углу Седьмой и Пайн-стрит, это была конечная остановка. Отсюда до дома молодых оставалось не больше двух кварталов. На крыльце Билл вынул из кармана ключ.

– Правда, чудно? – сказал он, поворачивая ключ в замке. – Ты да я, и больше никого. Одни!

Пока он зажигал в гостиной лампу, Саксон стала снимать шляпу. Затем он прошел в спальню, зажег свет и там, вернулся и остановился в дверях. Саксон, все еще в смущении возившаяся со шпильками от шляпы, украдкой взглянула на него. Он протянул к ней руки.

– Ну? – сказал он.

Она подошла к нему, и он почувствовал, как она задрожала в его объятиях.

Часть вторая

Глава первая

Вечером, на другой день после свадьбы, когда Билл, возвращаясь домой, поднялся на крыльцо, Саксон встретила его в дверях. Поцеловавшись, они пошли рука об руку через гостиную в кухню, и Билл, остановившись на полдороге, с удовольствием потянул носом.

– Послушай, Саксон, у нас в доме ужасно хорошо пахнет! Это не только запах кофе, хотя я различаю и его. Пахнет во всех комнатах, пахнет... ну я не знаю чем, просто хорошо пахнет!

Пока он мылся над раковиной, она поставила на плиту сковородку. Вытирая руки и наблюдая за женой, он издал одобрительное восклицание, когда она положила на сковородку бифштекс.

– Где это ты научилась жарить бифштекс на раскаленной сковородке без масла? Это лучший способ, но почему-то женщины его не признают.

Когда она сняла крышку со второй сковородки, чтобы помешать кухонным ножом какое-то аппетитное кушанье, он подошел к Саксон сзади, просунул руки под ее опущенные локти, обхватил грудь и склонил голову ей на плечо, так что его щека коснулась ее щеки.

– М-м-м!.. Жареная картошка с луком, как, бывало, готовила моя мать. Чудесная штука! И до чего хорошо пахнет!

Он отпустил жену, и его щека ласково скользнула вдоль ее щеки. Но затем он снова обнял ее; она почувствовала его губы на своих волосах и слышала, как он вдыхает их запах.

– М-м-м!.. А как хорошо пахнет от тебя самой! Я раньше никак не мог понять, когда говорили про женщину, что она упоительная. А теперь понимаю. Но такой упоительной, как ты, я еще не встречал.

Он был несказанно счастлив. Причесавшись в спальне, он сел против нее за маленький столик и, уже взяв в руки нож и вилку, сказал:

– Знаешь, быть женатым очень приятно, а слушаешь всех этих женатых людей... Даю слово, Саксон, мы могли бы их кое-чему научить. Мы можем дать им много очков вперед и все-таки выиграть. Одним только я недоволен.

Мгновенно вспыхнувший в ее глазах испуг заставил его рассмеяться.

– Тем, что мы не поженились раньше. Подумай, сколько дней я потерял!

Ее глаза засияли счастьем и благодарностью, и она поклялась себе, что так будет в течение всей их супружеской жизни.

Они кончили ужинать, она убрала со стола и принялась мыть над раковиной посуду. Когда он сделал попытку перетираться ей, Саксон схватила его за полу пиджака и толкнула обратно на стул.

– Сиди и радуйся, что можешь отдохнуть. Нет, нет, изволь слушаться! Выкури сигару. Нечего следить за тем, что я делаю. Вот тебе сегодняшняя газета. И если ты не очень спешишь прочесть ее, ты оглянуться не успеешь, как я кончу с посудой.

Пока он курил и читал газету, она то и дело украдкой на него поглядывала. Еще одного не хватает для полного уюта – туфель.

Через несколько минут Билл со вздохом отодвинул от себя газету.

– Бесплезно, – сказал он. – Я все равно не могу читать.

– Почему? – лукаво спросила она. – Глаза болят?

– Да нет. Что-то застилает их; это пройдет, если я буду смотреть на тебя.

– Сейчас, мой мальчик. Я освобожусь через минутку.

Прополоскав кухонное полотенце и вычистив раковину, она сняла с себя фартук, подошла к Биллу и поцеловала его сначала в один глаз, потом в другой.

– Ну, теперь лучше?

– Немножко получше.

Она повторила свое лечение.

– А теперь?

– Еще лучше.

– А теперь?

– Совсем хорошо.

Однако, подумав, он заявил, что правый глаз еще немного болит.

Во время лечения этого глаза она вдруг вскрикнула, словно от боли.

– Что с тобой? Тебе больно?

– Глаза. Они тоже ужасно заболели!

Тут они поменялись ролями, и Билл стал врачом, а она пациенткой. Когда оба вылечились, она повела его в гостиную, где они ухитрились усестись вдвоем в большом мягком кресле, стоявшем у открытого окна. Это была самая дорогая вещь в доме. Кресло стоило семь с половиной долларов, и Саксон, даже не мечтавшая о таком великолепии, ощущала в течение всего дня легкие уколы совести.

В комнату лился свежий соленый запах моря, который по вечерам так радует жителей приморских городов. На железнодорожных путях пытели паровозы и слышался грохот поездов, замедлявших ход между молотом и Оклендским вокзалом; доносились крики детей, обычно игравших на улице в летние вечера, и негромкие голоса хозяек из соседнего дома, вышедших посидеть на крылечке и посудачить.

– Что может быть лучше этого? – прошептал Билл. – Как вспомню о своей меблированной комнатенке за шесть долларов, так даже грустно становится! Сколько времени я зря потерял. Одно только меня утешает: если бы я оттуда съехал раньше, я бы не встретил тебя. Ведь я еще месяц назад даже не подозревал, что ты живешь на свете.

Его рука скользнула вверх по ее обнаженной руке и пробралась под рукав.

– Какая у тебя свежая кожа, – сказал он. – Не холодная, а именно свежая. Так приятно ее касаться!

– Ты скоро сделаешь из меня холодильник! – засмеялась она.

– И голос у тебя какой-то свежий, – продолжал он. – Когда я слышу его, у меня такое чувство, будто ты кладешь мне руку на лоб. Очень странно. Я не знаю, как объяснить, но твой голос словно проходит через всего меня – чистый и свежий. Как ветерок – такой приятный, знаешь, когда он подует с моря после жаркого, душного дня. А если ты говоришь тихо, твой голос звучит мягко и певуче, точно виолончель в оркестре театра Макдоноу. И никогда у тебя он не доходит до высоких нот, никогда не бывает резким, визгливым, не дерет слух, как голоса иных женщин, если они сердятся или возбуждены; они напоминают мне заигранную граммофонную пластинку. А твой голос так и льется в душу, я даже дрожать начинаю, будто от свежести. Просто наслаждение. Мне кажется, у ангелов, если только они существуют, должен быть такой голос.

Несколько минут прошло в молчании; она чувствовала такое невыразимое счастье, что только провела рукой по его волосам и без слов прижалась к нему. Затем Билл продолжал:

– Хочешь знать, кого ты мне напоминаешь? Видела ты когда-нибудь молодую породистую кобылу с блестящей атласной шерстью и до того нежной кожей, что на ней остается след от малейшего прикосновения хлыста? Она такая чуткая, нервная, а может превзойти выносливостью самую крепкую необъезженную лошадь, – и в один миг разорвать себе сухожилия или простудиться насмерть, если проведет ночь без попоны. Такие лошади – самые прекрасные создания на свете; они стройные, сильные, нежные, и обращаться с ними нужно очень

бережно. Знаешь, как со стеклянной посудой: «Осторожно, бьется, не переворачивать, не бросать наземь!» Ты напоминаешь мне такую лошадку. И мое дело присмотреть, чтобы обращение с тобой было самое аккуратное. Ты так же не похожа на других женщин, как породистая кобыла на рабочих кляч. Знаешь, ты кто? Ты чистокровка. Ты и стройна по-особому и порывиста... А уж сложена... Знаешь, какая у тебя фигура? Да, да, куда до тебя Анетте Келлерман. Она австралийка, ты американка. Но разве американки такие?.. Ты особенная. Ты – первый класс... Нет, я не знаю, как объяснить... Остальные женщины сложены не так. Ты будто из другой страны. Прямо француженка. И сложением, и тем, как ты ходишь, садишься, встаешь, просто ничего не делаешь, – всем ты напоминаешь француженку, и даже лучше...

Билл, никогда не выезжавший из Калифорнии и не ночевавший ни одной ночи вдали от своего родного Окленда, не ошибся. Саксон была прекрасным цветком на англосаксонском дереве; необычайно маленькие руки и ноги, узкие кости, пластичность тела и движений – все в ней напоминало одну из тех женщин давнего прошлого, которые произошли от смешения французов-норманнов с крепким племенем саксов.

– А как на тебе сидит платье! Ты точно срослась с ним. Оно такая же часть тебя, как свежесть твоего голоса и твоей кожи. И всегда ты так хорошо одета, что, кажется, лучше и быть не может. А ведь ты знаешь: мужчине очень приятно показываться с женщиной, когда она одета, как картинка, и слышать, как другие парни говорят: «С кем это сегодня Билл? Правда, прелесть? И я бы от такой не отказался!» Ну, и все в таком роде.

И Саксон, прижавшись к его щеке, чувствовала, что она вполне вознаграждена за долгие часы ночного бдения, когда после мучительного трудового дня ее голова невольно клонилась над шитьем: она старалась восстановить в памяти и украдкой перенять фасоны тех нарядных вещей, которые каждый день разглаживала.

– Знаешь, Саксон? Я придумал тебе новое имя. Ты мой Эликсир Жизни. Вот ты кто!

– И я тебе никогда не надоем? – спросила она.

– Надоешь? Да мы же созданы друг для друга!

– Разве не удивительно, что мы встретились, Билли? Ведь мы могли никогда и не встретиться. Это чистая случайность...

– Значит, такие уж мы счастливицы! – воскликнул он. – Так нам было на роду написано!

– А может, наша встреча больше, чем счастливая случайность, – задумчиво проговорила она.

– Наверняка. Мы должны были встретиться. Мы не могли не найти друг друга.

Они замолчали и сидели в тишине, не замечая времени, отдавшись любви, невыразимой словами. Затем она почувствовала, как он привлек ее ближе, и его губы прошептали у самого ее уха:

– А не пойти ли нам спать?

* * *

Много вечеров провели они так вдвоем; а случалось, они вносили в них некоторое разнообразие – ходили на танцы, в кинематограф, в театр Орфей или театр Белла, либо на музыку, которая играла вечером по пятницам в городском парке. Порой по воскресеньям Саксон брала с собой завтрак, и они уезжали в горы в коляске, запряженной Принцем и Королем, которых хозяин по-прежнему охотно давал Биллу для поездки.

Каждое утро Саксон просыпалась от звонка будильника. В первый день их совместной жизни Билл настоял на том, чтобы встать вместе с ней и развести огонь в плите. В этот раз Саксон уступила ему, но затем стала накладывать дрова с вечера, так что утром оставалось только поднести к ним спичку. И она убедила его, что можно еще подремать в постели, пока завтрак не будет готов. Первое время она готовила ему завтрак, затем с неделю он ходил домой

обедать. А потом был принужден брать что-нибудь с собой. Все зависело от того, в какой части города он работал.

– Ты неправильно себя поставила с мужем, – заявила ей однажды Мери. – Ты так ухаживаешь за ним, что окончательно его избалуешь. Это ему за тобой ухаживать надо, а не тебе за ним...

– Да ведь зарабатывает он, – возразила Саксон. – Его труд гораздо тяжелее моего, а у меня свободного времени хоть отбавляй. И потом – мне хочется ухаживать за ним, потому что я его люблю... Ну и... просто... мне хочется.

Глава вторая

Несмотря на то что Саксон вела хозяйство крайне тщательно, вскоре, когда она распределила все свои ежедневные обязанности, оказалось, что у нее остается много свободного времени. Особенно в те дни, когда Билл брал с собой завтрак и ей не нужно было готовить полдник, Саксон имела в своем распоряжении несколько свободных часов. Привыкнув годами работать на фабрике или в прачечной, она тяготилась этой неожиданной праздностью. Ей было трудно сидеть без дела, но и ходить в гости к своим прежним подругам она не могла, – те были весь день на работе. С соседками же она еще не успела свести знакомство, кроме одной старухи, которая жила рядом; с этой женщиной они иногда перекидывались несколькими словами через забор, разделявший их дворы.

Одним из любимейших ее занятий стало купание, и она имела возможность наслаждаться этим неограниченно. В приюте и у Сары она привыкла брать ванну только раз в неделю. Когда она подросла, ей захотелось мыться чаще. Но такое желание вызвало сначала насмешки со стороны Сары, а затем и ее гнев. Сама Сара выросла в те годы, когда было в обычае купаться только по субботам, и в поползновении Саксон мыться больше чем раз в неделю она усматривала нечто высокомерное и оскорбительное для своей личной чистоплотности. По ее мнению, это значило попусту переводить дрова и прибавлять к семейной стирке лишние полотенца. Но теперь у Саксон была собственная плита, ванна, полотенца и мыло, и никто не мог ничего ей запретить, – поэтому она ежедневно наслаждалась купанием. Правда, ванной ей служил просто большой бак для стирки, она ставила его в кухне на пол и наливала воду ведром, но все же это была роскошь, и возможность пользоваться ею она получила только в двадцать четыре года. Старуха соседка открыла ей в случайном разговоре главную прелесть такого купания: оказывается, совсем простая штука – нужно влить в воду несколько капель нашатырного спирта. Саксон никогда раньше об этом не слышала.

Ей вообще было суждено узнать от этой странной женщины еще очень многое. Они познакомились ближе, когда Саксон однажды развешивала во дворе свои выстиранные лифчики и несколько штук самого тонкого белья. Старуха стояла, облокотившись на перила своего крыльца, и, поймав взгляд молодой женщины, кивнула ей, причем Саксон показалось, что этот кивок предназначается не столько ей самой, сколько ее развешанному белью.

– Вы только что замуж вышли? Верно? – спросила женщина. – Меня зовут миссис Хиггинс. Но я предпочитаю, чтобы меня звали по имени – Мерседес.

– Меня зовут миссис Робертс, – ответила Саксон, испытывая радостное волнение оттого, что может называться этой новой фамилией. – А имя мое Саксон.

– Странное имя для янки, – заметила собеседница.

– О, я не янки, я из Калифорнии! – воскликнула Саксон.

– О-ля-ля! – засмеялась миссис Хиггинс. – Я забыла, что мы в Америке. В других странах всех американцев зовут янки. Значит, вы недавно вышли замуж?

Саксон кивнула с радостным вздохом. Мерседес тоже вздохнула.

– Ах вы, счастливое, нежное молодое создание!.. Я готова вам бешено завидовать! Перед вами вся жизнь, и вы можете любого мужчину обернуть вокруг своего хорошенького пальчика. Но вы даже не понимаете своего счастья. Ни одна женщина его не понимает, а потом уже слишком поздно.

Саксон была смущена и удивлена этим заявлением, однако ответила с готовностью:

– О, я знаю, что я счастливая. Мой муж лучше всех на свете.

Мерседес Хиггинс снова вздохнула и перевела разговор на другое. Она кивком указала на белье.

– Вы, я вижу, любите красивые вещи. Очень похвально, молодой женщине так и следует. Это прекрасная приманка для мужчин, – от тряпок зависит половина дела. Такими вещами их завоевывают, а потом удерживают... Вы ведь хотите удержать своего мужа, чтобы он был с вами всегда-всегда?

– Конечно. И я сделаю так, что он будет всегда-всегда любить меня.

Саксон умолкла, смущенная своей неожиданной откровенностью с этой чужой женщиной.

– Странная штука – любовь мужчины, – продолжала Мерседес. – И ошибка всех женщин в том, что они воображают, будто мужчина для них – открытая книга. Именно по незнанию мужчин большинство женщин и становятся несчастными, но все-таки продолжают верить, что они мужчин прекрасно понимают. Ах, дурочки, дурочки! Значит, вы, маленькая женщина, надеетесь, что заставите мужа всю жизнь любить вас? Так все говорят, думая, что знают и причуды мужского сердца и их самих. Но, уверяю вас, легче получить главный выигрыш в лотерее «Литтл Луизиана», чем достигнуть этого, и бедные молодые женщины всегда слишком поздно убеждаются в своей ошибке. Хотя вы – вы начали хорошо. Следите за собой и носите изящное белье. Чем вы мужа покорили – тем и удержите. Но это далеко не все. Когда-нибудь мы поговорим с вами, и я расскажу вам то, что, к сожалению, очень немногие женщины хотят знать, а узнают только исключения. Саксон! Какое энергичное и красивое имя. Но оно к вам не подходит. Не думайте, я наблюдала за вами, вы скорее француженка. Да, в вас есть что-то французское, несомненно. Передайте мистеру Робертсу, что я поздравляю его с таким удачным выбором. – Она замолчала и взялась за ручку кухонной двери. – Заходите ко мне как-нибудь. Не пожалеете. Я многому могу вас научить. Приходите вечером. Мой муж служит ночным сторожем на вокзале и днем отсыпается. Вот и сейчас он спит.

Саксон вернулась к себе задумчивая и заинтригованная. Эта худая смуглая женщина, с лицом поблекшим и словно опаленным зноем, с большими черными глазами, сверкающими и горящими каким-то неугасимым внутренним пламенем, казалась ей необыкновенной. Она, конечно, стара – так между пятым и седьмым десятком. В ее волосах, когда-то черных, как вороново крыло, уже белеет немало седых прядей. Особенно удивила Саксон чистота ее речи. Язык Мерседес был гораздо лучше того, к какому Саксон привыкла. Однако Мерседес не американка. С другой стороны, она говорит без всякого акцента. И налет чего-то иностранного в ее речи настолько неуловим, что трудно определить его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.